Ч25
845

КОНКЭ

СРАЖЕНИЕ ПОД КАПОРЕТТО

(1917 г.)

Воениздат
1940

295/845

Полковник КОНКЭ

Обязательный экземпляр

СРАЖЕНИЕ ПОД КАПОРЕТТО

(1917 г.)

Перевод с французского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1940

Полковник Конкэ. „Сражение под Капоретто". Перевод с французского.

В книге дается критический разбор событий, происшедших под Капоретто, где итальянская армия потерпела тяжелое поражение. В книге показаны достоинства и недостатки руководства армиями с обеих сторон. Подробно очерчен характер австро-германского наступления и последующего разгрома итальянцев. Показаны приемы войны в горных условиях.

Книга предназначается для начсостава Красной Армии всех родов войск.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
611613

Редактор П. КОСЬКИН Технический редактор А. БАБОЧКИН
Корректоры А. КОСОУРОВА и Е. РАБИНЕР
Схемы выполнил И. Н. ЖУКОВИЧ

Сдано в производство 1.12.39 Подписано к печати 4.5.40
Формат бумаги 60×92¹/₁₆ Объем 11¹/₄ печ. л. + 4 вклейки 1,5 п. л., 13,7 уч.-авт. л.
Уполн. Главлита № Г—12787 Издат. № 815. Зак. № 3830
Цена книги 3 руб. 50 коп., переплета № 7—1 руб. 50 коп.

Отпечатано во 2-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР им. К. Ворошилова
Ленинград, ул. Герцена, 1

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сражение под Капоретто является одним из крупнейших в истории войн. В нем 2-я итальянская армия, по которой был нанесен главный удар со стороны австро-германских войск, потеряла за 8 дней боев 250 000 человек из 700 000 и 2 000 орудий из 2 400. При дальнейшем развитии операции число итальянских войск, втянутых в сражение, достигло 1 400 000 человек. Общие потери выросли до 650 000 человек. В руки победителей попало более 3 000 орудий, или почти половина артиллерии, бывшей на фронте.

Такая величайшая в военной истории катастрофа, конечно, не может быть объяснена случайностью или капризом военного счастья, талантливостью или бездарностью полководцев, руководивших сражением. Автор это прекрасно понимает и пытается показать всю совокупность факторов материального, политического и морального порядка, предшествовавших событиям под Капоретто и сопровождавших эти события.

Он пробует даже выявить «взаимоотношения между материальными и моральными силами и определить ту относительную роль, которую они сыграли в конечном результате». Выявлению последнего автор уделяет значительное место в своей работе.

Однако этого ему не удалось сделать. Помешала ограниченность и неспособность буржуазной военно-исторической науки понять сущность происходивших у Капоретто явлений, чтобы установить закон, лежащий в основе их развития. Отсюда у автора такие промахи, как попытка осветить «событие под Капоретто в его исторической рамке» без анализа экономического и политического состояния Италии накануне мировой войны и в момент вступления в эту войну.

Стараясь выявить причины поражения итальянцев, автор ни слова не говорит о том, что Италия накануне мировой войны (в 1912 г.) закончила итало-турецкую войну, что, израсходовав огромное количество финансовых и материальных средств на колониальные авантюры, она к моменту мировой войны находилась в тяжелом экономическом состоянии. Пролетариат и трудящееся крестьянство страдали от непосильных налогов и зверской эксплоатации и, конечно, были против войны. Революционное движение в стране нарастало с каждым днем, мобилизации на фронт выливались в народные волнения, охватывавшие всю страну.

Упоминая вскользь о том, что итальянская армия в начале войны была «в состоянии полного разложения», автор не находит этому иного объяснения, как только то, что она из недавней войны в Ливии вышла дезорганизованной и истощенной, что кризис, переживавшийся Италией в 1917 г., объясняется «прежде всего не испытанными никем другим внутренними разногласиями, сопровождавшими вступление Италии в войну, и либеральным отношением к революционерам со стороны министерства».

Подходя к вопросу об оценке такого явления, как уход итальянских войск с поля сражения и сдача их в плен целыми крупными соединениями, автор признается, что произвести такую оценку трудно. Но все же добавляет, что «здесь приходится учитывать психологию коллектива». В качестве иллюстрации к этому положению он ссылается на такие исторические факты, как захват германскими войсками в марте 1918 г. «почти без выстрела» Соммы; распространение «чувства паники» по всему боевому расположению немцев 8 августа того же года и превращение в пыль целых полков, бригад и дивизий французской армии в мае 1918 г. А первопричины всего этого автор так и не понял или не хотел понять.

Иначе он не мог бы заявить, что во Франции и вообще «в странах Антанты... дело национального примирения и объединения восторжествовало почти автоматически под влиянием акта агрессии со стороны противника» и что только «в Италии оно являлось труднейшей задачей, лежавшей на правительстве». Вместо подобных, не соответствующих истине утверждений автор должен был бы рассказать о том, что и во Франции, и в Англии, и во всех других воюющих странах, как и в Италии, между правительством и трудящимися лежала и продолжает лежать незаполнимая пропасть классовых противоречий. Эти противоречия особенно резко стали обнаруживаться после разгрома царизма в России, когда трудящиеся всего мира увидели путь, могущий и их, как про-

летариев России, привести к освобождению из-под гнета империализма. Этим объясняется, что командиры войсковых частей капиталистических стран не пользовались и не могли пользоваться доверием, что даже в Париже офицеры после революции в России боялись показываться на улицах в своей форме.

Хотя бы просто в интересах истины надо было отметить и такие факты, как требование рабочих Англии и других воюющих стран создать советы по образцу русских.

Вместо этого автор спрашивает: существует ли средство против «психологии коллектива»? И тут же, глядя на все происшедшее под Капоретто через призму буржуазной науки и идеологии, он старается доказать, что «неудачи русских армий отчасти объясняются упадком национального духа при таких министрах, как Протопопов и Штюрмер...», что «у Италии не было популярной и решительной цели войны... сбитое с толку общественное мнение не было мобилизовано» потому, что Италия «в течение нескольких десятилетий была членом Тройственного союза», и т. д.

Несерьезность и даже смехотворность подобного объяснения общественных явлений и такого явления, как мировая война, для нашего советского читателя настолько очевидна, что нет надобности разъяснять допускаемые автором ошибки.

Трудящиеся нашей страны, да и передовая часть человечества всего мира уже знают, что единство национальных и классовых интересов и солидарность всех слоев общества несовместимы с капиталистическим строем. Знают они также, что армии общества, освобожденного от эксплоатации человека человеком, чужды трусость, паника и дезертирство — качества, присущие капиталистической армии. Ярким доказательством этому являются все страницы истории жизни и борьбы нашей доблестной Красной Армии.

Несмотря на отмеченные крупные недочеты, работа полковника Конкэ все же является нужной и ценной. Автор в ней дает не простую сводку военных действий под Капоретто, а критический разбор происшедших там событий. Он идет в ногу с борющимися армиями и подробно излагает ход событий. Автор в своем описании занимает как бы наблюдательную вышку, позволяющую ему видеть как достоинства, так и недочеты в руководстве и организации борющихся армий, отмечать совершаемые ими ошибки, давать им должную оценку с учетом всех привходящих обстоятельств.

Катастрофа под Капоретто представляет особый интерес для изучающих историю военного искусства и для каждого командира нашей Красной Армии еще и потому, что она вскрывает и показывает приемы войны в горных условиях.

В основе катастрофы под Капоретто лежит внезапность, искусно организованная и проведенная германским командованием. И с этой стороны командир Красной Армии найдет в книге много материала, достойного изучения.

Автор хотел быть объективным, но это ему не всегда удается. Он недостаточно подчеркивает промахи главного командования итальянских войск. Он старается кое-где оправдать Кадорну, этого «отмежевавшегося и замкнутого от всех» главнокомандующего, сумевшего за 2 года своего командования сменить и отрешить от должности 217 генералов, 250 полковников, 335 майоров.

Впечатление некоторого замазывания действительности создается и в части выяснения потерь итальянцев.

В части трактовки оперативных вопросов необходимо отметить неправильное толкование автором обязанностей начальников разведывательных отделений. Их нельзя ограничивать ролью только информатора добытых сведений. «На основании получаемых и изучаемых сведений о противнике, — говорится в ст. 191 нашего НПСШ, — начальник разведывательного отделения должен иметь обоснованную оценку как противника в целом, так и отдельных элементов его боевого порядка».

Вступительная часть

Военная обстановка и военные факторы

Операция под Капоретто является лишь одной из фаз итало-австрийской войны. Вполне понять ее можно, лишь восстановив ее исторический фон, бросив взгляд на предшествующие события 1915—1917 гг.

С мая 1915 г. по октябрь 1917 г. численно более сильная итальянская армия, несмотря на тяжелые потери, добилась лишь очень незначительных положительных результатов, совершенно несоразмерных принесенным ею жертвам.

Однако это признание отнюдь не характеризует ни усилий, приложенных Италией с 1915 г., ни боевых качеств итальянской армии осенью 1917 г.

Если общий ход войны Италии с Австрией сопровождался для первой многими неудачами, то это прежде всего потому, что ведение операций было все время затруднено для Италии как в стратегическом (оперативном), так и в тактическом отношениях своеобразной структурой театра военных действий.

Успехи итальянцев долгое время были очень ограниченными и потому, что итальянская армия страдала многими слабостями технического порядка, которые с полной ясностью вскрываются перед нами после изложения событий.

Но, с другой стороны, это изложение, ведущее нас от периода первоначальных неудач к крупной победе на плато Байнзицца в августе 1917 г., постепенно освобождает наш ум от предвзятых суждений и выявляет дававшееся с трудом, но непрерывное улучшение итальянской армии с мая 1915 г. до кануна Капоретто.

Влияние характера театра военных действий на общий ход операций

(Схема 1)

Из всех европейских театров мировой войны австро-итальянский театр является одним из самых уязвимых с стратегической точки зрения (в силу своей формы и протяженности) и одним из самых трудных с тактической точки зрения (в силу своего горного характера).

Он простирается в длину совершенно несоразмерно выставленным на нем силам: на 600 *км* фронта мы имели 35 итальянских дивизий в июне 1915 г. и, самое большее, 62 в октябре 1917 г. (тогда как на англо-франко-бельгийском фронте союзники и немцы в конце концов располагали на 850 *км* фронта примерно 200 дивизиями с каждой стороны). Таким образом на австро-итальянском театре сохраняются непосредственные стратегические (оперативные) возможности, которых не имеется на других театрах военных действий, насыщенных войсками обеих сторон.

Между Адриатическим морем и горой Стэльвио на швейцарской границе фронт образует очень резко выраженный двойной изгиб. А это значит, что серьезное событие на одном участке фронта не может не отразиться угрожающим образом на всем фронте.

В географическом отношении театр делится на три части:

— на западе — соединенные бассейны рек Адидже и Бренты, или район Трентино;

— в центре — в верховьях рек Пиаве и Тальяменто;

— на востоке — бассейн реки Изонцо.

Каждой из этих частей соответствует отдельная зона военных действий.

Высокогорный район Трентино образует обширный выступ в сторону равнины Виченцы.

Этот выступ, хотя и несколько удаленный от центральных областей Австро-Венгрии, с которыми его соединяют только два пути сообщения — через перевалы Тоблах (Добиакко) и Бреннер, представляет с австрийской стороны постоянную и серьезную угрозу для тылов всех итальянских сил, расположенных восточнее, в областях Венецианской и Фриули.

Зато со стороны итальянцев Трентино мог бы подвергнуться концентрическому наступлению. Но, не говоря уже о мощных, вполне современных долговременных укреплениях, на которые неизбежно должно было натолкнуться такое наступление, победоносная оборонительная кампания генерала Куна в 1866 г. уже показала трудности подобной операции.

Между районом Трентино и районом Изонцо простирается центральный район, охватывающий бассейны Верхнего Пиаве (провинция Кадоре) и Верхнего Тальяменто (провинция Карния).

Бассейн Верхнего Пиаве вдается между Адидже и Тальяменто и образует резко выраженный выступ в сторону перевала Добиакко. Наступая здесь — по дороге Пиеве ди Кадоре, Кортина д'Ампеццо, Добиакко, — можно угрожать одному из двух проходов, ведущих из Австрии в Трентино. Но у Италии нехватало материальных сил и средств, необходимых для того, чтобы попытаться провести эту операцию.

С другой стороны, в случае если бы австрийской армии удалось спуститься с перевала Тарвис, долина Верхнего Тальяменто создала бы серьезную угрозу охвата для всех итальянских сил, действующих на Изонцо.

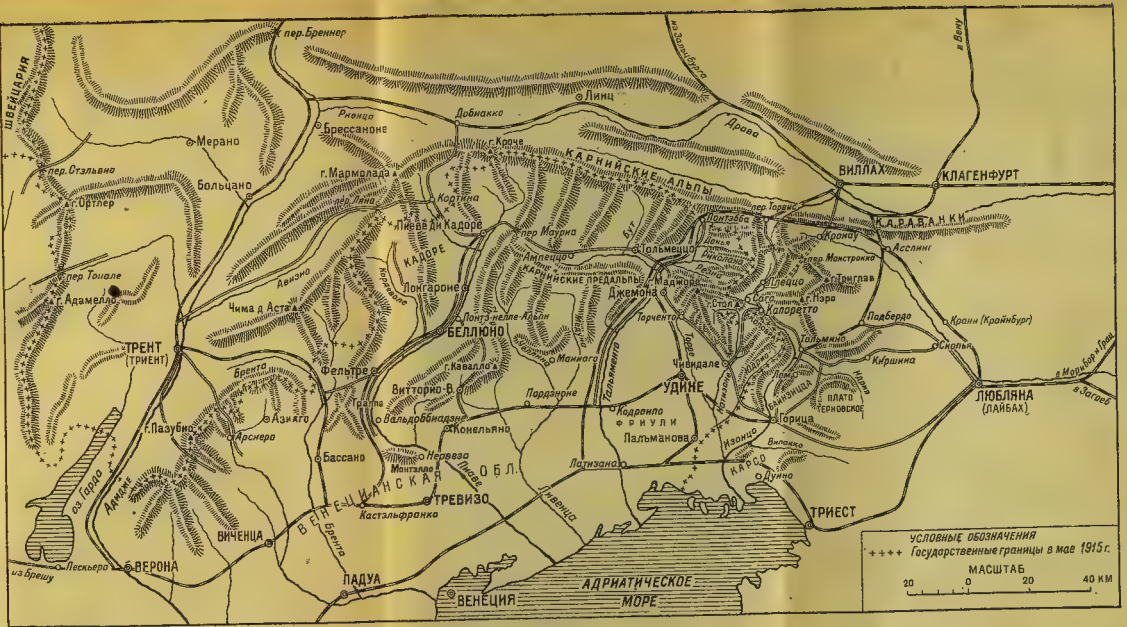


Схема 1. Схема австро-итальянского театра военных действий

В сущности, пока фронт в районах Трентино и Изонцо неподвижен, роль центрального района, очень бедного путями сообщения, сводится к тому, чтобы служить связывающим звеном. Но, ввиду особенностей местности в этом районе, положение в нем может быстро стать катастрофическим в случае прорыва прилегающих участков фронта.

Восточная часть австро-итальянского театра военных действий, или бассейн р. Изонцо, характеризуется несколько менее высоким рельефом, отсутствием долговременных укреплений, несколько более густой сетью путей сообщения. Действия крупных войсковых масс встречают в ней меньше затруднений, чем в районе Трентино.

В ней возможны интересные стратегические (оперативные) комбинации, так как наступление итальянцев в восточном направлении привело бы их в Триест, а затем на р. Саву и на подступы к Венгерской равнине. С другой стороны, наступление австрийцев по Фриульской равнине выводило их в тыл всех итальянских сил, развернутых от Тальяменто до Адидже.

Несмотря на недостатки бассейна Изонцо, итальянцы вынуждены были избрать именно этот район для своего главного наступления.

Однако итальянское главное командование должно было все время оставаться в готовности, чтобы предотвратить угрозу, которая со дня на день могла возникнуть со стороны Трентино. Главный удар итальянцев, направленный по ту сторону Изонцо, был связан с большим риском. Дело в том, что фронт на Изонцо удален на 200 *км* от узла путей сообщения Виченцы, тогда как австрийский фронт в Трентино находится всего в каких-нибудь 45 *км* от этого города.

Мы увидим, что постоянное беспокойство, вытекавшее из этой опасности, было одной из причин роковой нерешительности итальянского главного командования за несколько дней до начала австро-германского наступления под Капоретто.

* * *

С точки зрения рельефа местности австро-итальянский театр военных действий между перевалом Стэльвио и г. Тольмино на Изонцо представляет собой по существу широкую полосу высоких массивов. Он является типичным горным театром. Поэтому он в высшей степени воплощал в себе все затруднения тактического порядка, свойственные горной войне: чрезвычайную скудость путей сообщения, ненадежность подвоза снабжения, суровость климата, медленность производства работ по оборудованию фронта, так как дороги, тропы, убежища, окопы приходилось почти всегда сооружать в снегу или в скалистом грунте.

Сколько препятствий для быстрого движения армий: чрезвычайно длительная подготовка наступления; продвижение под огнем, замедленное крутизной скатов; неизменное запаздывание с переменой позиций или необходимость откладывать ее до окончания оборудования путей подхода. Сколько причин переутомления, сколько лишних тягот для войск!

Правда, к югу от Тольмино горы исчезают, но только для того, чтобы смениться унылым и обрывистым известняковым плоскогорием Карсо [1], огромным скалистым массивом, омываемым с запада широкой рекой с быстрым течением, а к востоку постепенно поднимающимся над Фриульской равниной, подобно естественной крепости, целым рядом террас, изрытых почти недоступными гротами и пещерами.

Конечно, на каждом из европейских театров военных действий имелись свои специфические трудности, но ни на одном не было их столько, как на диком итало-австрийском театре. Эти соображения должны послужить введением к изложению событий.

События с мая 1915 г. по сентябрь 1917 г.

(Схемы 2 и 3)

Италия вступила в войну с очень недостаточным оснащением. В то же время она столкнулась с противником, располагавшим отличными оборонительными позициями, а главное, имевшим ни с чем не сравнимое преимущество опыта почти года войны. В течение 28 месяцев наступлений с вынужденно ограниченными целями, которые в большинстве случаев оказывались все же слишком обширными для имевшейся налицо артиллерии, Италии пришлось видеть, как ее живая сила, боевые средства, энергия бойцов истощались в окопной войне.

Однако, постепенно усилившись численно и материально, итальянская армия в сражении на Байнзицце в августе—сентябре 1917 г. добилась такого перевеса над своим противником, что последнему пришлось обратиться за помощью к Германии (схемы 2 и 3). В мае 1915 г., когда Антанта переживала трудное время (на Западном фронте затяжное сражение в Артуа; на Восточном — развитие Горлицкого прорыва, осуществленного Макензеном 1 мая), Италия своим вступлением в войну оказала союзникам большую моральную поддержку. Силы ее достигали 35 дивизий. К сожалению, они имели оснащение, совершенно не соответствовавшее требованиям позиционной войны: всего-навсего 112 тяжелых орудий и 700 пулеметов.

План войны, разработанный начальником генерального штаба генералом Кадорной, предусматривал стратегическую оборону на фронте Трентино и энергичное наступление на р. Изонцо в направлении на р. Саву.

Австрийцы первоначально предполагали отойти на р. Саву и дать там большое сражение при выходе итальянцев из гор, но по настоянию генерала Фалькенгайна, выдвинувшего как довод против всяких планов широких операций недостаточность численного состава, они остановились на решении ограничиться чистой обороной на фронте Изонцо.

У обоих противников командование было организовано в соответствии с географическими районами театра военных действий.

[1] Немецкое название «Карст». — *Ред.*

Эта организация, оставшаяся почти неизменной до наступления под Капоретто, дана (приблизительно) в нижеследующей таблице и показана на схеме 4.

Районы операций		Группировка сил	
		с итальянской стороны	с австрийской стороны
На западе	Район Адидже—Брента	Одна армия (1-я)	Тирольская группа армий
В центре	Бассейн Верхнего Циаве	Одна армия (4-я)	
	Бассейн Верхнего Тальяменто	Один отдельный корпус (так называемый Карнийского района)	Одна армия (так называемая Каринтийская)
На востоке	Бассейн Изонцо	Две армии: 2-я — на севере, 3-я — на юге	Изонцская группа армий

Объявление войны Австрии последовало 24 мая.

26 мая, не дожидаясь окончания сосредоточения, и даже мобилизации, итальянское главное командование приступает к активным наступательным действиям.

Оно стремилось в первую очередь овладеть узлом путей сообщения Тольмино на Среднем Изонцо и высотами на левом берегу Нижнего Изонцо (схема 2).

Но предупреждение об отказе от союзного договора, последовавшее 2 мая, встревожило австрийцев, и ожидавшийся эффект внезапности не был достигнут.

С другой стороны, значимость численного превосходства итальянцев снижалась первыми ошибками командиров и войск, опытом, уже приобретенным противником, и недействительностью огня легкой артиллерии против проволочных заграждений. В общем это первое, довольно робкое наступательное движение (с 26 мая по 15 июня) привело лишь к установлению соприкосновения с противником по ту сторону границы (не доходя до Изонцо).

Закончив сосредоточение, генерал Кадорна перешел в наступление всеми силами. До начала зимы он предпринял четыре наступления подряд (примерно с одинаковыми целями): то на узел Тольмино, то на высоты Карсо на восточном берегу Нижнего Изонцо. С 23 июня по 7 июля 1915 г. продолжалось 1-е сражение и с 18 июля по 3 августа — 2-е сражение на Изонцо.

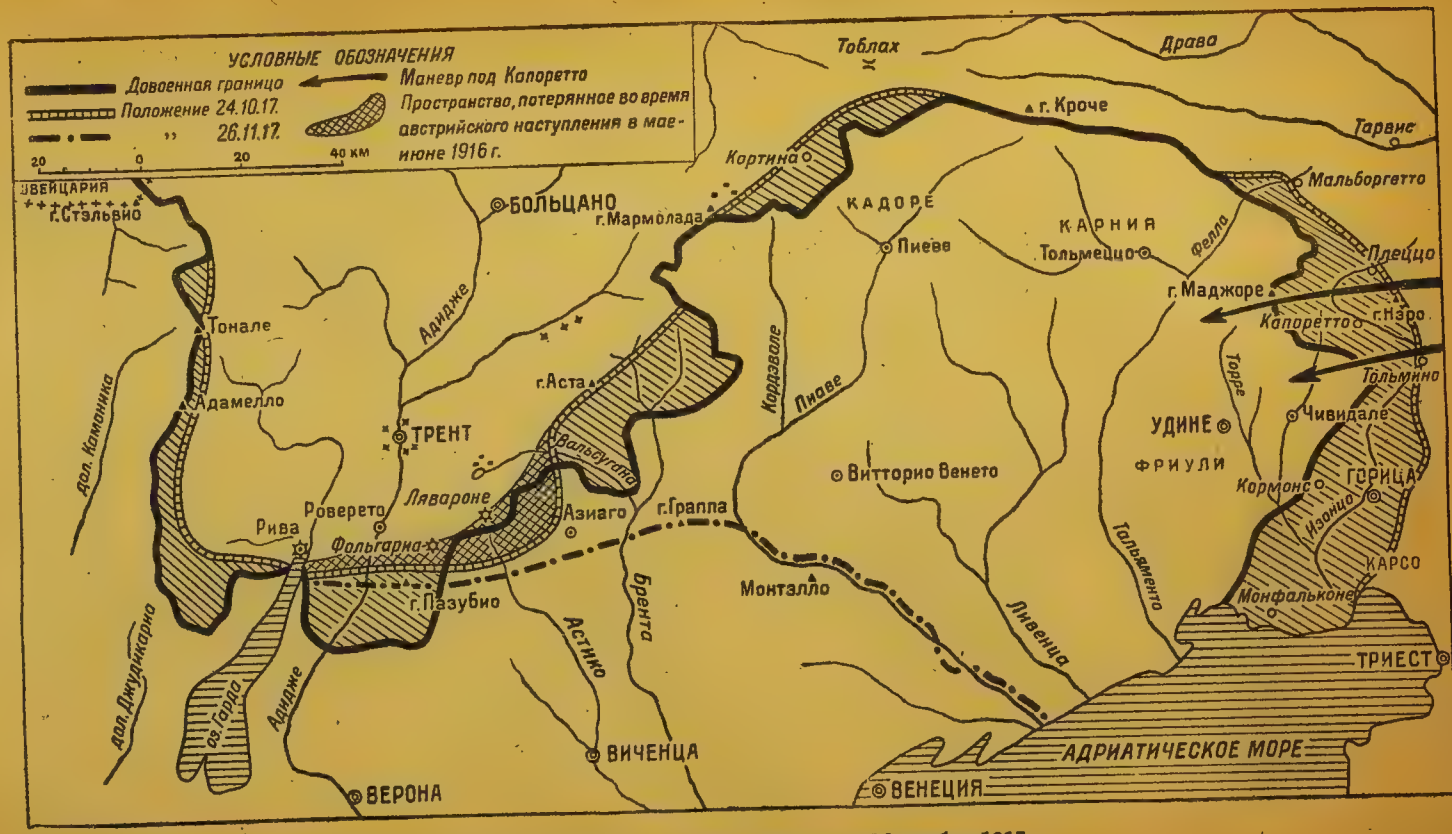


Схема 2. Главные изменения австро-итальянского фронта с 24 мая 1915 г. по 26 ноября 1917 г.

Результаты их были незначительны. Артиллерии (25 тяжелых батарей на 20 *км* фронта) оказалось совершенно недостаточно.

Осенью, в то тревожное время, когда французское наступление в Шампани было окончательно задержано, когда русские были отброшены на 400 *км* от Варшавы, а сербские войска опрокинуты Макензеном и атакованы с тыла болгарами,— атаки итальянцев возобновились. С 18 октября по 4 ноября происходило 3-е и с 10 ноября по 2 декабря — 4-е сражения на Изонцо.

На фронте от Плеццо до моря (90 *км*) Кадорне удалось сосредоточить 19 дивизий и 1 200 орудий [1] против 13 дивизий с 700 орудиями у австрийцев. Но и в данном случае количество фактически развернутой артиллерии оказалось далеко недостаточным для наступления, предпринятого на таком широком фронте. Во время 3-го сражения удалось ввести в дело лишь $^1/_4$ того количества тяжелых орудий и израсходовать $^1/_7$ того количества снарядов, которые были использованы в Шампани в сражении подобного же масштаба.

Кроме того, противник, уже укрывшийся на линии Карсо за рекой, пользовался всеми преимуществами, предоставляемыми обороне гористой местностью с естественными бастионами. При таких условиях итальянцам лишь с трудом удалось переправиться через Изонцо и укрепиться на склонах горы Сан-Микеле.

Всю тяжесть борьбы вынесла на своих плечах пехота, заплатившая кровью за недостаточную подготовку в мирное время и за допущенные ошибки: из 250 000 человек, выбывших из строя с начала войны, 240 000 приходится на пехоту. Ее лучшие кадры были уничтожены. Впоследствии она уже была неспособна на такой же порыв.

К началу 1916 г. сербы были окончательно разбиты. Русские были оттеснены. Инициатива операций перешла в руки центральных держав.

На германское наступление на Верден итальянцы, выполняя директивы первой междусоюзнической конференции в Шантильи, ответили так называемым «облегчающим» наступлением (5-е сражение на Изонцо с 11 по 25 мая), непродолжительным и безрезультатным.

Со своей стороны австрийцы предприняли наступление в Трентино. По плану, который давно уже лелеял начальник австрийского генерального штаба фельдмаршал Конрад Хетцендорф, надо было использовать стратегическое (оперативное) преимущество, предоставляемое театром военных действий, прорвать итальянский фронт между Адидже и Брентой и спуститься на равнину, чтобы выйти в тыл итальянскому фронту на Изонцо.

Конрад рассчитал, что ему необходимо иметь для этой операции 25 дивизий. Фактически он смог собрать только 18 дивизий, так как генерал Фалькенгайн отказался выделить на поддержку германские силы. Располагая 1 500 орудий и исходной базой, усилен-

---

[1] На остальном фронте, т. е. на протяжении 500 км, растянулись 14 дивизий.

ной мощными долговременными укреплениями, Конрад начал 15 мая внезапное наступление.

Итальянцы допустили ошибку, которую они впоследствии повторили и под Капоретто, а именно: развернули для обороны слишком много артиллерии и пехоты в первой линии, в непосредственном соприкосновении с противником. С 15 по 25 мая они были быстро оттеснены на юг от Азиаго до последней гряды высот над равниной.

Генерал Кадорна, долго отказывавшийся признать вероятность мощного наступления в этом районе ввиду технических трудностей сосредоточения противника, наконец, подбросил необходимые подкрепления и даже начал подготовку к сбору вокруг Виченцы новой армии, предназначенной для атаки противника при выходе его на равнину.

Однако, так как фельдмаршалу Конраду нехватило свежих войск для развития достигнутого успеха, натиск австрийцев вскоре достиг своей кульминационной точки. С 5 по 14 июня атаки становились все менее и менее мощными, а затем окончательно прекратились. К тому же 4 июня Брусилов начал свое большое наступление в Галиции. Итальянцы, перейдя в контрнаступление, с 15 июня по 13 июля вернули себе часть утраченного ими пространства.

В итоге, хотя итальянцы потеряли 150 000 человек (из них 50 000 пленными), а австрийцы — 80 000 человек (в том числе 25 000 пленными), австрийская «карательная экспедиция», предпринятая недостаточными силами, не привела к намеченной цели.

Тогда генерал Кадорна, не довольствуясь успехом обороны, поспешил захватить в свои руки стратегическую инициативу. Он быстро обратился в сторону Триеста, скрытно, быстро и умело перебросил свои главные силы из-под Виченцы на Изонцо и таким образом организовал в стиле, который можно назвать наполеоновским, мощное контрнаступление на Горицу. Австрийцы же в это время сняли часть своих сил с фронта Изонцо и перебросили их в Трентино. К тому же все их внимание было обращено теперь на Брусилова.

Наступление итальянцев в этот раз было обеспечено достаточными силами. На фронте в 40 *км* имелось 1 300 полевых и 450 траншейных орудий. 6-й корпус, наносивший в центре главный удар с целью прорыва, располагал одно время шестью дивизиями, 700 орудиями и 300 бомбометами на фронте в 6 *км*.

В три дня, с 6 по 8 августа, мощный тет-де-пон Горица был вырван из рук австрийцев. Итальянская армия, наконец, заняла на правом берегу Изонцо гору Саботино, захваченную полковником Бадоль, а на левом — город Горицу и гору Сан-Микеле (схема 3).

Но итальянцам не удалось вторгнуться во вторую австрийскую оборонительную полосу, на которую они неожиданно для себя наткнулись к востоку от Горицы. И после первого успеха наступление было прекращено.

Конечно, это сражение надо считать большим успехом Италии: австрийцами потеряно 80 000 человек против итальянских потерь

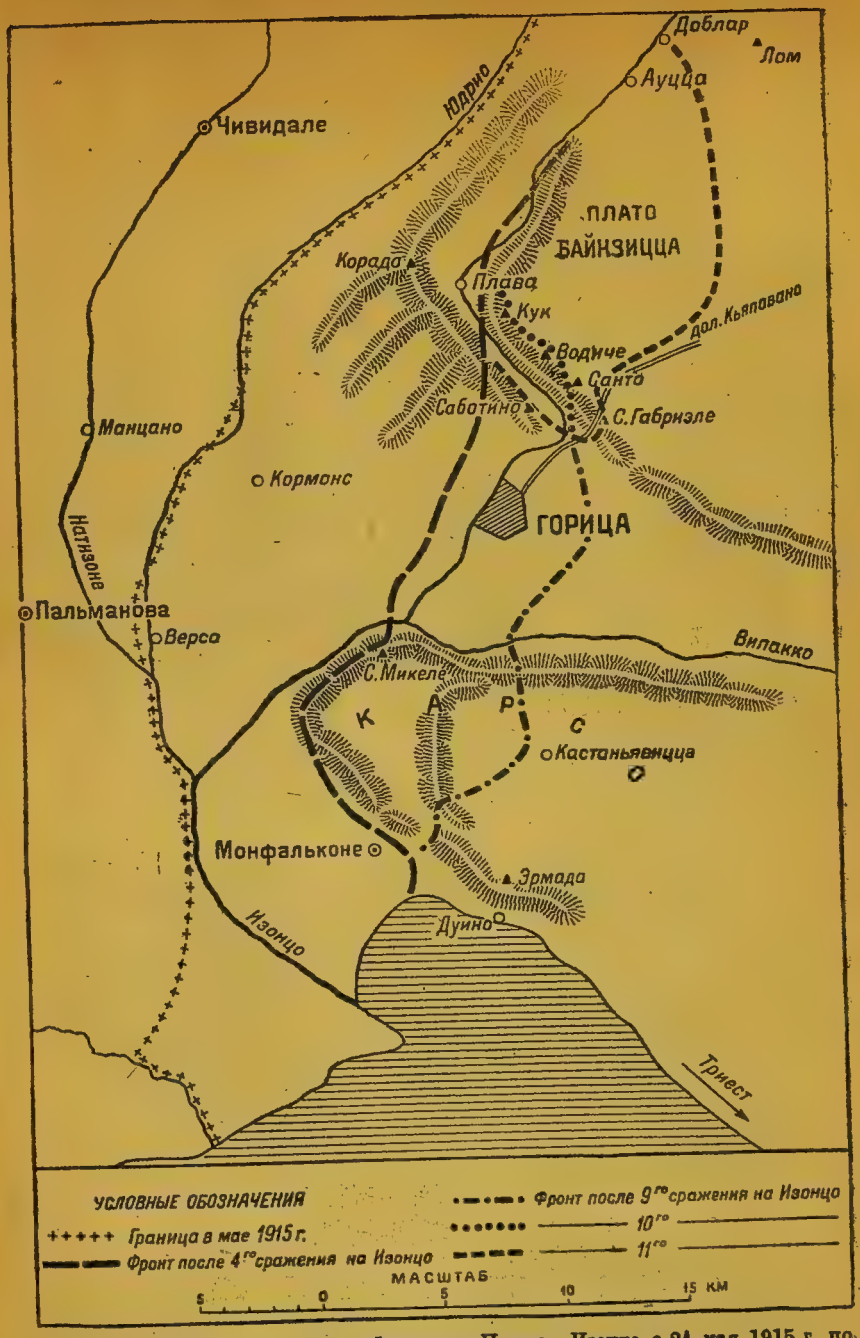


Схема 3. Главные изменения фронта на Нижнем Изонцо с 24 мая 1915 г. по 1 сентября 1917 г.

в 70 000 человек. Оно способствовало вступлению в войну Румынии (ею было заявлено об этом 24 августа). Однако оно не дало намеченных стратегических результатов. В горицкой воронке итальянская армия задыхалась от недостатка пространства, и ее командованию пришлось организовывать новые операции.

Общая обстановка была как раз благоприятна. Германский нажим на Верден начал ослабевать. На Сомме в это время (сентябрь) перевес был на стороне французов и англичан. Русские войска под командованием Брусилова с июня захватили у австрийцев 400 000 пленных. Румыния была готова открыть русским проход через Карпаты. Учитывая общую ситуацию, итальянское правительство решилось, наконец, объявить войну Германии (8 августа).

В связи с этим последовали подряд три наступления итальянской армии в направлении на Карсо: с 14 по 17 сентября, с 9 по 12 октября, с 31 октября по 4 ноября (так называемые 7-е, 8-е и 9-е сражения на Изонцо).

Но и эти наступления натолкнулись на отличные командующие позиции, на чрезвычайно искусную и упорную оборону, на непрестанные контратаки австрийцев. Итальянская артиллерия не смогла выполнить свою задачу: огнеприпасов нехватало, тактические приемы были плохо разработаны. Трудности усугублялись ненастной осенней погодой, грязью, проливными дождями. Только в южной части Карсо итальянцы продвинулись на какие-нибудь 4—5 *км*.

Находясь под впечатлением этого топтанья на месте и имея в виду план, намечавший разгром блока центральных держав путем прорыва фронта, в первую голову через Австрию, генерал Кадорна на конференции в Риме попросил у союзных штабов помощи Антанты на итальянском фронте.

Захват высот на левом берегу Изонцо, выше Горицы, развитие успеха и захват плато Байнзицца

Весной 1917 г., несмотря на молниеносный разгром Румынии, усиление подводной войны и ослабление русского фронта в силу происшедшей в России революции и свержения царизма, Антанта в течение нескольких месяцев еще сохраняла численное превосходство над противником. Ободренные объявлением Германии войны Соединенными Штатами Америки (7 апреля), союзники снова взяли инициативу операций в свои руки. 16 апреля началось французское наступление на Эне.

Со своей стороны генерал Кадорна, армия которого была значительно усилена, тщательно подготовил новое наступление с целью захвата естественного бастиона, окаймляющего долину Горицы с севера. Для этого он собрал до тридцати дивизий, поддержанных многочисленной артиллерией.

Так называемая Горицкая армейская группа под командованием генерала Капелло получила задачу захватить горный хребет с горами Кук, Водиче, Санто, расположенными на левом берегу Изонцо, выше Горицы, и возвышающимися над рекой на 600 *м*.

На фронте около 12 *км* генерал Капелло располагал двенадцатью дивизиями, 950 орудиями, 60 батареями бомбометов.

Расположенная южнее 3-я армия под командованием герцога Аоста (16 дивизий, 1 300 орудий на 20—25 *км* фронта) должна была атаковать Карсо в направлении на высоту Эрмада.

Против этих сил австрийский генерал Бороевич мог выставить 20—25 дивизий и 1 300 орудий.

С опозданием почти на месяц против срока наступления французов на р. Эн, т. е. 12 мая [1], итальянское главное командование начало 10-е сражение на Изонцо. На северном участке армии Капелло, выставившей примерно по одному орудию на каждые 10 *м* фронта, удалось после отчаянных усилий и кровопролитных боев взобраться по крутым скатам над Изонцо и овладеть вершинами Кук и Водиче.

Южнее армия герцога Аоста, гораздо хуже оснащенная артиллерией, с большим трудом продвинулась лишь на несколько километров по Карсо. Но в результате австрийского контрнаступления, предпринятого по скату местности, снижающейся в сторону противника, не успевшего еще как следует окопаться на этом скалистом грунте, итальянцы с 29 мая по 5 июня потеряли почти все захваченное было ими пространство. Таким образом, потеряв 115 000 человек против 70 000 австрийцев, они очень незначительно продвинулись вперед.

Командование не могло удовлетвориться достигнутыми результатами. С одной стороны, тактическая обстановка для итальянцев, зацепившихся к северу от Горицы за крутой берег реки, представлялась небезопасной. С другой стороны, в период, когда развивались франко-британское наступление во Фландрии и обреченное на скорую неудачу наступление Керенского, все союзники должны были считаться с постановлением Парижской конвенции о совместных действиях и возобновить наступление.

Для этого нового наступления [2] начальнику итальянского генерального штаба удалось добиться максимального сосредоточения сил на Изонцо. Между Тольмино и морем, т. е. на фронте в 45 *км*, было собрано около 50 дивизий (из общего числа 62) и 5 000 орудий.

Против них австрийцами было сосредоточено 25 дивизий.

Генерал Кадорна, опираясь на рубеж, достигнутый им весной, стремился захватить плато Байнзицца в излучине Изонцо, между Горицей и Тольмино. Обладание этим плато должно было повлечь за собой очищение австрийцами предмостной позиции Тольмино, всего района Горицы и вызвать откат австрийского фронта за непроходимый участок Терновского леса.

---

[1] Это опоздание, подвергшееся впоследствии резкой критике, можно объяснить опасением нового австрийского наступления в Трентино. Вернее же всего оно объясняется тем, что вполне соответствовало намерению, выраженному генералом Кадорной в его записке от 7 марта: «Мы перейдем в наступление тогда, когда противник будет предварительно скован».

[2] Перед этим (10—15 июня) было проведено еще одно неудачное наступление на горный массив Ортигара в Трентино, стоившее 25 000 человек.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Наступление между Тольмино и Горицей было возложено на 2-ю армию (26 дивизий) под командованием генерала Капелло. Несколько позднее оно должно было распространиться на южную часть Карсо, где командовал герцог Аоста, располагавший в своей 3-й армии 18 дивизиями. Впервые за эту войну было обеспечено во времени и пространстве тесное взаимодействие почти всех итальянских сил.

Наступление началось 18 августа.

На левом фланге армии Капелло, против плато Байнзицца, пришлось форсировать Изонцо под огнем противника, так что из 14 намеченных мостов удалось навести только 6. Подъем по скатам на высоту 500—600 *м* над рекой, а затем продвижение по каменистому, пересеченному оврагами плато, на котором возвышались вершины высотой до 900 *м*, без дорог, без воды, без всяких источников снабжения, представили огромные трудности.

Итальянцы продвинулись в глубину на 10 *км*. Вследствие неописуемой закупорки тылов и отсутствия путей сообщения передвижение артиллерии на обоих берегах Изонцо, а также подвоз снабжения чрезвычайно замедлились. Огнеприпасы иссякли, и 29 августа сражение затихло.

С другой стороны, на правом фланге армии Капелло один из важнейших опорных пунктов австрийской обороны (гора Сан-Габриеле), благодаря высеченным в скале галлереям, отразил все атаки итальянцев, несмотря на огонь 700 орудий и огромный расход снарядов с их стороны во время обстрела, продолжавшегося шесть суток подряд.

Наконец, начальные успехи наступления армии герцога Аоста на Карсо были, как и в предыдущем сражении, быстро ликвидированы австрийскими контратаками, направленными по снижающимся скатам с командующих позиций на противника, еще расположенного открыто на скалистом грунте.

В результате всего этого наступление было окончательно прекращено 15 сентября.

С тактической точки зрения 11-е сражение на Изонцо дало итальянцам крупную победу и если не решающие, то во всяком случае ощутительные результаты. Но именно ввиду крупного своего масштаба сражение повлекло за собой чрезвычайно серьезные последствия в другом отношении. За месяц боев итальянцами было потеряно 170 000 человек (40 000 убитых, 110 000 раненых и 20 000 пленных). Получилось сильное истощение личного состава, износ материальной части и расход всякого рода запасов, особенно запаса снарядов (упавшего с 3 миллионов до $1\frac{1}{2}$ миллиона штук). Одним словом, оно привело к значительному понижению боевого потенциала армии. Кроме того, в результате этого наступления большая часть сил и огромные военные запасы застряли в фриульском мешке. Все это привело к тому, что после окончания операции обстановка стала складываться все более и более неблагоприятно для итальянцев.

Австрийцам сражение обошлось в 90 000 человек (15 000 убитых, 45 000 раненых и 30 000 пленных) и тоже очень подорвало

силу сопротивления Австро-Венгрии. Чтобы не допустить разгрома Австрии, Германия решила теперь сама выступить на итальянском фронте.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ТЕХНИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ АРМИЙ

Кроме оборонительного сражения в Трентино, итальянская армия дала за 28 месяцев, с мая 1915 г. по сентябрь 1917 г., 11 наступательных сражений различной интенсивности и продолжительности. Все они разыгрались на фронте Изонцо.

Несмотря на огромное численное превосходство, итальянцы добились лишь жалких непосредственных результатов — незначительного продвижения на левом берегу Изонцо, только окупающего отход в Трентино. Надо отметить при этом, что итальянская армия не лишена была мужества. Она упорно боролась за выполнение поставленных перед ней задач, хотя потери ее в течение указанного времени достигали 800 000 человек.

Это огромное несоответствие между понесенными жертвами и достигнутыми результатами объясняется отчасти стойкостью, проявленной австрийцами в обороне, отчасти — следствием ошибок, допущенных итальянским командованием при ведении операций. Отсутствие гибкости маневра, частые наступления в форме фронтального удара, постоянное несоответствие между силами и шириной фронта, недостаточность силы ударной массы на решающем участке и в решительный момент, как, например, при взятии Горицы, — вот основные ошибки. Но главная причина неудач итальянцев, повидимому, заключается в недочетах материального порядка и в слабостях технического порядка, происхождение которых относится еще к довоенному времени.

«Когда началась война, — пишет генерал Кадорна, — наша армия находилась «в состоянии полного разложения», с одной стороны, вследствие «хронической неподготовленности», с другой — вследствие недавней войны в Ливии, из которой она вышла дезорганизованной и истощенной». Действительно, в это время у итальянской армии отсутствовали тяжелая артиллерия и пулеметы, а часть легкой полевой артиллерии еще состояла из орудий на жестких лафетах. Так как число военнообязанных, проходивших обучение в войсках, не превышало 120 000 человек в год, то резервы армии были довольно ограничены. Некомплект офицеров достигал в артиллерии 44% штатного состава. Сам офицерский состав оставлял желать много лучшего в отношении общей и технической подготовки. Так же была очень ограничена и экономическая мощь Италии. Особенно слабо была развита ее металлургическая промышленность.

Итальянское правительство начало принимать меры к улучшению этого положения вещей еще в то время, когда Италия сохраняла нейтралитет. После начала военных действий оно удвоило свои усилия и через три года сумело довести военную мощь

страны до максимума. Результаты, достигнутые им с мая 1915 г. по октябрь 1917 г. в отношении расширения производства и увеличения численности вооружения, видны из следующих таблиц.

1. Увеличение числа боевых единиц полевой армии

Название боевых единиц	Число их на	
	май 1915 г.	октябрь 1917 г.
Армейских корпусов	14	26
Пехотных дивизий	35	65
Пехотных батальонов	560	800
Артиллерийских батарей	510	1 570
Траншейных (бомбометных) батарей	0	200
Самолетов в строю	70	2 000
Приблизительная численность мобилизованной армии	800 000 чел.	2 000 000 чел.

2. Увеличение вооружения

Состояло на вооружении	Май 1915 г.	Май 1916 г.	Октябрь 1917 г.
Пулеметов	700	3 500	10 000
Орудий:			
легких полевых	1 800	2 200	3 000
тяжелых полевых	112	380	830
тяжелых крепостных	140	1 600	3 200
траншейных (бомбометов)	0		2 400

3. Увеличение производства

Выпущено	Май 1915 г.	Октябрь 1917 г.
Пулеметов	25 в месяц	800 в месяц
Орудий	80 „ „	500 „ „
Огнеприпасов		
ружейно-пулеметных патронов	1 500 000 в день	3 000 000 в день
снарядов	10 000 „ „	85 000 „ „

Тем не менее в течение 1915 и 1916 гг. операции парализовались недостаточным количеством и недостаточным могуществом артиллерии, а также нехваткой снарядов. Только к июню 1917 г.

удалось, путем мобилизации промышленности, добиться необходимого выпуска продукции.

Кроме того, рост итальянской армии был слишком большим и слишком быстрым, и в силу этого она страдала от многих недочетов: нехватки командного состава, неудовлетворительной постановки обучения, плохой организации боевых единиц (каждый из этих недостатков должен быть учтен в числе причин, которые постепенно привели итальянскую армию к поражению под Капоретто). На недостаток командного состава откровенно жаловались высшие начальники итальянской армии, начальник генерального штаба генерал Кадорна, командующий 3-й армией генерал Капелло. «Главным камнем преткновения при таком огромном росте армии, — писал Кадорна, — была импровизация десятков и десятков тысяч офицеров».

Этот недостаток объясняется первоначальным некомплектом в командном составе, от понесенных потерь, от усиленного увольнения в отставку неспособных командиров, от увеличения числа боевых единиц (число мелких артиллерийских частей увеличилось почти в пять раз), от недостаточной пропускной способности школ и даже от способа комплектования офицерского состава. Последний оказался особенно неудовлетворительным в военное время. Дело в том, что все молодые итальянцы, имевшие дипломы гражданских учебных заведений, обязаны были проходить офицерские курсы, независимо от своих личных способностей к занятию командных должностей. А недостаточно высокие качества командного состава и слишком частые перемещения командиров по службе отразились в конце концов на стойкости и спаянности воинских частей.

Конечно, всем воюющим государствам пришлось бороться с подобного рода трудностями. Но ни одно из главных государств не начинало этой борьбы с такого низкого уровня, как Италия.

Неудовлетворительной была и сама организация итальянских войсковых соединений. В первую очередь подчеркиваем, что, помимо проявленной недостаточной гибкости при общем распределении сил на шесть армий с отказом от организации групп армий (фронтов), итальянская дивизия еще не существовала как органическое соединение из всех родов войск. Она представляла собой просто соединение двух бригад по два пехотных полка трехбатальонного состава каждый [1]. Для определенной операции дивизии придавали полк полевой артиллерии, к которому иногда добавляли несколько тяжелых полевых или осадных батарей. Обязанности начальника артиллерии дивизии исполнял командир артиллерийского полка. Когда пехота сменялась, артиллерия и службы оставались на месте. Эти условия, очевидно, несовместимы с требованием полного взаимодействия пехоты и артиллерии.

Вся артиллерия средних калибров в принципе была подчинена командиру корпуса. Это приводило к тому, что стрельба заградительным огнем, особенно при контратаках, проводилась плохо и очень

---

[1] В мае 1917 г. появилось несколько бригад по 3 полка трехбатальонного состава, но этот опыт не получил общего распространения.

часто с опозданием, так как распоряжение об открытии огня исходило от начальника, находившегося слишком далеко в тылу.

Наконец, войска воспитывались исключительно в духе наступления, то-есть были плохо обучены приемам оборонительной борьбы [1]: заградительному огню, артиллерийской контрподготовке, эшелонированию обороны в глубину. Эта неподготовленность вскоре привела к тяжким последствиям.

* * *

Австро-венгерская армия, особенно та, которая действовала на итальянском фронте, обладала и достоинствами и доблестью.

В 1914 г. Австро-Венгрия мобилизовала в общей сложности 50 дивизий и 22 отдельные бригады. Впоследствии ее армия ни разу не превышала круглым счетом 80 дивизий. Поэтому ей не пришлось в такой мере, как итальянской армии, испытывать на себе отрицательные последствия слишком большого увеличения. В общем лучше оснащенная, чем армия ее противника, она имела также лучшую организацию. Так, австрийская дивизия представляла собой крупное общевойсковое соединение в составе 3 или 4 пехотных полков и дивизионной артиллерии, состоящей из полка полевой артиллерии, легкого гаубичного полка и полка тяжелой артиллерии, всего — около 72 орудий.

Пехотный полк имел на вооружении 72 пулемета (48 ручных и 24 станковых) против 36 (18 ручных и 18 станковых) в итальянском полку.

Главное командование выделяло на итальянский фронт войска, вполне проверенные в смысле политической благонадежности. Поэтому австрийские солдаты на этом фронте честно исполняли свой долг, хотя потери их здесь уже составляли 600 000 человек (из них 170 000 пленными). Можно даже сказать, что австрийская армия и командование совершили на этом фронте настоящий подвиг.

Поскольку эластичные маневры были невозможны из-за недостаточного пространства, а смены — из-за отсутствия резервов, одержанные оборонительные победы, принадлежащие к числу самых блестящих за всю мировую войну, должны быть отнесены на счет стойкости войск и чрезвычайно удачной тактики югославского генерала Бороевича.

Австро-венгерская армия на итальянском фронте была постепенно усилена. В августе 1917 г. [2] она насчитывала там 32 диви-

---

[1] Так, в общей инструкции, изданной в июле 1916 г., этим вопросам уделялось всего 2 страницы из 40.

[2] В это время количественное распределение австро-венгерских сил было следующее:

на итальянском фронте	32 дивизии	9 бригад
» русском фронте	33 »	3 бригады
» румынском фронте	13 дивизий	3 »
» сербском фронте	1 дивизия	3 »
Всего	79 дивизий	18 бригад

Но эта таблица не дает понятия о «качественном» соотношении. Лучшие войска находились на итальянском фронте.

зии и 9 отдельных бригад. Однако в августе—сентябре она понесла тяжелое поражение на Байнзице, сопровождавшееся огромными потерями. После этого казалось бесспорным, что итальянской армии, наконец, удалось окончательно получить перевес над австрийской.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ВОЮЮЩИХ СТРАНАХ

Осенью 1917 г. политическая обстановка в Италии осложнилась, и стали обнаруживаться явные признаки упадка моральной крепости тыла. Точно так же угрожающе ухудшилось политико-моральное состояние и в Австро-Венгерской империи.

Поэтому можно ли определенно сказать, на чьей стороне было моральное превосходство перед сражением?

Особая острота кризиса, переживавшегося Италией летом 1917 г., объясняется прежде всего внутренними разногласиями, сопровождавшими вступление Италии в войну, которые не достигли такой остроты ни в одной из воюющих стран. Впоследствии к ним прибавились причины, породившие пораженчество и в других воюющих странах.

2 августа 1914 г. итальянское правительство, считая, что «ни буква, ни дух союзного договора не обязывают его участвовать в войне агрессивного характера, предпринятой без его согласия», объявило о своем нейтралитете.

Общественное мнение было на этот счет почти единодушным. Правительство Саландры добилось впоследствии голосования за войну, только восторжествовав над сильной оппозицией сторонников нейтралитета и получив решительную поддержку со стороны вождей социал-патриотов [1].

Однако дискуссия не прекратилась и во время войны, так что дело национального примирения и объединения, которое в других странах Антанты восторжествовало почти автоматически под влиянием акта агрессии со стороны противника, оставалось в Италии труднейшей задачей, лежавшей на правительстве. Последнее же не принимало мер принуждения, а принципиально придерживалось метода убеждения.

Поскольку официальная комиссия, образованная в 1918 г. для расследования катастрофы под Капоретто, сама одобрила такое поведение правительства, мы не будем здесь касаться этого вопроса внутренней политики Италии. Однако уместно будет напомнить о некоторых критических замечаниях, сделанных генералом Кадорной перед этой следственной комиссией и в своих «Мемуарах». Одни из этих замечаний касаются слабости правительства (его снисходительное отношение к манифестациям сторонников нейтралитета, его мягкость по отношению к печати, его терпи-

---

[1] Как и всегда предававших интересы пролетариата и голосовавших в угоду империалистам за включение Италии в мировую войну. — *Ред.*

мость к скептицизму, его ошибочное понимание либерализма во время войны), другие—более общего характера — относятся к наследию прошлого, характеризующегося разлагающими политическими приемами.

Нам представляется также, что направление, приданное итальянской политике министром иностранных дел Соннино, который, быть может, слишком часто ссылался на священный эгоизм («La Nostra guerra — «Наша война»), и, главное, старание сохранить нейтралитет, что обманчиво поддерживало в стране чувство относительной безопасности, не способствовали закалке духа нации для войны.

Несомненно также, что национальное министерство премьера Бозелли, «этого любезного церемониймейстера патриотизма», сменившее кабинет Саландры, который подал в отставку в мае 1916 г. после внезапного наступления австрийцев в Трентино, не было похоже на Комитет общественного спасения или на министерство Клемансо.

Таким образом, нейтрализм мало-помалу принимал все более мрачный оттенок, а в 1917 г. превратился в пораженчество.

Этому превращению способствовал целый ряд причин, в том числе русская революция, выступление папы в пользу мира, пропаганда центральных держав, ухудшение экономического положения. Как только стало известно о русской революции, политические деятели начали безоговорочно восхвалять ее, так что представители Советского государства встретили в Италии демонстративно радушный прием. Социалистическая партия подняла голову, и один из ее вождей депутат Тревес бросил с парламентской трибуны лозунг: «Больше ни одной зимы в окопах!»

С другой стороны, католическое общественное мнение было смущено рядом эпизодов, имевших место в течение лета: посещением Вильгельма II папским нунцием[1] в Мюнхене Пачелли; двусмысленным письмом графа Далля Торре папе Бенедикту XV по случаю юбилея последнего; нотой, адресованной папой главам воюющих государств по поводу бесполезного кровопролития и принципов мира без аннексий и контрибуций. Этот манифест вызвал большое волнение в итальянских католических кругах. Католическая газета «Каррьере де Фриули» («Фриульский курьер»), искажая дух папской ноты, писала даже (в конце августа): «Теперь слово за окопами».

Со стороны центральных держав германские и австрийские парламентские социалисты уже обратились из Стокгольма с громким призывом к народным массам своих противников. В свою очередь, германский рейхстаг принял 22 июля свою знаменитую резолюцию в пользу мира, тогда как германское главное командование, выпустив воинственный манифест об экономических целях войны, удвоило усилия по распространению на всех театрах военных действий своей пропаганды.

Тем временем на полуострове вспыхнули серьезные беспорядки на экономической почве (например августовские беспорядки в Ту-

---

[1] Нунций — папский посол.

рине). Лидер сторонников нейтралитета Джолитти выбрал именно этот момент, чтобы нарушить свое молчание. В политических кругах продолжались ожесточенные споры об истинных военных целях Италии, а министр внутренних дел Орландо, всегда стремившийся ладить с палатой, в которой сторонники Джолитти составляли большинство, еще в октябре, на открытии сессии парламента, говорил в умеренных, примирительных тонах.

В этой обстановке генерал Кадорна был вынужден выступить перед правительством с требованием более энергичных действий и с обличением внутренней политики, которую он считал не соответствующей требованиям войны. Однако некоторые деятели с ним не были согласны и сочли своим долгом оспаривать, что эта внутренняя политика явилась одной из причин поражения. Истинные моральные непосредственные причины катастрофы они сводили, по существу, к одному имени — «Кадорна».

Генерал Кадорна подвергся сильным нападкам после австрийского наступления в Трентино [1], которое поставило итальянские армии в очень опасное положение. Но впоследствии Кадорна добился того, что хотя его отношения с государственными органами и не отличались особой сердечностью, но доверие правительства по отношению к нему было полностью восстановлено.

Это была сильная личность, обладавшая могучей волей и непреклонным характером, не способным на компромиссы. Ревниво оберегая свои полномочия и всю свою ответственность, он плохо переносил присутствие около себя людей с самостоятельным характером и всякий контроль над своими действиями. Эта тенденция способствовала ослаблению характеров окружавших его лиц и, вероятно, в ряде случаев лишила его драгоценных советов и сведений. Он был одинок и оторван от масс. Высшие чины итальянской главной квартиры, несомненно, подражали ему в этом отношении и также держались слишком далеко от реальной действительности войны.

Можно поставить ему также в упрек некоторые ошибки в ведении операций и в особенности, как мы увидим ниже из описания событий под Капоретто, плохое использование резервов. Но заметим теперь же (к его чести), что его роль закончилась не под Капоретто, а на Пиаве, и что, хотя судьба и поразила его, проявленные им спокойствие и искусство во время катастрофы делают его незаурядным полководцем. Некоторые прозвали Кадорну «железной рукой». Добавим, что этой железной руке недоставало орудия из того же металла.

Чаще всего генерала Кадорну упрекали за психологические ошибки его метода командования, а именно:

— за чрезмерную строгость, с которой он отказывал в смене частей или в отпусках, и за неумолимую суровость проводимых им карательных мероприятий;

---

[1] Одним из самых страстных обличителей Кадорны был полковник Дуэ (впоследствии генерал, известный теоретик воздушной войны), который был в то время строго осужден за то, что, вопреки правилам дисциплины, выступил против Кадорны перед политическими деятелями.

— за известную беспощадность при отрешениях от должности (с мая 1915 г. по октябрь 1917 г. насчитывают 217 генералов, 250 полковников, 335 майоров, отрешенных от должности) — этим он будто бы до известной степени вызвал в своих подчиненных страх перед ответственностью и нервность;

— за постоянные перетасовки в составе войсковых соединений, выражавшиеся либо в организационных изменениях, либо в перемещениях по службе, происходивших с кинематографической быстротой (так, например, 8-й армейский корпус имел за 12 месяцев 12 командиров, а в некоторых полках за $2^1/_2$ года сменилось по 10—15 полковых командиров [1]). Таким образом, начальник генерального штаба, слишком пренебрегавший заботой о поддержании коллективного духа частей, обвинялся в том, что он будто бы несет личную ответственность за упадок их морального состояния.

Повидимому, этот надменно-добросовестный человек, привязанный к своим бойцам, но не считавший своим долгом снисходить до них, не считавший нужным возбуждать в них какие-либо чувства, кроме чистого повиновения, стремился командовать, опираясь исключительно на силу дисциплины. В результате всего генералу Кадорне суждено было по заслугам прослыть человеком, не понимавшим значения морального элемента. В самом деле, хотя общее настроение войск оставляло желать лучшего (летом бригада Кони отказалась вернуться на фронт), итальянское главное командование даже в начале осени 1917 г. не опасалось за моральное состояние армии.

Правда, во время сентябрьского наступления на Карсо были отмечены прискорбные случаи сдачи в плен целыми частями, но в то же время другие части мужественно переносили на Байнзицце ужасающие потери, которые можно сравнить с потерями англичан во Фландрии за тот же период. И главнокомандующий, требуя принятия внутри страны мер предосторожности по отношению к пораженцам, не высказывал никаких опасений относительно морального состояния войск. Командиры корпусов, запрошенные им о моральном состоянии армии, отвечали накануне 12-го сражения на Изонцо, что в этом отношении они совершенно спокойны (донесения полковников Тэста и Кальканьо от 19 октября о 4-м и 27-м корпусах). 8 октября генерал Капелло, командующий армией, на которую должен был обрушиться удар, также утверждал, что он уверен в моральном превосходстве своих войск (донесение № 5757 от 8 октября).

Выходит, что старшие начальники и не подозревали о предстоящем моральном кризисе армии.

Впрочем, не только Италия переживала кризис, выражавшийся в бесспорном упадке общественного настроения, но и в других воюющих государствах (Германии, Франции, даже в Сербии — на салоникском фронте) тоже наблюдались признаки моральной неустойчивости.

---

[1] В действительности главной причиной этой свистопляски было быстрое увеличение численного состава армии.

Во всяком случае в Австро-Венгрии положение было, по меньшей мере, так же серьезно, как и в Италии.

Осенью 1917 г. Австро-Венгерская империя находилась в состоянии, близком к разложению. Уже с конца 1916 г. центральные империи почувствовали смертельную опасность экономической блокады. Отсюда их первая кампания за мир в декабре 1916 г. Когда Антанта не пошла на это, в январе 1917 г. последовал ответ Германии, объявившей неограниченную подводную войну.

Но это решение не прибавило сил Австрии. Зимой 1916/17 г., в то время когда бразды правления переходили от Франца-Иосифа в еще не окрепшие руки императора Карла, тяготы войны усугубились, была введена обязательная гражданская повинность. Так как вся добыча, захваченная в Румынии, была присвоена только Германией, то источники снабжения Австро-Венгрии железом, углем, нефтью, продовольствием оказались почти исчерпанными.

Весной 1917 г. это печальное положение выразилось двояким образом. В области внешней политики мы имеем инициативу заключения сепаратного мира при посредничестве принца Сикста Бурбонского, интриги и двойную игру, проводившиеся императором Карлом по отношению к Антанте и Германии, и, наконец, вручение Вильгельму II доклада австро-венгерского министра иностранных дел графа Чернина, приходившего к выводу, что двуединая империя сможет продержаться только в течение осени 1917 г.

С другой стороны, мы наблюдаем усиление активности отдельных национальных меньшинств как внутри страны, так и за границей.

Русская революция усилила дух возмущения против немецкого и венгерского засилья. В апреле на 3-м конгрессе чехов и словаков был уже принят статут независимого чешского государства.

В мае император Карл вынужден был созвать рейхсрат [1], не созывавшийся уже в течение трех лет. Эта уступка, помогшая выявить внутренние раздоры в самом сердце империи, была истолкована как признак слабости. Император объявил широкую амнистию осужденным за политические преступления, но и эта мера только способствовала подрыву авторитета правительства и дисциплины в войсках. Он обещал отдельным национальностям автономию и равноправие, однако это обещание не только не привело к успокоению, но даже усилило брожение. В Вене, в Богемии (Чехии), в Нижней Австрии, в Венгрии вспыхнули забастовки и беспорядки.

В июле сербы Пашич и Трумбич договариваются на острове Корфу об основании сербо-хорвато-словенского королевства, а Радич в кроатском (хорватском) ландстаге (сейме) встречает имя Габсбургов криком: «В отставку!»

Однако в течение лета можно отметить и некоторые менее тревожные признаки: подводная война дает удовлетворительные результаты; наступление Керенского в Галиции отражено; Россия выходит из войны.

---

[1] Австрийский парламент. — *Ред.*

Но в это самое время австрийская армия несет тяжелое поражение на Байнзице. Правда, начальнику генерального штаба фельдмаршалу Конраду Хетцендорфу, прозванному «орлом» и бывшему, по словам генерала Крамона, быть может, самым способным стратегом за всю мировую войну, в течение некоторого времени удавалось с этой армией, состоявшей из десяти национальностей, добиваться отличных успехов: победоносная операция на Сане в 1914 г., прорыв под Горлицей в 1916 г., наступление в Трентино в мае 1916 г., чуть-чуть не завершившееся полной победой. Но теперь это время прошло.

Австрийские резервы были уже исчерпаны, и нижеследующая табличка потерь, понесенных Австро-Венгрией до октября 1917 г., достаточно ярко показывает, какому испытанию подверглась ее армия, состоявшая из элементов с разнородными, противоположными и даже враждебными одно другому устремлениями:

Потери австро-венгерской армии до октября 1917 г.

на итальянском фронте . . .	600 000 чел.,	из них	170 000 пленными
на русском фронте	2 700 000 »	» »	1 300 000 »
на сербском, румынском и албанском фронтах	350 000 »	» »	110 000 »
Итого . . .	3 650 000 чел.,	из них	1 580 000 пленными

Сам фельдмаршал Конрад был сменен императором Карлом в начале 1917 г. за недостаточную строгость нравов в австрийской главной квартире в самый разгар войны. На его место было назначено «доверенное лицо» — бывший командующий армией на румынском фронте генерал Арц.

Озабоченный исключительно выполнением своей профессиональной задачи, новый начальник генерального штаба стоял в стороне от политики, в которую с головой ушли император и граф Чернин. Это ставят ему в упрек и считают его ошибкой, так как общее руководство армией такого развалившегося государства, каким была Австро-Венгрия, логически должно было быть тесно связано с политикой.

Кроме того, постепенно возникал и расширялся разрыв между армией и идеей единства империи; обострялись раздоры между контингентами различных национальностей. Признаки разложения множились. Эпидемия дезертирства принимала характер прямой измены. В июле 1917 г. 19-я дивизия (укомплектованная чехами), по соглашению с русскими, бросила свои позиции, чтобы поставить в критическое положение венгров. После этого главное командование решило впредь использовать чешские дивизии только для работ. В сентябре на тирольском фронте перебежавшие к противнику чешские и словенские офицеры провели пять итальянских батальонов внутрь расположения австрийцев для внезапного нападения на Трент (дело под Карцано 18—19 сентября 1917 г.). 5 октября передался противнику австрийский миноносец. «Наконец, — как пишет Людендорф, — на Байнзице потери были на-

столько серьезны, а моральное состояние армий настолько подавлено, что австрийские власти были уверены, что они не смогут выдержать нового удара».

Как ни противился император Карл частичному отказу Австрии от самостоятельности [1], генерал Арц больше не мог ждать: Австрия уже не в состоянии была спасти себя собственными силами.

* * *

В итоге осенью 1917 г. обстановка представлялась в следующем виде.

С итальянской стороны — правительство, испытывающее на себе давление партий, а следовательно, и народ, находящийся в состоянии растерянности; главное командование, тем не менее, уверенное в себе; армия, потерявшая с весны 300 000 человек, несомненно, имеющая целый ряд слабых сторон, но все же только что нанесшая противнику мощный удар.

С австрийской стороны — поколебленные устои империи; измученная армия, некоторые части которой созрели для измены; главное командование, не питающее больше никаких надежд.

С обеих сторон одновременно — совокупность угрожающих и до известной степени схожих между собой признаков; одним словом, состояние одинаково неустойчивого равновесия.

Перед сражением нельзя было определенно сказать, на чьей стороне моральное превосходство.

Кто же из обоих противников должен был одержать верх в подготовлявшемся новом штурме?

Тот, кто, организовав операцию по всем правилам военного искусства, сумел, благодаря своему техническому превосходству, осуществить прорыв противника на поле сражения, а затем использовать создавшуюся в результате прорыва благоприятную стратегическую (оперативную) обстановку.

Этот оперативный план и это техническое превосходство принесла с собой германская армия: ее помощь и перевесила чашу весов в сторону ее союзников.

---

[1] Подразумевается — самостоятельное ведение войны.— *Ред.*

Подготовка сражения
(8 сентября — 23 октября)

В основе разгрома под Капоретто лежит тактическая и стратегическая (оперативная) внезапность.

Эта внезапность вытекала:

— с одной стороны, из недостаточности оборонительных мероприятий, проведенных итальянским главным командованием после наступательного сражения на Байнзицце;

— с другой стороны, из отличной организации операции австро-германцами.

Эффект внезапности был усилен горным характером театра военных действий.

Австро-германская операция под Капоретто, называемая немцами также операцией под Тольмейном (Тольмино), развернулась на том участке итальянского фронта, который носил наименование «фронта Изонцо» и значение которого для всего итальянского театра военных действий было уже вкратце очерчено (схема 1).

В сущности, в первый день эта операция коснулась только Верхнего и Среднего Изонцо. Но она почти немедленно повлекла за собой расшатывание фронта Нижнего Изонцо, в тылу которого и находился центр тяжести итальянских сил. Затем в своем дальнейшем развитии она внесла полное расстройство в район, служивший соединительным звеном между районами Изонцо и Бренты и образованный бассейнами верхнего течения Тальяменто и Пиаве. Ее непосредственное влияние не распространилось только на фронт Трентино.

Таким образом, с географической точки зрения, район операции под Капоретто (с 24 октября по 26 ноября) был ограничен примерно: с востока — долиной р. Савы, с севера — дугой горных хребтов Карнии и Кадоре, охватывающих верхнее течение Тальяменто и Пиаве; с запада — нижним течением Пиаве.

Долина р. Савы составляла исходную базу австро-германского наступления. Долина Изонцо приблизительно совпадала с линией фронтов обоих противников в начале наступления. Верхнее течение Тальяменто, ведущее к проходу в Кадоре, таким образом, расширяло район первоначальной операции в северо-восточном направлении. Долина Нижнего Пиаве являлась крайним рубежом продвижения австро-германцев.

Весь этот театр носит горный характер, за исключением четырехугольника, образованного равнинами Фриули и Венецианской области, разделенными р. Тальяменто. Этот четырехугольник ограничен примерно так: с востока — линией Джемона (на Тальяменто), Чивидале, Горица, с севера — линией Джемона, Монтелло (на Пиаве), с запада — р. Пиаве.

Движения главной массы отступавших итальянских сил и большей части преследовавших их австро-германских сил происходили именно на Венецианско-фриульской равнине. Но маневры, которые в большинстве случаев приводили к последовательным охватам итальянского фронта и которые в конце концов сыграли наиболее решающую роль, были организованы и осуществлены в гористой зоне, несмотря на ее неудобопроходимость.

Бассейн р. Савы выше Любляны (Лайбаха) представляет собой тупик между цепью Караванок и массивом Юлийских Альп. Вдоль Савы проходит железная дорога, поднимающаяся из Загреба через Любляну на Тарвис. С севера Саву отделяют от долины р. Дравы Караванки; с запада ее отделяют от бассейна Изонцо Юлийские Альпы.

Массив Юлийских Альп ограничен долиной Савы, перевалом Тарвис и долиной р. Фелла, притока Тальяменто, и занимает весь бассейн Изонцо. В южной своей части, к югу от линии Тольмино, Любляна, он переходит в плато типа плато Карсо (Терновский лес, плато Байнзицца).

На северо-востоке, т. е. между перевалом Тарвис, р. Изонцо и р. Идрией, притоком Изонцо, впадающим в нее у Тольмино, массив Юлийских Альп представляет собой нагромождение высоких гор и высоких доломитных плоскогорий. Среди них выделяются восточный хребет, высшей точкой которого является гора Трикорно (Триглав) высотой в 2 864 *м* и который довольно пологими скатами спускается к долине Савы, и западный хребет с горой Нэро (2 245 *м*), круто обрывающийся к берегу Изонцо.

Этот район пересекают лишь немногие пути сообщения, которые выходят в долину Изонцо только в двух точках:

— в Плеццо, где сходятся две плохие горные дороги;

— в Тольмино, где сходятся две гужевые и одна железная дорога.

Пути, ведущие из Плеццо и Тольмино (к западу), также немногочисленны и ненадежны. Район между Плеццо и р. Фелла почти не проходим. А южнее, для того чтобы попасть на равнину Удине, надо перевалить через острый хребет высотой от 1 200 до 1 600 *м*, тянущийся по правому берегу Изонцо, а затем спуститься по обрывистым отрогам, которые, отделяясь от хребта в западном направлении, доходят почти до притока Изонцо — р. Торре. Этот район перерезан с севера на юг границей между Италией и Австро-Венгрией, что является одной из причин, по которым в нем было так мало дорог.

В общем массив Юлийских Альп настолько трудно проходим, что итальянцы и не пытались нанести в этом направлении сколько-нибудь серьезный удар. Они ограничились тем, что выдвинули

свой фронт в Плеццо и на гору Нэро [1], и не дошли даже до Тольмино, так что у австрийцев сохранилась на западном берегу Изонцо небольшая предмостная позиция. Еще более невероятным представлялась итальянцам мысль о крупном австрийском наступлении с Савы.

Тем не менее именно через массив Юлийских Альп должно было развиться наступление австро-германцев, которые, двинувшись с фронта Изонцо между Плеццо и Тольмино, форсировали Изонцо, преодолели отроги гор на его правом берегу, продвинулись в общем направлении на Удине и по узкой фриульской равнине вышли на среднее течение Тальяменто.

К западу от Юлийских Альп и Фриульской равнины находится район, простирающийся между Тальяменто и Пиаве. Этот район распадается на две части: на юге лежит венецианская равнина, усеянная населенными пунктами, прорезанная дорогами и покрытая возделанными полями, но не представляющая к западу от долины Тальяменто никаких серьезных естественных препятствий; на севере поднимается горный массив так называемых Карнийских Предальп, охватываемый верховьями Тальяменто и Пиаве.

Этот бесформенный массив лишен всяких путей сообщения в направлении с востока на запад; его можно было обойти только с севера, выйдя таким образом в тыл обороняющих его войск. Действительно, долина Феллы, спускающаяся с перевала Тарвис, представляет собой операционное направление, приводящее к Тольмеццо; с другой стороны, верхнее течение Тальяменто ведет из Тольмеццо через перевал Мауриа в Пиаве ди Кадоре — в долине Верхнего Пиаве.

Эта долина могла бы провести наступающего прямо на Бренту, т. е. одновременно в тыл войскам у нижнего течения Пиаве (образующего прямой угол с верхним течением) и в тыл войскам, обороняющим Трентино. По счастью, как раз там, где Пиаве и Брента сходятся ближе всего, их разделяет естественное препятствие — массив горы Граппа.

Благодаря тому что эта гора сыграла роль шарнира между фронтом в Трентино и фронтом на Пиаве, район операции под Капоретто оказался ограниченным последней рекой, а не расширился до своего естественного географического рубежа, которым должна была быть долина р. Адидже.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ПЛАНЫ И ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИТАЛЬЯНЦЕВ

(Схемы 4 и 5)

В то время как австро-германцы скрытно подготовляли стремительное наступление, которое должно было начаться 24 октября на фронте Тольмино, Плеццо, итальянское главное командование до 21 октября пребывало в неуверенности относительно силы и направления наступления противника. Вследствие

[1] Которую они захватили в июне 1915 г. искусно проведенным рискованным маневром.

этого неведения группировка итальянских сил не соответствовала обстановке; итальянское развертывание на фронте Изонцо сохранило слишком наступательный характер, а резервы были нацелены неправильно.

После неудачи атак горы Сан-Габриеле, на северном краю котловины Горицы, и несмотря на успехи, достигнутые на плато Байнзицца, генерал Кадорна, учитывая понесенные потери, истощение запасов огнеприпасов и непрерывное увеличение численности сил противника, ставшее возможным благодаря быстрому разложению русских царских армий, решил, как мы видели, прекратить

Схема 4. Общее распределение сил на австро-итальянском фронте на 24 октября 1917 г.

наступательные действия. Поэтому 18 сентября он очень краткой директивой предписал командующим армиями направить все свои усилия на организацию обороны.

В это время итальянские силы были расположены приблизительно следующим образом (схемы 4 и 5) [1].

Из 63 дивизий 44 (т. е. более двух третей), а также половина всей артиллерии — между Адриатическим морем и горой Ромбон (к северу от Плеццо), на фронте 90 *км*, а 19 (т. е. менее одной

---

[1] Фактически на схемах 4 и 5 показано расположение на 24 октября, а не на 18 сентября.
Но за этот промежуток времени итальянская группировка почти не изменилась по причинам, которые будут указаны ниже.

трети) — между горами Ромбон и Стэльвио, на фронте протяжением около 520 *км*[1].

Полоса между морем и горой Ромбон была распределена между двумя армиями:

— на юге — 3-я армия (герцога Аоста), от моря до р. Випакко, непосредственно к югу от Горицы, — 14 дивизий;

— на севере — 2-я армия (генерала Капелло), от Випакко до горы Ромбон, в составе 24 дивизий (т. е. около двух третей сил, расположенных на фронте Изонцо).

Кроме того, имелось в резерве, в тылу 3-й армии, семь дивизий (без артиллерии, так как последняя находилась на фронте).

Фронт 3-й армии проходил примерно по линии Дуино, Кастаньявицца (схема 3).

Фронт 2-й армии (схемы 3, 5 и 6) тянулся вдоль подошвы горы Сан-Габриэле, охватывая большую часть плато Байнзицца (за исключением долины Кьяповано), пересекал Изонцо близ Доблара, оставлял австрийцам предмостную позицию на высотах Санта-Мария и Санта-Лючиа, снова переходил на северный берег Изонцо в Габрии, шел по гребню хребта от горы Мрзли Врх до горы Нэро, захватывал котловину Плеццо и зацеплялся за гору Ромбон[2], где смыкался с фронтом отдельного армейского корпуса Карнийского района.

В общих чертах 2-я армия имела следующую группировку:

— от Випако до окраин Лома (на плато Байнзицца) располагались четыре корпуса — 8, 6, 2 и 24-й (всего одиннадцать дивизий);

— от окраин Лома до высоты Санта-Лючиа — 27-й корпус, расположенный по обе стороны Изонцо (четыре дивизии, из которых три — на восточном берегу Изонцо);

— от северной границы 27-го корпуса до горы Ромбон — 4-й корпус (три дивизии);

— в резерве, непосредственно к северу от Горицы, — 14-й и 28-й корпуса (4-я и 5-я дивизии).

Таким образом, на фронте, только что пережившем 11-е сражение на Изонцо, центр тяжести сил находился вблизи правого фланга, и, кроме того, как в 3-й, так и во 2-й армиях группировка

---

[1] Эти 19 дивизий распределялись следующим образом:

в корпусе Карнийского района	2 дивизии
» 4-й армии (фронт Кадоре)	6 дивизий
» 1-й армии (фронт Трентино и западнее)	10 »
» резерве	1 дивизия
Итого	19 дивизий

[2] За горой Ромбон фронт пересекал р. Феллу у Понтаиббы и затем тянулся по гребню Карнийских Альп до горы Кроче. Это была полоса отдельного корпуса Карнийского района. Отсюда фронт сворачивал на юго-запад захватывал большую часть бассейна Верхнего Пиаве с г. Кортина и проходил по водоразделу между Пиаве и Адидже до вершины Аста (это была полоса 4-й армии). Далее линия фронта спускалась на Азиаго, сворачивала на запад к Риве и поднималась через Адамелло на гору Стэльвио (это была полоса 1-й армии и отдельного 3-го корпуса).

сил, насыщенность первой линии войсками, развертывание артиллерии, эшелонирование служб и все заботы командиров были направлены исключительно на наступление.

Эту группировку необходимо было изменить в соответствии с директивой от 18 сентября о переходе к обороне, что требовало больших перемещений. Последние были тем более неотложными, что они касались массы более чем в 1 миллион человек, которых надо было передвинуть по местности, бедной путями сообщения.

В действительности же в тех незначительных изменениях группировки, которые были произведены, очень трудно усмотреть проведение общего плана стратегической (оперативной) обороны.

18 сентября имелось:

44 дивизии — от моря до горы Ромбон (24 — во 2-й армии, 13 — в 3-й армии, 7 — в общем резерве);

19 дивизий — от горы Ромбон до горы Стэльвио.

24 октября имелось:

41 дивизия — от моря до горы Ромбон (25 — во 2-й армии, 9 — в 3-й армии, 7 — в общем резерве);

22 дивизии — от горы Ромбон до горы Стэльвио.

Кроме того, меры, принятые в каждой армии для превращения наступательной группировки в оборонительную, были частичными, недостаточными и запоздалыми.

Ответственность за это удивительно ненормальное положение ложится частью на итальянскую разведывательную службу, частью на генералов Кадорну и Капелло, стоявших на противоположных точках зрения.

Разведывательный отдел штаба итальянского главнокомандующего не только был очень слабо осведомлен, но давал полученным сведениям неправильное толкование и даже делал ошибочные «заключения», в силу чего до самой последней минуты главное командование было плохо ориентировано в размерах и направлении готовившегося наступления противника.

Разведывательный отдел, возможно бессознательно, подвергался влиянию генерала Кадорны, который лично составил себе мнение об обстановке, очень не похожее на действительность. Дело в том, что начальник генерального штаба иногда слишком далеко доводил похвальное само по себе качество — уверенность в своих силах. Он имел вполне естественную склонность, разработав какой-либо план на основании логики и расчета, не слишком считаться с поступающими сведениями, особенно если они противоречили его мнению. Так, он до последнего дня не хотел верить в австрийское наступление в Трентино в 1916 г. «Опыт целого ряда внезапных нападений, произведенных во время войны, — писал он в объяснение своего поведения перед Капоретто, — подсказывал мне не слишком доверяться сведениям».

Итак, после победы на Байнзицце Кадорна был убежден в том, что противник слишком подавлен и что нет оснований в течение осени опасаться какого-либо контрнаступления с его стороны. Если сам Кадорна еще в конце сентября приказал перейти к обороне, то это было не в виду непосредственно угрожавшей опасности,

а для того, чтобы сохранить силы для предстоящей весенней кампании. Последняя настолько занимала его, что он упоминал о ней еще 20 октября[1], т. е. почти накануне штурма, который собирался предпринять противник.

К тому же дело шло уже к зиме. Следовательно, рассуждал Кадорна, намечающееся наступление противника не сможет выйти

Схема 5. Общее распределение сил на фронте Изонцо 24 октября 1917 г.

за пределы масштаба армейской операции и будет иметь ограниченные цели.

Далее, опасность он видел не в наступлении через Тольмино. Наряду с беспокойством за фронт в Трентино самой грозной опасностью вплоть до 20 октября он считал возможность австрийского наступления на Карсо, где противник располагал, по словам

[1] Директива командующему 2-й армией от 20 октября № 4889.

Кадорны, на фронте в 15 *км* семью дивизиями, которые легко могли быть еще усилены.

Необходимо, наконец, отметить, что проведение общих мер, которые должны были превратить наступательную группировку 2-й армии в оборонительную, встретило противодействие со стороны генерала Капелло или, по крайней мере, было затруднено существовавшим до 20 октября недоразумением между Кадорной и Капелло по поводу приемов, которые следовало применять, чтобы задержать наступление противника: первый имел в виду оборону, второй — общее контрнаступление.

* * *

Проследим теперь за тем, как развивалась в этой обстановке мысль итальянского командования с 18 сентября по 23 октября, и рассмотрим последовательно отданные им распоряжения.

В течение сентября в главной квартире узнали о закрытии швейцарской границы, о переброске германских войск в сторону Тироля, о перевозке примерно пятнадцати австрийских дивизий в сторону Изонцо. На основании этих сведений разведывательная служба представила начальнику генерального штаба докладную записку, в которой она писала, что «противник, несомненно, отказался от мысли о крупном наступлении, которую ему сперва приписывали», и что «отмеченные переброски следует объяснить намерением собрать на фронте Изонцо резервы из опасения, что итальянцы возобновят свое наступление»[1].

2 октября разведывательный отдел добавляет, что «возможная атака противника с предмостной позиции Тольмино может носить лишь характер частной операции, а не наступления крупного масштаба на наши укрепленные позиции на правом берегу Изонцо».

А 8 октября, получив новые сведения, он приходит к заключению, что «австрийцы стремятся добиться мира посредством военной операции» и что «в конце месяца, вероятно, последует наступление на Среднем Изонцо с целью обратного захвата плато Байнзицца». Кроме того, добавляет он, «следует ожидать диверсии в Трентино и очень ограниченной германской помощи».

Все эти «заключения», выведенные разведывательной службой, оказались ошибочными.

Объяснять 30 сентября переброску австрийских войск из Галиции на Изонцо исключительно страхом перед итальянским наступлением значило составить себе довольно близорукое суждение об общей обстановке в целом. Как раз в это время, вследствие выхода России из войны, обстановка стала настолько благоприятной для центральных империй, что они захватили в свои руки оперативную инициативу, которую и удерживали до августа 1918 г.

Какое опровержение высказанного 2 октября мнения (будто противник не решится атаковать «укрепленные» позиции на правом берегу Изонцо) получило командование итальянскими войсками!

---

[1] Следственная комиссия, «От Изонцо до Пиаве», т. I, стр. 7—14.

Каким противоречием действительности было утверждение, что противник стремится добиться мира, и приписывание ему замысла наступления с ограниченной целью на Байнзицце!

Правда, 10 октября разведывательный отдел становится более осторожным в своих высказываниях. Он уже считает, что сосредоточение сил противника «отвечает оборонительному или контрнаступательному замыслу», но что нельзя исключать возможности «наступательного» замысла (как будто признаки развертывания для наступления и развертывания для обороны не имеют четких различий!).

Эти различные, противоречивые или взаимно уравновешивающиеся суждения свидетельствуют либо об отсутствии проницательности у итальянской разведывательной службы, либо о совершенстве австро-германских методов маскировки.

Тем временем генерал Капелло, выполняя директиву главного командования от 18 сентября, отдал 8 октября своей 2-й армии общий приказ об обороне (приказ № 5757).

Можно считать, что этот приказ очень запоздал. Но Капелло еще раньше совершенно ясно, подробно и полно изложил свой замысел как генералу Кадорне, так и своим корпусным командирам, и письменный приказ был только подтверждением.

Честолюбивый и пылкий генерал Капелло являлся по своему темпераменту сторонником наступления. Он одержал победу при наступлении на Горицу в 1916 г. Он оказался победителем в наступлении на плато Байнзицца летом 1917 г. Он знал, что итальянский солдат мало пригоден для обороны. Поэтому он рассчитывал распутать все затруднения наступлением. В своем общем приказе от 8 октября, предупредив, что наступление противника представляется «возможным или даже вероятным», и вполне разумно предписав основные меры, которые необходимо было принять при этом предположении (прочно удерживать первые линии небольшими силами, создать на всем фронте отсеки, эшелонировать артиллерию в глубину и т. д.), Капелло указывал, что наступление противника будет задержано контрнаступлением крупного масштаба, и вкратце напоминал план этого контрнаступления. По его мысли, это контрнаступление «начнется с плато Байнзицца в южном, восточном или, вероятнее всего, в северном направлении (в зависимости от обстановки), так чтобы взять во фланг австрийцев, которые продвинулись бы из Тольмино в западном направлении».

В своих «Мемуарах» генерал Кадорна резко критикует замысел генерала Капелло. Бывший начальник генерального штаба замечает, что для обеспечения успеха контрнаступательный маневр потребовал бы прочной исходной базы в районе высот Ломa, против Тольмино, а эта-то прочная база отсутствовала. Требовались также достаточные силы для удержания остального оборонительного фронта, а этих сил нехватало. Наконец, сроки, необходимые для подготовки, не допускали осуществления эффекта внезапности, не говоря уже об опасной обстановке, которая могла создаться, если бы значительная часть итальянской армии оказалась изолированной на восточном берегу Изонцо.

Такая оценка представляется вполне логичной. Однако надо было своевременно высказать ее, как ни неприятно было противоречить командующему, пользовавшемуся таким престижем, как генерал Капелло. Между тем — и в этом заключается зародыш недоразумения между Кадорной и Капелло,— 10 октября, получив вышеупомянутый приказ Капелло, Кадорна посылает ему личное секретное письмо [1], в начале которого он определенно одобряет основные указания приказа № 5757 относительно отражения наступления противника. «Этой цели (достойным образом встретить наступление противника), — пишет он, — вполне отвечает приказ № 5757... В принципе я одобряю его».

Но непосредственно за тем, без малейшего перехода, Кадорна обращает внимание командующего 2-й армией на следующие распоряжения:

«Перевести главные силы 27-го корпуса на правый берег реки.

Оставить на плато Байнзицца только самую подвижную артиллерию.

Обеспечить проведение мощной активной артиллерийской контрподготовки до вторжения противника».

Эти три распоряжения далеко не отвечают идее контрнаступления. Однако последнее опять-таки категорически не отвергается, — его просто обходят молчанием.

Вследствие этого Капелло продолжает придерживаться своего плана, так что его приказ от 11 октября, в котором он передает указания главного командования относительно активной контрподготовки и отвода артиллерии, ограничивает отход тяжелой артиллерии, развернутой на плато Байнзицца, «краем самого плато» (т. е. на восточном берегу), «за артиллерийскую линию обороны» [2].

Это распоряжение, несомненно, противоречило намерениям начальника генерального штаба. Оно было резко поставлено в упрек генералу Капелло, в особенности самим Кадорной, который пишет, что в данном случае его подчиненный проявил отсутствие духа повиновения и умственной дисциплины.

Со своей стороны, Капелло объясняет это дело следующим образом. «Начальник генерального штаба, — пишет он, — определенно приказал провести мощную артиллерийскую контрподготовку. Но средняя дистанция от артиллерийских позиций на западном берегу Изонцо до исходных позиций противника составляла 11 *км*, тогда как досягаемость итальянской артиллерии была менее 11 *км*. Если бы артиллерия была отведена на западный берег, активная контрподготовка стала бы невозможной».

«К тому же, — добавляет Капелло, — начальник генерального штаба, в силу ли недостаточной твердости своих решений или вследствие недостаточно ясного понимания обстановки, еще не отверг плана контрнаступления».

---

[1] Письмо № 4741 от 10 октября.

[2] Приказ от 11 октября № 5845. Фактически этот приказ был подписан помощником командующего 2-й армией генералом Монтуори, так как сам генерал Капелло внезапно заболел воспалением почек.

Каковы бы ни были источники этого недоразумения, но мы видим, что между обоими высшими начальниками выявилось взаимное непонимание. Не устраненное своевременно, оно явилось главной причиной того, что эффект внезапности, испытанный левофланговой группой 2-й армии, с молниеносной быстротой распространился на весь итальянский фронт.

* * *

Между тем в итальянскую главную квартиру поступили с 10 по 13 октября новые сведения: о появлении германской пехоты в долине Савы, а германской артиллерии — против Плеццо и Тольмино, а также о применении противником новых приемов стрельбы артиллерии. Поэтому 13 октября разведывательный отдел пришел к выводу о вероятности скорого наступления на фронте от Тольмино до Горицы.

В течение следующих дней разведывательный отдел получил сведения о присутствии многочисленной артиллерии усиления между Плеццо и Тольмино. Но так как в тылу противника не было замечено никакой ненормальной деятельности, разведывательный отдел пришел к заключению, что признаков непосредственной близости наступления в наличии не было. И, желая смягчить категоричность мнения, высказанного им 13-го, он снова приписал противнику намерение перейти в контрнаступление «в случае наступления итальянцев».

После этого, не беспокоясь больше за фронт на Изонцо, Кадорна решил отправиться в инспекционную поездку в Трентино. А генерал Капелло в этот момент признал со своей стороны не только возможным, но и вероятным наступление противника на фронте от плато Байнзицца до района к северу от Тольмино. Чтобы обеспечить при этих условиях осуществление намеченного им плана контрнаступления, он нуждался в усилении, особенно артиллерией. С этой целью и «для того, чтобы выяснить некоторые сомнения», он просил свидания с генералом Кадорной. Так как последний уже выехал в район Азиаго, а сам Капелло по болезни не выходил из своей комнаты, то 15 октября к генералу Капелло явился в штаб 2-й армии полковник Каваллеро, состоявший в канцелярии начальника генерального штаба.

17 октября Кадорна сообщает о решении, принятом им в связи с этим свиданием. «Чтобы облегчить осуществление замысла намеченного маневра, — телеграфирует он из Трентино, — в распоряжение командующего 2-й армией передается 7-й армейский корпус; но в усилении его артиллерией я отказываю до тех пор, пока обстановка на фронте 3-й армии остается невыясненной».

Эта телеграмма далеко не ясна. О каком «замысле намеченного маневра» идет речь? О замысле Кадорны или замысле Капелло? Был ли замысел Капелло ясно изложен полковнику Каваллеро и затем точно передан последним генералу Кадорне? [1]

[1] В данном случае итальянское командование применило прием устных докладов офицеров генерального штаба при таких обстоятельствах, при которых следовало обмениваться письменными документами. По последствиям

Остается фактом, что генерал Капелло к этому времени продолжал целиком держаться своего замысла. «Пусть от роты до армии, — писал он, — лозунгом будет «контрнаступление». 18 октября он снова объясняет своим корпусным командирам, что общее контрнаступление будет направлено на левый фланг австрийцев, в принципе от Лома в направлении на котловину Тольмино.

Только 19-го, по возвращении из Трентино, генерал Кадорна имел, наконец, личный разговор со своим подчиненным относительно образа действий 2-й армии. Этот разговор был подтвержден 20 октября в следующих выражениях (приказ № 4889):

«План ваш, заключающийся в том, чтобы ответить на наступление противника контрнаступлением большого масштаба, представляется невыполнимым ввиду недостатка людей и артиллерии для усиления... Поэтому приходится ограничить применение принципа контрнаступления доступными для нас пределами. От плана наступления с далекими целями в армейском масштабе надо отказаться... Благоволите учесть эти указания в своих новых распоряжениях».

Следовательно, план генерала Капелло был, наконец, определенно отвергнут. К сожалению, это было сделано слишком поздно.

События развивались очень быстро.

20-го итальянское командование узнало от пленного чеха, что противник перейдет в наступление через Тольмино при поддержке крупных германских сил. Объект наступления — гребень Коловрата, к западу от Изонцо. Но это известие было принято еще с большим недоверием.

21-го были получены уже вполне определенные сведения. Два перебежавших офицера-румына сообщили совершенно точно: «Наступление последует на фронте от Плеццо до моря. Главный удар — с предмостной позиции Тольмино. Наступление назначено на 25-е, но может начаться и раньше». Наконец, 22 октября перехваченная радиограмма сообщила, что наступление начнется в ночь с 23-го на 24-е.

Конечно, теперь группировка 2-й армии не могла быть изменена соответствующим образом за двое-трое суток, тем более что генералу Капелло, ввиду нового приступа болезни, пришлось 20 октября уехать из своего штаба, куда он вернулся только 23-го. Правда, временно командующий армией наскоро принял некоторые мелкие меры по распределению резервов, отводу артиллерии, перемещению запасов огнеприпасов и т. д. Но некоторые из этих мер оказались неудачными или недействительными, к проведению других едва приступили в день кризиса, и их осуществление продолжалось до последней минуты в атмосфере величайшего смятения, когда войска и службы непрерывно получали приказы, отменяющие друг друга.

можно сравнить миссию полковника Коваллеро с миссией германского подполковника (в подлиннике сказано «майора». — *Ред.*) Хенча во время сражения на Марне.

С 18 сентября был потерян целый месяц без борьбы за то, чтобы общее распределение сил на фронте Изонцо подверглось необходимым глубоким изменениям. На участке Байнзицца, в единственном районе, где можно было бы пойти на частичный отход, 2-я армия продолжает держать в первой линии девять дивизий на фронте в 25 *км*, на остальном фронте протяжением в 55 *км*, непригодном для обороны в глубину, она имеет в первой линии примерно только четыре дивизии. Таким образом, центр тяжести ее сил попрежнему находится к югу от Тольмино соответственно плану контрнаступления, которое больше не предполагалось проводить.

Общие резервы попрежнему представляют собой распыленные дивизии, лишенные своей артиллерии и сосредоточенные близ крайнего правого фланга, в тылу 3-й армии (схема 4).

Генерал Кадорна, не уверенный в размерах наступления противника, а потому не принявший определенного решения, не отдал никакой определенной оборонительной директивы в оперативном масштабе с указанием ответственных участков фронта, основных направлений, подлежащих заграждению, тыловых рубежей на случай отхода, использования резервов, — одним словом, такой директивы, которая содержала бы основы настоящего плана обороны.

Быть может, это объясняется тем, что, создав слишком крупную группировку из девяти корпусов (25 дивизий) под командованием одного начальника, главное командование невольно отказалось от своих прерогатив в пользу командующего этой слишком большой армией, а последний, не получив точных распоряжений, вынужден был проводить свой личный план.

За отсутствием твердого, соответствующего обстановке плана обороны группировка сил на фронте Изонцо представляет, таким образом, законченный пример неправильной расстановки их. Возмездие за это было неизбежно: так как район наступления, выбранный противником, исключал возможность упругой обороны, итальянскую группировку уже нельзя было своевременно приспособить к новой обстановке, и результаты тактической внезапности немедленно оказались перенесенными в область оперативную и даже стратегическую.

В связи с этим интересно разобрать, какова же была исходная оборонительная группировка итальянской армии и каковы ее слабые стороны.

Описание поля сражения

(Схемы 1 и 6)

Итальянская 2-я армия развернулась между массивом Ромбона и котловиной Горицы, но поле сражения, на котором произошел сам прорыв под Капоретто, занимает меньшее протяжение. С севера оно ограничено горой Ромбон, с юга — северным краем плато Байнзицца, к западу простирается до края равнины, на которой

находится Чивидале. Скелет местности в районе наступления определяется глубокой долиной р. Изонцо (схемы 1 и 6 и панорама).

Изонцо представляет собой горную реку с очень быстрым течением, мчащую свои воды между крутыми и высокими скатами. Долина, сначала очень узкая (за исключением небольшой котловины Плеццо), расширяется у Капоретто и образует там котловину, простирающуюся к западу на 4 *км* (до Робика). На участке от Капоретто до Тольмино ширина ее составляет примерно 1 *км*; ниже Тольмино река снова входит в извилистую теснину с крутыми скатами.

По западному берегу реки пролегает хорошее шоссе. На левом берегу имеется второе шоссе — от Тольмино до Капоретто. Эти две дороги соединены мостами в Тольмино, Идерско и Капоретто.

Течение реки образует ломаную линию, состоящую из трех отрезков различного направления:

— участка от истоков до Сага;

— участка Сага, Тольмино;

— участка Тольмино, Горица.

Эти изломы характерны для зоны, состоящей из осадочных пород, подверженных подмыву и выветриванию. Соответственно этому орографическая система на обоих берегах реки носит сложный характер.

С востока, по левому берегу реки, тянется от Плеццо до Тольмино горный хребет с вершинами Яворчек, Верзик, гора Нэро (2 245 *м*), Мрзли Врх. От Верзика отделяется цепь Поулоуника, огибаемая излучиной реки у Саги. От горы Нэро спускается отрог Плека, разделяющий полосу берега на два отсека — котловину Дрезенка и котловину Селище.

У Тольмино (высота 200 *м* над уровнем моря) в Изонцо впадает ее приток Идрия, долина которой образует глубокий проход в направлении на Любляну.

Напротив места слияния этих рек — в излучине Изонцо (на западном берегу) находятся две небольшие отдельные высоты: Санта-Мария и Санта-Лючия (580 *м*). Эти высоты резко отделяются от главного хребта, проходящего западнее, впадиной Вольцана, по которой когда-то пролегало русло Изонцо и по которой теперь проходит дорога, ведущая из Горицы. Эти-то две высоты и образуют предмостную позицию Тольмино, оставшуюся в руках у австрийцев, несмотря на неоднократные попытки итальянцев захватить ее.

Ниже Тольмино восточный берег Изонцо образован компактным плато Байнзицца (средняя высота 700 *м*), северный, возвышенный край которого, так называемая высота Лом, тянется вдоль нижнего течения Идрии.

С запада, на правом берегу Изонцо, горная система, окаймляющая долину реки, носит иной характер.

Вдоль участка р. Тарвис, Сага простирается труднопроходимый массив гор Ромбона и Канино (высота Канино свыше 2 500 *м*), образованных высокими короткими хребтами, направленными с востока на запад. Этот массив ограничен с юга проломом близ Саги,

по которому вьючные тропы ведут к верховьям р. Тальяменто, выше Джемоны.

Следующий участок Изонцо, от Саги до Тольмино, окаймлен узким и высоким горным хребтом юрского происхождения, в котором различают две почти прямолинейные гряды по обе стороны котловины Капоретто, Робик:

— с севера — гряда: гора Маджоре, гора Стол (1 668 *м*);

— с юга — гряда: Матаюр (1 640 *м*), перевал Люико, гора Кук (1 243 *м*), проход Заградан, гора Пиатто (1 114 *м*), гора Еза (Есса) (929 *м*).

К западу от Матаюра проходит ущелье Робик (292 *м*), к востоку — перевал Люико, которые оба ведут из Капоретто на Чивидале.

Часть горного хребта, между горой Кук и горой Пиатто, известная под названием Коловрат, напоминает по виду один из хребтов французской Юры, возвышающийся подобно стене над обоими скатами. Северный скат этого хребта прорезан оврагами и порос у подошвы лесом, а на вершинах — травой. Он круто обрывается к Изонцо и во многих местах почти не проходим из-за своей крутизны.

Однако на линии горы Пиатто имеется ступенеобразная вершина, гора Плеция (820 *м*), от которой, в свою очередь, отходит на восток, по направлению к Тольмино, скалистый, очень трудно проходимый отрог, называемый Коста Раунца. К югу от Коста Раунца имеется параллельный отрог, так называемый Коста Дуоле, соединяющийся с главным хребтом между Пиатто и Еза.

От горы Маджоре до горы Еза хребет имеет только два прохода, находящихся по обе стороны Матаюра.

Этот хребет в общем образует водораздел между верхним течением Изонцо и бассейном его притока Торре, впадающего в Изонцо ниже Горицы и приблизительно составляющего границу Фриульской равнины.

Западный склон хребта, состоящий из третичных пород, подверженных размыву, изрыт множеством глубоких складок, по которым текут притоки Торре, в том числе Юдрио, Натизоне и многочисленные речки, впадающие в последний. Эти лощины разделены длинными острыми гребнями, образующими в целом как бы веер, ручка которого находится в Удине.

Таким образом, обладание хребтом от горы Маджоре до горы Еза открывает доступ на равнину.

Обратимся, наконец, к участку Изонцо от Тольмино до Горицы. Здесь по правому берегу реки тянется длинный хребет, стиснутый между Изонцо и Юдрио, с вершинами Глобочак (806 *м*) и Корада (812 *м*). Этот хребет примыкает под прямым углом к хребту Коловрат в районе горы Еза. Вблизи Еза от него отходят, наподобие пальцев, многочисленные крутые скалистые отроги, большая часть которых обрывисто спускается в низину Вольцана. Один из отрогов, высота Град (Крад, 987 *м*), отделяется в южном направлении и сильно суживает долину Изонцо, немного выше Ауццы. Через мост в Ауцце проходит самая северная из тех плохих дорог,

Схема 6. Поле сражения под Капоретто. Обстановка на 24 октября 1917 г.

по которым можно перебраться с плато Байнзицца на западный берег Изонцо.

В топографическом отношении весь этот район горы Еза является зоной осадочных пород, прикрытой рыхлыми триасовыми отложениями, и со своими неправильными, пересекающимися складками местностями, извилистыми гребнями, неописуемым переплетением лесистых оврагов, глубоких балок, водостоков, седловин и обрывов представляет картину полного хаоса. Кроме того, будучи расположен в узле двух горных хребтов, сходящихся под прямым углом, он с тактической точки зрения является уязвимым местом этой орографической системы.

Географическое описание района сражения следует дополнить перечнем ведущих через него путей сообщения. Последние сыграли существенную роль в развитии операции.

Сеть путей сообщения через весь этот горный район Верхнего и Среднего Изонцо представляется в следующем виде.

С востока мы имеем несколько дорог, из которых одни сходятся в Плеццо, другие — в Тольмино.

В Плеццо (соединенном дорогой с Сагой) сходятся две дороги: шоссе, идущее через Тарвисский и Предильский перевалы (1 200 *м*); проезжая дорога Кронау (на Саве), перевал Майстрокка (1 900 *м*), Плеццо.

В Тольмино сходятся: два шоссе, ведущие из долины Савы — одно через Подбердо, другое через Киршину; железная дорога Клагенфурт, Асслинг, Тольмино.

С другой стороны, в направлении на запад с этого фронта Сага, Тольмино начинаются три возможных операционных направления. Северное, начинающееся в Саге, может привести исключительно по нескольким вьючным тропам, например через долину Уччеа и перевал Танамеа, в направлении на Верхний Тальяменто, — в район Джемоны. Из двух других, начинающихся в Тольмино, одно ведет на Чивидале (либо по шоссе Капоретто, ущелье Робик, либо по шоссе Капоретто, перевал Люико), второе — на Горицу (по долине Изонцо). Последние два оперативных направления разделяют хребет Коловрат, Еза, Глобочак. Но обладание горой Еза позволяет объединить их.

Таким образом, в обратном направлении с равнины Удине можно попасть на фронт Сага, Тольмино только по шоссе Удине, Чивидале, Робик, Капоретто. Севернее этого шоссе имеются для движения с запада на восток только плохая, очень длинная и очень извилистая грунтовая дорога, ведущая из Нимиса через Платискис на Бергонью, и небольшое число вьючных троп.

* * *

На участке фронта 2-й армии — от Ромбона до плато Байнзицца — линия, на которой было установлено соприкосновение между обоими противниками, трижды пересекала Изонцо: первый раз к востоку от Плеццо, второй раз — выше Тольмино, третий раз — ниже этого местечка.

Вообще говоря, итальянцы создали три оборонительные линии (схема 6 и панорама):

— передовую линию (di difesa avanzata);

— главную линию сопротивления (di resistenza ad oltranza);

— так называемую «линию армейских резервов» (di armata).

Передовая линия отмечает собой крайний предел продвижения во время последовательных наступлений, поэтому ее начертание иногда оставляет желать лучшего. Она была занята значительными силами, и оборудование ее явилось предметом больших забот, но скорее имело в виду наступательные цели. Ее ценность с точки зрения обороны была неодинакова на всех участках.

Вторая линия, выбранная обдуманно, проходившая по самым удобным позициям, обильно оборудованная блиндажами, подземными убежищами и проволочными заграждениями, была, наоборот, очень сильной. Но в ряде пунктов она не была занята войсками.

Третья линия, не занятая войсками, проходила то очень далеко от линии главного сопротивления, то очень близко к ней. Косых отсечных позиций между этими последовательными линиями было очень мало.

Эта оборонительная система принадлежала к типу, общепринятому на фронтах в течение 1917 г. В подробностях ее начертание сводилось к следующему.

1. На участке от Ромбона до Тольмино (приблизительно соответствовавшем полосе 4-го корпуса) передовая линия начиналась на Ромбоне (2 210 *м*), пересекала Изонцо (370 *м*), поднималась на Верзик (1 897 *м*), преграждала перевал За Краю (1 870 *м*), охватывала большую часть горы Нэро (2 265 *м*), оставляла к востоку гору Рудечи (1 916 *м*), доходила до Шлеме (1 487 *м*) и спускалась по западному скату острого гребня горы Мрзли Врх до Габрии на Изонцо (170 *м*).

Австрийские позиции командовали над этой линией на участке по обе стороны Плеццо, а также на участке от Шлеме до Изонцо, где линия проходила на обратном скате, немного не достигая гребня.

Линия главного сопротивления опиралась о гору Канино (2 500 *м*), прикрывала котловину Саги, поднималась на Поулоуник (1 760 *м*), на котором она несколько раз прерывалась, выходила на Верзик, где сливалась с передовой линией до горы Нэро, а затем по отрогу Плека (1 300 *м*) спускалась до Селища на Изонцо.

Армейская линия, расположенная почти целиком на правом берегу Изонцо, преграждала теснину Саги, захватывала гору Стол, переходила на левый берег Изонцо, чтобы на горе Вольник прикрыть мост в Капоретто, затем поднималась через Идерско и перевал Люико на Коловрат.

2. В излучине Изонцо (соответствовавшей примерно полосе 19-й дивизии 27-го корпуса) передовая линия, начинаясь в Габрии на Изонцо, проходила у подошвы скатов, охватывая деревню Вольцана, в соприкосновении с австрийской предмостной позицией. Затем она поднималась по скалистым отрогам, господство-

вавшим над впадиной Вольцана, и шла по гребню отрога горы Град. В районе Вольцана над ней на всем протяжении командовали расположенные совсем близко позиции противника.

Линия главного сопротивления, пересекавшая Изонцо в Селище, поднималась через Фони на гору Плецию (на этом участке она была не закончена), пересекала наискось Коста Раунца и Коста Дуоле, охватывала восточный скат горы Еза, а отсюда по извилистой трасе, приспособленной к уже описанной чрезвычайно сильно пересеченной местности, соединялась в начале отрога горы Град с передовой линией, с которой и сливалась до Изонцо.

Она представляла собой непрерывную, местами двойную линию окопов, хорошо оборудованную убежищами для отдыха и покрытую огневыми точками, фланкирующими сооружениями, проволоч-

Схема 7. Профиль поля сражения под Капоретто.

ными заграждениями, пещерами, одним словом, очень сильно укрепленную, но чрезмерно растянутую ввиду исключительно пересеченной местности. На выступающих к востоку отрогах работы по усилению ее еще продолжались.

Кроме того, большая часть этой позиции, расположенной, как на балконе, хорошо просматривалась наблюдателями противника.

В тылу тянулась линия армейских резервов, описывавшая дугу круга. От перевала Люико она шла по гребню Коловрат, заходила на гору Еза и оттуда сворачивала на юг по хребту Глобочак. Местами она состояла из старых окопов с бойницами, применявшихся в 1915 г. В данное время производились работы по их улучшению. Расположенная на командующей и труднодоступной местности, она представляла собой очень сильную естественную линию, хотя местами большая крутизна скатов очень ограничивала обзор непосредственных доступов.

3. К востоку от Изонцо, на плато Байнзицца, передовая линия и линия главного сопротивления были направлены по створу гора Град, гора Санто (к северу от Горицы). Таким образом, обрывистая гора Град являлась районом стыка между позициями на обоих берегах Изонцо.

Эти линии были только-только намечены, и велись усиленные работы по приданию им прочности, которой им недоставало. Они были заняты крупными силами, но в дальнейшем не подверглись серьезным атакам.

Что же касается линии армейских резервов — в тылу фронта на Байнзицце, то она проходила по гребню хребта Глобочак, Корада — на правом берегу Изонцо.

Эта оборонительная система вызывает некоторые критические замечания.

Ее передовая линия была довольно мало пригодна для обороны. Между тем, вопреки директиве от 18 сентября, главные усилия были направлены до 24 октября на оборудование именно этой линии. На ней же во время операции было оказано наиболее сильное сопротивление.

Система укреплений имела целый ряд пробелов. Так, не было проявлено особой заботы о прегражденин дна долины Изонцо выше Гиольмино фронтом на восток. На северном берегу фронт на горе Мрзли Врх должен был рухнуть при сколько-нибудь серьезном нажиме с высот, командующих над ним на небольшом расстоянии. На южном берегу окопы на Коста Раунца, не законченные в районе Фони и простреливаемые продольно с высот к востоку от Тольмино, не обеспечивали своевременного обстрела подошв скатов.

Ничто в этих оборонительных сооружениях не указывает на существование хорошей огневой связи между обоими берегами Изонцо к югу от горы Град.

Но опаснее всего было то, что, хотя линия главного сопротивления была прочно оборудована с технической точки зрения, она во многих местах проходила слишком близко к расположению противника. Кроме того, вследствие конфигурации местности, она была слишком растянута. Одним словом, созданной оборонительной системе недоставало глубины. Так, против австрийской предмостной позиции Тольмино 1-я и 2-я линии сливались на фронте протяжением почти в 6 *км*. Правда, главное командование приказало оборудовать в тылу этого района 4-ю линию, начинавшуюся на перевале Заградан и спускавшуюся через гору Кум (900 *м*), по гребню хребта, к западу от р. Юдрио, с тем чтобы локализировать развитие успеха, которого противник мог бы добиться на высотах горы Еза. Существовала также отсечная позиция от горы Кум до горы Сан-Мартино. Однако эти линии были плохо оборудованы, не заняты войсками и к тому же сами оказались бы обойденными, если бы противник захватил Коловрат.

В общем дело обстояло так, как будто в этом районе горы Еза, являвшейся одновременно выступом для 2-й армии и твердыней всего итальянского оборонительного фронта, итальянцы имели единственную оборонительную полосу глубиной от 2,5 до 5 *км*,

расположенную ярусами перед противником и имевшую свой тыловой рубеж на расстоянии 4—6 *км* от исходной позиции противника.

Эта полоса подвергалась опасности быть захваченной с одного броска.

Группировка 2-й армии

(Схема 8)

Могла ли, по крайней мере, группировка войск устранить эту опасность?

Группировке на левом фланге 2-й армии, слишком растянутой и рассредоточенной, недоставало мощи. Когда выяснилась непосредственная угроза наступления противника на этом участке фронта, попытались спешно подкрепить его. Но вследствие эффекта внезапности не удалось бы своевременно произвести реорганизацию обороны в глубину, и поэтому окончательная группировка сохранила линейный характер. Следовательно, оборонительное сражение велось без достаточной глубины.

Утром 24 октября 2-я армия была развернута на фронте в 85 *км* (60 *км* по прямой линии). Она насчитывала девять корпусов — 25 дивизий (350 батальонов). Штаб ее находился в Кормонсе.

С первого же взгляда эта армия представляется слишком громоздкой, а задача, возложенная на нее, кажется очень сложной. Ведь ей приходилось отражать наступление в четырех возможных направлениях: под Горицей, на плато Байнзицца, под Тольмино, под Плеццо.

Соединения армии были распределены следующим образом.

В первой линии — шесть корпусов — 19 дивизий (схемы 5 и 6) (250 батальонов), расположенных так:

— от Ромбона до Габрии на Изонцо — 4-й корпус в составе четырех дивизий (65 батальонов), из которых одна, выделенная из армейского резерва, прибыла на усиление только накануне; протяжение фронта — 40 *км* (22 *км* по прямой линии);

— на обоих берегах Изонцо, от Габрии до Каля, на плато Байнзицца,— 27-й корпус в составе четырех дивизий (49 батальонов, включая бригаду «Пулье» в корпусном резерве); протяжение фронта — 20 *км*.

Одна из этих дивизий — 19-я, — правда, значительно усиленная, была растянута по правому берегу Изонцо, между Габрией и Село, имея на фронте в 12 *км* 21 батальон.

Остальные три дивизии были расположены на левом берегу и имели в общей сложности 22 батальона на фронте в 8 *км*.

Южнее расположились, считая с севера, 24, 2, 6 и 8-й корпуса, всего 11 дивизий на фронте в 25 *км*.

В армейском резерве: три корпуса в составе шести дивизий (100 батальонов). Один из этих корпусов — 7-й (две дивизии, 30 батальонов) — устраивался на линии армейских резервов, позади центра 4-го и 27-го корпусов. Два других — 14-й и 28-й — были расположены: один к западу, другой к северу от Горицы.

В общем 2-я армия располагала многочисленной артиллерией, но плотность развертывания артиллерии постепенно уменьшалась с юга на север.

В итоге между Ромбоном и Село на Изонцо итальянцы имели всего семь дивизий (122 батальона), считая и 7-й корпус.

Эти-то семь дивизий и были введены в дело, тогда как силы, развернутые южнее, т. е. 14 дивизий (162 батальона), не приняли участия в сражении, а главные силы армейского резерва сыграли в нем запоздалую и мало действительную роль.

Остается более подробно рассмотреть группировку сил в первой линии, резервов и артиллерии.

4-й корпус (генерала Кавачокки) был разбросан в полосе слишком большого протяжения — на площади более 250 *кв. км.* Правда, он насчитывал огромное число состоящих на довольствии — около 200 000 человек. Но в этой обширной полосе, расположенной целиком в высокогорной местности, в условиях настолько установившегося фронта, что 4-й корпус занимал свою полосу уже целый год, более половины личного состава поглощали службы связи, снабжения, сообщений и пр.

Кроме того, 4-й корпус был раздроблен по двум расходящимся направлениям — Плеццо и Тольмино, которые он должен был оборонять.

Участок фронта, занятый корпусом, распадался на три полосы, каждая из которых была занята дивизией.

На севере — 50-я дивизия занимала главными силами передовую линию по обе стороны Плеццо, а на линии главного сопротивления держала только (примерно) три альпийских батальона и два дивизиона артиллерии. Она была атакована в бою главными силами группы генерала Крауса.

В центре — 43-я дивизия была развернута на очень сильно укрепленном гребне горы Нэро, где передовая линия и линия главного сопротивления сливались. Таким образом, она прикрывала котловину Дрезенка и мост в Капоретто. Ей пришлось иметь дело с левофланговой дивизией группы Крауса.

На юге — 46-я дивизия занимала западный скат короткого хребта Шлеме, Мрзли Врх, над которым противник командовал и который он мог взять во фланг. К левому берегу Изонцо, у подошвы ската, примыкал правый фланг дивизии. Она была распределена небольшими частями по многочисленным отрезкам окопов, открытых, под предлогом взаимной поддержки, то в передовой линии, то на линии главного сопротивления. Во время сражения эта дивизия на высотах была атакована австрийской 50-й дивизией, а в долине — частью силезской дивизии (12-й).

Главное командование не могло не отдавать себе отчета в слабости группировки 4-го корпуса. К несчастью, еще 17 октября, послав для усиления его несколько батарей и батальонов, оно, как мы видели, только 21-го окончательно поверило в готовившееся наступление противника.

В этот момент генерал Кадорна, хотя и сожалея о том, что его директивы не были выполнены, считал, что уже слишком

поздно отказываться от обороны передовой линии. Со своей стороны, генерал Капелло, кроме артиллерийского дивизиона, направленного в Люико и Идерско, прислал в распоряжение 4-го корпуса свою 34-ю дивизию.

Но 22 октября эта дивизия состояла только из своего штаба. Ее наскоро образовали из случайных частей — 2-го и 9-го полков берсальеров, уже находившихся в полосе 7-го корпуса, бригады «Фоджа» (280, 281 и 282-й полки), находившейся 23-го утром в районе Чивидале, и бригады «Потэнца», находившейся в пути еще далеко в тылу. Дивизия не имела ни служб, ни артиллерии. Кроме того, ее немедленно раздробили на части: 280-й полк, подвезенный на грузовиках, 2-й и 9-й полки берсальеров, подошедшие в последнюю минуту (либо 23-го вечером, либо в ночь с 23-го на 24-е), были назначены в корпусной резерв и направлены каждый в тыл одной из дивизий, занимавших передовую линию.

Так как их задача была им уже указана, в резерве 4-го корпуса оставались в сущности только другие два полка бригады «Фоджа», которые с трудом прибыли 24-го утром в Капоретто, после того как их место назначения несколько раз менялось.

Правда, генерал Капелло постарался придать 4-му корпусу еще другие войсковые части. Так, 23-го он приказал перевести бригаду «Потэнца» в Бергонью, а бригаду «Карраре» на Матаюр. Но эти меры оказались настолько запоздалыми, что в день сражения не произвели никакого действия.

27-й корпус (генерала Бадольо) имел на правом берегу Изонцо:

— в первой линии — 19-ю дивизию;

— в корпусном резерве — бригаду «Пулье».

Недавно усиленная 19-я дивизия была развернута в излучине Изонцо, против австрийской предмостной позиции.

Бригада «Пулье» (шесть батальонов) расположилась в начале оврага Юдрио, в ближнем тылу 19-й дивизии.

Командный пункт командира 27-го корпуса находился в районе Пушно, а штаб корпуса — в овраге Юдрио, в Кози.

Полоса 19-й дивизии была одним из самых ответственных участков поля сражения. На нее должна была обрушиться самая мощная атака. Между тем 19-я дивизия со своим 21 батальоном на фронте в 12 *км* была сама по себе уже трудно управляемым соединением. Кроме того, многие части, которые она получила на усиление, очень плохо знали местность, так как только что прибыли на этот участок фронта. Наконец, — и это самое главное, — не была обеспечена ее связь влево — с 4-м корпусом.

24-го утром она была расположена следующим образом:

— на линии главного сопротивления, справа налево, — 10-я альпийская группа, бригада «Специя», бригада «Таро»;

— в тылу, в дивизионном резерве, — два батальона;

— на крайнем левом фланге — бригада «Наполи», имевшая в принципе задачу либо обеспечивать связь с 4-м корпусом, либо контратаковать атакующего противника.

10-я альпийская группа, прибывшая только 23-го вечером, широко растянула два из трех своих батальонов на отроге горы Град. Она была атакована первой дивизией корпуса Скотти.

Слева от нее бригада «Специя» развернула четыре батальона из шести (один оставался в бригадном, один — в дивизионном резерве) на фактическом фронте в 6 *км*. Она была атакована дивизией первой линии корпуса Беррера.

Севернее, по обе стороны Коста Дуоле и Коста Раунца, располагалась бригада «Таро», имевшая на линии главного сопротивления пять батальонов (после отвода в ночь с 22-го на 23-е назад гарнизона передовой линии в Вольцане, где было оставлено боевое охранение). Она была атакована так называемым «Альпийским корпусом» — левофланговой дивизией группы Штайна.

Итак, в первой линии имелось в общей сложности 13 батальонов с более или менее достаточным числом пулеметов (около 150, считая бригадные и дивизионные пулеметы), но с численным составом, достигавшим, по данным доклада следственной комиссии, в среднем всего 100—125 штыков на батальон [1].

Плотность расположения стрелков была тем более недостаточной, что речь идет о чрезвычайно трудно проходимой и пересеченной местности.

Что же касается организации взаимодействия между 22-м и 4-м корпусами, то она испытала целый ряд превратностей, которые следует рассмотреть поподробнее, так как они имели самые печальные последствия.

До 22 октября полоса 4-го корпуса, вполне естественно, захватывала часть правого берега Изонцо, к югу от реки, с тем чтобы обеспечить прикрытие правого фланга 46-й дивизии. 14 октября генерал Капелло приказал особенно прочно занять отрезок позиции сопротивления от Изонцо через Фони и на горе Плеции и для этого придал 4-му корпусу 2-й и 9-й полки берсальеров.

Однако 17 октября эти две части перешли в состав 7-го корпуса, который должен был расположиться во второй линии на Коловрате; но уже 21-го они были возвращены 4-му корпусу, который специально возложил на 9-й полк берсальеров оборону участка Изонцо, гора Плеция. Кроме того, для улучшения обеспечения правого фланга своей 46-й дивизии командир 4-го корпуса выставил роту позиционных пулеметов на шоссе — на южном берегу реки, против Габрии, и с дюжину фланкирующих батарей — в районе Коста Раунца, гора Пиатто.

---

1 С другой стороны, мы читаем в этом докладе, что на 24 октября 27-й корпус насчитывал в общей сложности 46 170 пехотинцев. Так как этот корпус состоял из 15 полков или других частей аналогичного состава, можно было бы притти к заключению, что каждый из этих полков насчитывал около 3 000 человек, а каждый батальон — около 1 000.

В отношении плотности занятия первой линии в полосе 19-й дивизии между этим заключением и точными данными, содержащимися в докладе следственной комиссии, имеется противоречие, по крайней мере кажущееся.

Это противоречие может быть разрешено лишь после подробного изучения «сведений о составе» мелких частей 19-й дивизии накануне 24 октября.

Но временно командующий 2-й армией 22 октября изменил северную границу 27-го корпуса, перенеся ее на Изонцо, с целью компенсировать этот корпус за удлинение его фронта, а также усилить оборону участка гора Плеция, Фони, Изонцо. Он придал 27-му корпусу еще одну бригаду — бригаду «Наполи». Следовательно, контроль над южным берегом реки был отнят у генерала Кавачокки, корпус которого был самым непосредственным образом заинтересован в обороне этого берега.

Что же касается бригады «Наполи», то командир 27-го корпуса придал ее 19-й дивизии (имевшей очень тяжелую задачу) с приказом «занять минимальными силами линию Плеция, Изонцо, оставив главные силы бригады в резерве в районе перевала Заградан». Критики вывели из этого приказа заключение, что в то время командир 27-го корпуса имел намерение удерживать низменные участки местности незначительными силами, чтобы иметь возможность в надлежащий момент контратаковать противника крупными силами, а именно бригадой «Наполи», с возвышенностей.

Как бы то ни было, из шести батальонов этой бригады в итоге был выделен для обороны участка Плеция, Изонцо только один батальон. Последний прибыл на свой участок 23 октября утром после ночного марша. Так как гора Плеция обстреливалась артиллерией противника, батальон смог занять свои боевые позиции только 23-го вечером. Он не произвел предварительной рекогносцировки, так как 9-й полк берсальеров, на смену которому он прибыл, ушел еще утром. Он развернулся на фронте около 2 *км* в сети несплошных окопов, протянувшихся по пересеченной местности, низшая точка которой находится на высоте 175 *м*, а высшая — на высоте 876 *м*. Чрезмерно растянутый, этот батальон больше не мог прочно удерживать подошву скатов на берегу Изонцо. К тому же он не имел связи ни влево — с 46-й дивизией, ни вправо и в тыл — с бригадой «Таро». Кроме того, среди ночи эта последняя бригада сняла охранение с передовой линии у Вольцаны, а один из начальников частей 19-й дивизии приказал отвести назад роту позиционных пулеметов 46-й дивизии, вероятно для проведения заградительных стрельб. Таким образом, в час начала наступления противника на этом узком участке итальянского фронта на берегу р. Изонцо передовая линия оказалась не занятой войсками. На линии сопротивления слабый батальон, плохо знакомый с местностью, был развернут на фронте в 2 *км*. Левый фланг батарей на Коста Раунца отчасти был обнажен. Правый фланг 46-й дивизии повис в воздухе. Наконец, ввиду только что произведенного перераспределения войск и участков, заградительный огонь, организация которого ложилась теперь на 27-й корпус, еще не был достаточным образом подготовлен [1].

Правый берег глубокой долины Изонцо был открыт. По этому-то берегу 12-я силезская дивизия и намечала развитие главного удара в этот день — удара в направлении на Капоретто.

---

[1] По донесению начальника артиллерии 27-го корпуса.

Можно пожалеть о том, что командующий армией снял с 4-го корпуса заботу об обороне обоих скатов долины, что он в последнюю минуту внес столь значительное изменение в границы участков, что сам не взял на себя урегулирование связи в глубину между обоими корпусами на таком важном стыке.

Такое же пренебрежение к своевременному обеспечению связи было, повидимому, проявлено также в отношении левого фланга 2-й армии и Карнийской армейской группы (12-го корпуса). Когда командир 4-го корпуса высказал беспокойство по этому поводу, главное командование сочло нужным 21-го вызвать из Трентино подкрепления, в том числе 62-ю дивизию. Но последняя вскоре получила более неотложное назначение и поступила в распоряжение командования 7-го корпуса. На следующий день Кадорна предложил командиру 12-го корпуса усилить свою связь с 4-м корпусом и даже изучить возможности контрнаступления. Но такое указание было не чем иным, как пустым звуком, так как 12-й корпус уже был растянут на 100 *км*, а его правофланговая 36-я дивизия, находившаяся в соприкосновении с 4-м корпусом, уже была развернута на фронте в 35 *км*.

Главное командование, конечно, не могло не видеть, что противник мог бы предпринять очень опасный маневр через Плеццо и, продвинувшись по долинам Донья, Резиа и Уччеа в направлении на Средний Тальяменто, обойти с фланга одновременно и Карнийский фронт и фронт на Изонцо (схемы 1 и 9). Ведь в тылу 36-й дивизии не было в резерве ни одной части. Надо полагать, что командование надеялось успеть заполнить прорыв, если бы таковой произошел. Но оно упускало из виду, что в горной местности удачный маневр чаще всего молниеносно приводит к сокрушительным последствиям.

Резервы 2-й армии состояли из 34-й дивизии, 7-го корпуса, 14-го корпуса и 28-го корпуса.

К 24 октября большая часть этих резервов была расположена в тылу фронта Байнзицца. Горица и не в состоянии была принять участие в подготовлявшемся сражении. Единственными соединениями, которые командующий 2-й армией имел вблизи района наступления, были:

— 34-я дивизия, спешно образованная 22 октября из разнородных частей и, как сказано выше, уже приданная 4-му корпусу;

— первая из бригад 28-го корпуса, переброшенная в долину Верхнего Юдрио, неподалеку от бригады «Пулье», резерва 27-го корпуса;

— 7-й корпус (генерал Бонджованни).

Так как результат прорыва во время сражения 24 и 25 октября в значительной мере зависел от роли, выполненной этим последним корпусом, следует точно указать его расположение и задачу.

7-й корпус был 17 октября подчинен командующему 2-й армией. В тот же день генерал Капелло приказал[1] 7-му корпусу

---

[1] Документ № 6055 от 18 октября, подписанный начальником штаба 2-й армии.

«развернуться от перевала Заградан до Матаюра с целью поддерживать оборону передовых частей, служить опорой в тылу флангов 4-го и 27-го корпусов, занять очень важные позиции во второй линии и в надлежащий момент перейти в контрнаступление». Эта директива, несомненно, выглядит довольно путаной. Правда, она была несколько уточнена приказом от 23 октября [1], согласно которому 7-й корпус должен был «оборонять линию гора Еза, гора Матаюр, преграждать выход из Капоретто, установив соприкосновение с 4-м корпусом, и быть готовым к контрнаступлению». Однако задача 7-го корпуса оставалась очень сложной и до известной степени противоречивой.

Генерал Бонджованни занял со своим корпусом следующее оборонительное расположение:

— 62-я и 3-я дивизии были развернуты на одной линии от Матаюра до Езы;

— одна бригада была в резерве.

62-я дивизия (две бригады) только 23 октября прибыла из Трентино в Чивидале. 23-го вечером ее бригада «Салерне» поднялась на гору Матаюр (1.641 *м*). Фронт ее составлял 6 *км*.

Другая бригада (6-я бригада берсальеров) была двинута в направлении на перевал Люико, куда пришла к концу утра 24-го. Она оперлась правым флангом о гору Кук и тоже развернулась на фронте около 6 *км*.

3-я дивизия расположила свою бригаду «Арно» на Коловрате, справа от 62-й дивизии, а свою бригаду «Эльба» — в тылу горы Пиатто.

Бригада «Фиренце» 3-й дивизии находилась в корпусном резерве, в тылу своей дивизии, в овраге Козицца.

Таким образом, 7-й корпус был развернут на фронте в 16—18 *км*. Не могло быть и речи о том, что он сможет принять участие в бою на дне долины Изонцо. Самое большее, от него можно было потребовать устройства настоящей второй позиции на Коловрате, хотя этот острый гребень с крутыми скатами плохо поддавался оборудованию в глубину. Утром 24-го части, только что прибывшие на свои позиции и считавшие себя в безопасности, находясь в 15 *км* в тылу фронта, только-только начали приниматься за работу.

Но что было еще серьезнее, участок оборонительной «линии армейских резервов», от Люико до Идерско (на Изонцо), который был целиком передан генералом Капелло 7-му корпусу для обеспечения непосредственного прикрытия котловины Капоретто фронтом на запад,— этот участок совершенно не был занят из-за отсутствия хорошей связи между 4-м и 7-м корпусами.

Это случилось не потому, что командиры корпусов не установили связи между собой: 21-го они имели личное свидание. Но так как в этот день оборона ската Плеция, Фони была еще возложена на командира 4-го корпуса, последний, вполне естественно,

---

[1] Приказ № 6195 от 23 октября.

считал [1], что оборона скатов, спускающихся от Люико на Идерско, также лежит на его обязанности. Поэтому вопрос о связи на линии армейских резервов Люико, Идерско на этом свидании даже не поднимался. Между тем 22 октября участок гора Плеция, Фони был передан 27-му корпусу. И командир 4-го корпуса считал себя совершенно свободным от ответственности за оборону правого берега Изонцо и предоставил командиру 7-го корпуса самому позаботиться об установлении связи с 27-м корпусом.

23-го вечером, только что вернувшись в Падую, генерал Капелло распознал слабое место и немедленно дал более точные указания об установлении связи. Были ли эти распоряжения тотчас же переданы для немедленного исполнения? Если они действительно были переданы, то части 3-й дивизии 7-го корпуса, прибывшие 24-го утром с юга через ущелье Люико, неожиданно для себя увидели, что им придется устраиваться на участке Люико, Идерско фронтом на восток под огнем артиллерии, на незнакомой, закрытой и пересеченной местности. Не встретили ли они при выполнении этой задачи трудности, которых не сумели преодолеть?

Как бы то ни было, но в конце концов участок линии армейских резервов, который должен был преграждать правый берег Изонцо на линии Капоретто, между Идерско и Люико, оказался не занятым войсками обороны, совершенно так же, как передовая линия и линия главного сопротивления на этом же берегу.

Это может показаться неправдоподобным, но в результате недоразумений, ошибок и путаницы, вызванных внезапностью нападения противника, дорога из Капоретто на перевал Люико оказалась открытой, как и дорога из Тольмино на Капоретто!

Что касается других соединений, находившихся в резерве 2-й армии (схема 5), то они были расположены следующим образом:

— 25-я и 30-я дивизии (14-й корпус) — в долине Изонцо, в тылу Байнзицца;

— бригады «Милано» и «Специя» — в тылу Горицы, та и другая нацеленные фронтом на восток и застрявшие в своем расположении;

— наконец, 28-й корпус (32-я и 47-я дивизии), всего три бригады, — в долине Юдрио выше Кормонса.

Можно считать, что только дивизии 28-го корпуса могли быть немедленно использованы. Но они были окружены резервами главного командования, часть которых была расположена западнее — в районе Чивидале. К тому же они не могли быть быстро переброшены на левый фланг 2-й армии из-за отсутствия дорог, ведущих с равнины на Верхний Изонцо (если не считать дороги Чивидале, Капоретто).

В итоге единственным резервом 2-й армии, нацеленным в северо-восточном направлении, был 7-й корпус. Этот корпус, не имевший связи с корпусами первой линии, был уже сильно рас-

---

[1] Генерал Кавачокки, О причинах поражения под Капоретто (в журнале «Вита Италиана» от 15 декабря 1919 г.).

тянут по фронту, и, каковы бы ни были контрнаступательные замыслы генерала Капелло, корпус отнюдь не был в состоянии предпринять намеченную массовую контратаку, о которой, впрочем, нечего было и думать ввиду стремительной быстроты развития событий. В том развернутом расположении, в каком корпус находился, он смог вести бой только небольшими частями и не на позиции, а на линии, на которой он даже не успел устроиться для обороны.

В случае серьезной неудачи на левом фланге 2-й армии быстрее всего могли прибыть туда на помощь не армейские резервы, а резервы главного командования. Последние, будучи расположены слишком близко к фронту, оказались преждевременно израсходованными на выполнение тактических задач, лежавших в первую очередь на армейских резервах.

* * *

Как было сказано выше, армия Капелло располагала очень значительным количеством артиллерии — 2 430 орудиями (не считая 1 500 бомбометов) из 6 918 орудий, имевшихся во всей итальянской армии.

Характер развертывания этой артиллерии отражал оперативный замысел генерала Капелло, состоявший в кратковременной обороне, за которой должно было вскоре последовать общее контрнаступление. Этим объясняется и то, что плотность расположения артиллерии резко убывала к левому флангу и главная масса батарей была в общем развернута без эшелонирования в глубину и слишком близко к линии сопротивления.

В обширной полосе 4-го корпуса эти батареи были довольно сильно разбросаны. На фронте 28-го корпуса они образовали две линии: одну — от горы Еза до западного оврага горы Град, другую — на гребне Еза, Глобочак. Как только противник продвинулся вперед, орудиям стало очень трудно обстреливать многочисленные мертвые пространства внутри полосы.

Что же касается армейской артиллерии, то на 22 октября она была распределена между крупными соединениями следующим образом:

Виды батарей	Распределение				
	группа армейской артиллерии	4-й корпус	27-й корпус	24, 2, 3, 6 и 8-й корпуса	Итого
Легких	—	56	42	123	221
Средних калибров	50	73	75	143	341
Тяжелых . . .	25	—	4	4	33
Всего . .	75	129	121	270	595

Группа армейской артиллерии была сосредоточена в двух местах: одна — на западном берегу Изонцо, в тылу 27-го корпуса, другая — гораздо правее. Это распределение тяжелой артиллерии с перевесом на правом фланге также соответствовало замыслу генерала Капелло.

Однако за последние дни 19-й дивизии и 4-му корпусу были посланы многочисленные подкрепления, подтянутые с разных сторон, правда не без большой путаницы (так, группа, прибывшая в Люико 21 октября, состояла из батарей, принадлежавших трем разным корпусам: трех батарей 2-го корпуса, двух батарей 6-го корпуса, одной батареи 8-го корпуса). Тем самым количество артиллерии 4-го корпуса было доведено до 450 орудий (на фронте в 45 *км*), а в 27-м корпусе оно достигло цифры в 700 орудий, считая и группу тяжелой артиллерии участка.

К несчастью, итальянская артиллерия, привыкшая к выполнению наступательных планов, была очень мало знакома с наилучшими приемами стрельбы при обороне. До сих пор еще шли споры о разновидностях стрельб: заградительном огне, стрельбе на запрещение, активной артиллерийской контрподготовке, и так и не было четко выработанной доктрины, особенно в отношении последнего вида стрельбы.

Так, временно командующий армией, узнав 22 октября, что артиллерийская подготовка противника будет продолжаться 5—6 часов и распадаться на два периода — четырехчасовая стрельба химическими снарядами и стрельба на разрушение, в тот же день приказал, чтобы орудия средних калибров и бомбометы участвовали в контрподготовке, но только после окончания противником стрельбы химическими снарядами. Что же касается легких орудий, то они должны были пока молчать, чтобы лучше подготовиться к открытию заградительного огня.

Наоборот, генерал Капелло счел нужным указать 23-го вечером, на последнем совещании с командирами корпусов, что активная артиллерийская контрподготовка должна быть возможно более интенсивной и начаться одновременно с артиллерийской подготовкой противника.

Однако эти указания, данные устно в конце вечера, прошедшего в лихорадочном волнении, последовали слишком поздно; кроме того, стрельба контрподготовки не была заранее организована во всех подробностях, как это следовало сделать.

Фактически же решение об артиллерийской контрподготовке принималось командирами на местах. В группе армейской артиллерии решили придерживаться указаний, данных 22 октября. В 4-м корпусе, где привыкли экономить снаряды, предпочли только около 6 часов открыть огонь в ответ на подготовку противника, которая должна была начаться в 2 часа. В 27-м корпусе начальник корпусной артиллерии также считал, что во избежание напрасной траты снарядов не следует немедленно отвечать (с 2 часов). Командир корпуса, который вполне разумно оставил за собой право особым сигналом отдать приказ о начале артиллерийской контрподготовки, повидимому, не смог своевременно передать

это распоряжение из-за разрыва связи. Таким образом, вследствие ли отсутствия единого метода, отказа связи или неправильного истолкования приказов, стрельбы артиллерийской контрподготовки оказались практически абсолютно недействительными.

Исключительно плохая видимость утром 24-го привела к тому, что заградительный огонь не был открыт в надлежащий момент. Наконец, так как итальянская артиллерия отвыкла от стрельб с быстрым переносом огня, последующие стрельбы тоже оказались безрезультатными.

Повторим вкратце сказанное о положении 2-й армии и предположениях командования относительно ведения сражения.

4-й корпус должен был вести бой на передовой линии. Но эта линия была неудобна для обороны.

27-й корпус должен был вести бой на линии главного сопротивления. Но позиция на ней была лишена глубины.

Армейский резерв — 7-й корпус — должен был удерживать тыловую линию. Но он был атакован на ней внезапно и не успел как следует устроиться там.

Артиллерия должна была применять массовую контрподготовку. Но эта стрельба была начата при самых неблагоприятных условиях.

Стыки между соединениями в решающих пунктах не были обеспечены.

Что же касается подкреплений, то они по большей части прибыли на место в последнюю минуту по очень трудно проходимой местности, измученные и неверно направленные. И какую ценность могли иметь их планы стрелкового огня, их связь по фронту, их артиллерийская поддержка?

В такой обстановке последовало 24-го утром точно рассчитанное, планомерное, глубокое наступление австро-германской армии.

* * *

Общий резерв главного командования на 23 октября состоял, как мы уже говорили, из семи дивизий, лишенных своей штатной артиллерии.

Они были расположены следующим образом (схема 5):

— группа из трех дивизий (53, 13 и 60-й) — в районе Чивидале, Кормонс, непосредственно к западу от резерва 2-й армии;

— группа из четырех дивизий (21-й и 16-й 30-го корпуса, 20-й и 63-й) — в районе Пальмановы, в тылу 3-й армии.

Если эта группировка была рассчитана на отражение наступления противника в направлении на нижнее течение Изонцо, то в отношении наступления, направленного на Средний Тальяменто в обход левого фланга 2-й армии, дело обстояло совершенно иначе.

В этом случае резервным соединениям, которые были бы привлечены к участию в сражении, приходилось сперва фланговым маршем пересекать тыловые сообщения 2-й армии. Кроме того, имея в своем распоряжении только плохие вьючные дороги, они рисковали выйти на высоты, командующие над выходом на равнину, уже после занятия этих высот противником.

Итак, совершенно очевидно, что резерв главного командования не мог полностью сыграть свою роль в отношении левого фланга 2-й армии.

Генерал Кадорна следующим образом объясняет, почему он упорно держал этот резерв на крайнем правом фланге. «Необходимо было,— пишет он,— во что бы то ни стало удержать в своих

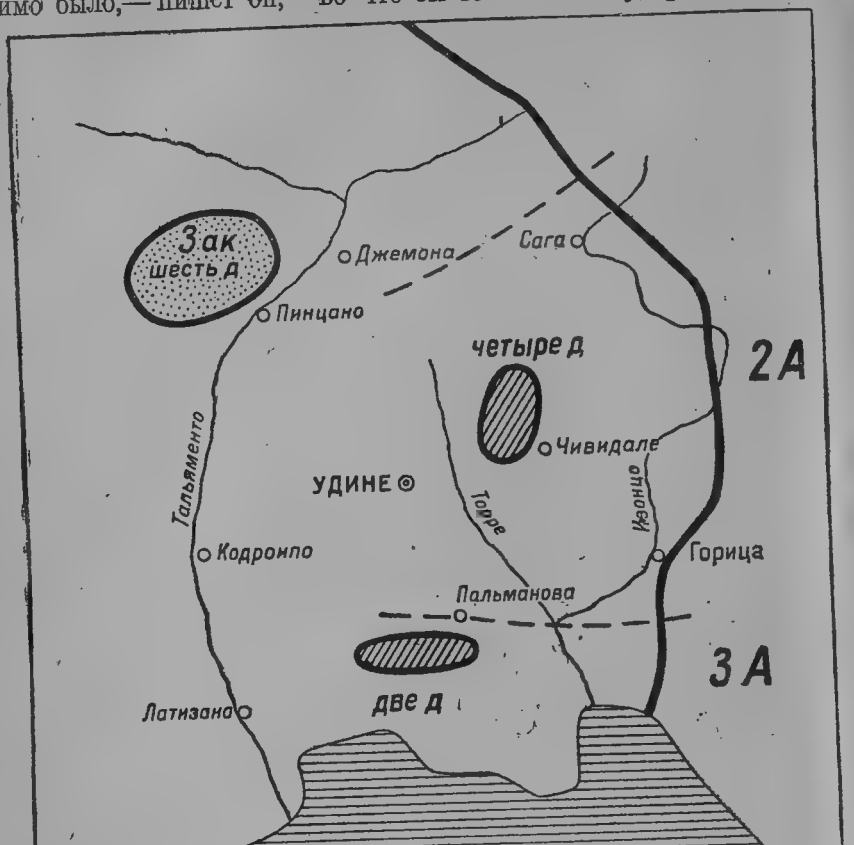


Схема 8. Распределение резервов на фронте Изонцо согласно приказу (невыполненному) итальянского главного командования от 3 октября 1917 г.

руках район Горицы, так как, если бы противнику удалось выйти через Горицу на правый берег Изонцо, он мог бы попытаться прижать к горам большую часть 2-й армии».

Это оправдание вызывает возражения: дело в том, что если противник, наступающий через Горицу, попытался бы продвинуться

на север тылом к морю, контрнаступление итальянцев, направленное с севера на юг, поставило бы его в такое опасное положение, что (это можно было предвидеть заранее) подобного маневра можно было почти не опасаться.

Объяснение генерала Кадорны кажется нам тем более неудовлетворительным, что он сам намечал совершенно иную группировку. Действительно, в приказе от 3 октября он предусматривал создание резерва из двенадцати дивизий, из которых четыре должны были собраться у Чивидале, две у Пальмановы, а шесть, сведенных в два корпуса,— на Среднем Тальяменто, к западу от Джемоны (схема 8).

Такое расчленение резервов главного командования обеспечило бы прегражденне доступа на Средний Тальяменто, облегчило бы проведение общего контрнаступательного маневра и, следовательно, позволило бы парировать всякие случайности. Но оно не было осуществлено. Почему? Потому ли, что генерал Кадорна до последней минуты отказывался верить в наступление на левый фланг 2-й армии? Потому ли, что, не подозревая действительности новых германских приемов наступления (которые, однако, были только что испытаны под Ритой), он надеялся во-время принять соответствующие контрмеры, как это было на плато Азиаго?

Об этом можно спорить. Но следует также учитывать те большие затруднения в отношении ведения войны, которые Италия не переставала встречать с 1915 г. Эти затруднения заключались в недостаточности сил и средств, которыми располагала Италия, для того, чтобы с полной безопасностью действовать на обширном фронте, образующем двойной изгиб. Вот почему генерал Кадорна не смог во-время получить двенадцать дивизий, которые должны были образовать резервную группировку, намеченную приказом от 3 октября.

Таким образом в основном с 1915 по 1917 гг. военные действия итальянцев затруднялись соображениями стратегического порядка. С этой точки зрения неблагоприятные условия должны были разом измениться, как только итальянский фронт, значительно сократившийся, оказался на Пиаве.

ПЛАН НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ И ИСХОДНАЯ ГРУППИРОВКА АВСТРО-ГЕРМАНЦЕВ

В то время как итальянское главное командование, плохо осведомленное, долго не могло разобраться в обстановке, а затем начало вдруг наспех принимать меры, австро-германцы тщательно и скрытно готовились к осуществлению дерзкого наступательного плана, с целью добиться тактического успеха на слабом участке итальянского расположения, причем этот участок был особенно удобным для стратегического (оперативного) развития успеха.

Австро-германское наступление в октябре 1917 г. отнюдь не носит обычного характера крупных германских наступлений, отмеченных «печатью стратегии сокрушения». Выражаясь словами

Мольтке-старшего, это наступление было в сущности просто «импровизированным средством» (expédient, Aushilfe), соответствовавшим отчаянному положению Австрии.

После потери плато Байнзицца (в конце августа) всякий новый отход австрийской армии неизбежно повлек бы за собой очищение Тольминской котловины, открыл бы дорогу на Триест, вызвал бы развал всего фронта. Оставался единственный шанс спасения — снова перейти в наступление. Так как сил для этого у Австрии не было, император Карл, скрепя сердце, обратился за помощью к Германии.

Последняя, находившаяся еще в ожидании благоприятного поворота в ходе войны, который должен был последовать за выходом России из боя, вела на Западном фронте тяжелое сражение во Фландрии и стремилась как можно скорее завершить завоевание Молдавии.

При таких условиях «не могло быть и речи,— пишет Людендорф,— об оказании Австрии постоянной помощи; возможна была только ограниченная временная поддержка, имевшая по существу цель облегчить положение на австро-венгерском фронте».

На каком же участке фронта следовало оказать эту поддержку?

Самые крупные результаты могло бы дать австро-германское наступление на фронте Трентино. Но, судя по опыту сражения, проведенному там в 1916 г., оно потребовало бы слишком крупных сил, а главное, слишком продолжительной подготовки, невозможной ввиду приближения зимы. С другой стороны, австрийское главное командование отвергало, как слишком дорого стоящее, всякое фронтальное наступление на Нижнем Изонцо и предложило осуществить прорыв на одном участке фронта — в районе Тольмино, Плеццо.

Тогда генерал Людендорф, желая получить самые точные сведения об обстановке, командировал 3 сентября на разведку фронта Изонцо бывшего командира германского «Альпийского корпуса» в Румынии, генерала Крафта Дельмензинген. Последний по окончании своей командировки, 6 сентября, в следующих выражениях докладывал о чрезвычайных трудностях намеченной задачи:

— очень узкий фронт наступления, особенно в районе Тольмино; исходный рубеж, открытый наблюдению противника, а следовательно, связанное с большим риском занятие исходного положения;

— прочно оборудованная оборонительная полоса противника с многочисленной артиллерией, расположенной — по крайней мере, против Тольмино — на командующих гребнях;

— пересеченный, гористый, поросший лесом район наступления, в котором артиллерия не сможет следовать за пехотой;

— исключительно трудные условия сближения (в смысле подхода войск и подвоза артиллерии, продовольствия и огнеприпасов), ввиду крайней бедности района путями сообщения и местными источниками снабжения;

— безусловная необходимость иметь специализированные штабы и войска, не только снабженные специальным горным снаряжением, но и тренированные для войны в горах;

— наконец, необходимость строжайшего соблюдения тайны, так как результаты стали бы более чем сомнительными, если бы противник обнаружил подготовку.

Тем не менее, принимая во внимание крайне опасное положение, в котором находилась австрийская армия, генерал Крафт, учитывая весь риск, но уверенный в высоких качествах германских войск и штабов, высказался в пользу операции, которая, по его буквальному выражению, «приближалась к пределам возможного».

В тот же день, 6 октября, генерал Людендорф установил, что Германия выделит для участия в намеченной операции штаб армии и семь дивизий с очень сильной артиллерией, тогда как Австрия решила создать ударную группу из восьми дивизий.

Помощь Германии была, по правде говоря, незначительной. По этому поводу центральным империям ставят в упрек, что они не попытались сочетать операции, организованные на Изонцо, с сильным наступлением в Трентино [1].

Дело в том, что обстановка на франко-британском фронте осенью 1917 г. (сражение во Фландрии с июля по октябрь, взятие 20—25 августа высот Морт-Ом, подготовка к сражению под Мальмезоном, которое должно было начаться 22 октября) настолько беспокоила генерала Людендорфа, что 10 октября еще две дивизии, прибывшие с Восточного фронта и предназначавшиеся для итальянского фронта, были с пути направлены во Францию. Более того, уже 11 октября командующий ударной армией Белов получил предупреждение, что немедленно после выигрыша сражения он должен будет отослать всю артиллерию усиления (тяжелую артиллерию и минометы) на Западный фронт, на котором Людендорф рассчитывал решить исход войны.

Таким образом, германское главное командование задавалось с самого начала очень ограниченной целью. Однако результаты вскоре разрослись далеко за пределы первоначально намеченного тактического успеха, и операция оказалась одной из самых плодотворных за всю войну, в первую очередь благодаря исключительно хорошо задуманному и проведенному наступлению.

К 10 сентября было решено, что австрийские и германские соединения, выделенные для операции, будут разделены на две основные группы:

— германскую 14-ю армию под командованием генерала Белова, которая должна была занять участок Тольмино;

— австрийскую группу под командованием генерала Крауса, которая должна была сосредоточиться на участке Плеццо.

Артиллерия усиления — всего 2 000 орудий, из которых 776 германских, — большей частью предназначалось также для фронта Тольмино, Плеццо.

14-я армия и группа Крауса состояли из отборных войск, почти сплошь специализированных для войны в горах. Они имели следующий состав.

---

[1] Весной 1917 г. фельдмаршал Конрад выработал план двух одновременных наступлений 23 австрийскими дивизиями в Трентино и 18 австро-германскими дивизиями под командованием Макензена — на Верхнем Изонцо.

Группа Крауса — три австро-венгерские дивизии:
— «Эдельвайс» (тирольская),
— 22-я австро-венгерская (грацская),
— 55-я австро-венгерская (боснийская), уже занимавшая участок фронта.

14-я армия — командующий генерал Белов [1], начальник штаба генерал Крафт Дельмензинген — восемь дивизий, из коих шесть германских.

Группа Штайна — 3-й баварский корпус, четыре дивизии:
— 50-я австро-венгерская (на позициях),
— 12-я прусская,
— германский «Альпийский корпус»,
— 117-я германская.

Группа Беррера — германский 2-й корпус, две дивизии:
— 200-я прусская, особого назначения;
— 26-я вюртембергская.

Группа Скотти — австро-венгерский 15-й корпус, две дивизии:
— 1-я австро-венгерская (на позициях),
— 5-я прусская.

В резерве четыре дивизии:
— егерская (прусская),
— 4-я, 13-я и 33-я австро-венгерские.

В это время весь австро-венгерский фронт, которым командовал император Карл, делился на две крупные оперативные группировки (схема 4):

Группу армий фельдмаршала Конрада, от Стэльвио до горы Ромбон, в составе австро-венгерских 11-й армии (в Трентино), 20-го корпуса (в Кадоре) и 10-й армии [2] (в Карнии).

Группу армий эрцгерцога Евгения, от горы Ромбон до моря, в составе группы Крауса, германской 14-й армии (от горы Ромбон до Тольмино) и группы армий Бороевича—2-я и 1-я армии Изонцо (от Тольмино до моря).

Первоначально эрцгерцог Евгений задавался целью улучшить свое положение. По его мысли, 14-я армия должна была, наступая от Тольмино, выдвинуться правым флангом от Чивидале, а левым — на хребет Корада. Независимо от 14-й армии, группа Крауса должна была, выдвинувшись из Плеццо, образовать своего рода неподвижный боковой отряд за Сагой, на горе Стол. Обе австрийские армии Изонцо, наступая фронтально на Изонцо, поддерживали бы продвижение 14-й армии, но только после того, как был бы осуществлен прорыв.

Этот замысел имел тот серьезный недостаток, что нарушал единство командования. Кроме того, он ставил под угрозу правый фланг 14-й армии, которому пришлось бы своими силами отражать возможный контрудар никем не скованных итальянских ре-

---

[1] Бывший командир корпуса на Восточном фронте, затем командующий германо-болгарской армией в ноябре 1916 г. в Македонии, позднее, в апреле 1917 г., командующий германской 6-й армией в Артуа.

[2] Через несколько дней 10-я армия была подчинена эрцгерцогу Евгению.

зервов. Наконец, это наступление могло дать лишь ограниченные результаты, так как направление главного удара было перенесено слишком далеко на юг.

Генерал Белов наметил гораздо более широкую операцию.

Устремив свой взгляд на Тальяменто, он считал, что противника следует отбросить за эту реку. Для этого надо было обеспечить себе возможность, после осуществления прорыва, продвинуться неудержимым натиском до Джемоны, где Тальяменто выходит из Альп и где дороги, ведущие с севера, соединяются с дорогами, идущими вдоль подножия гор.

Но такой замысел должен был повлечь за собой коренное изменение первоначального плана, применение «других приемов», иную группировку сил, новое приспособление средств к намеченной цели. В частности, осуществление его требовало строгого подчинения группы Крауса командующему 14-й армией, перемещения центра тяжести наступления к правому флангу, более действенного участия армии Изонцо в главном наступлении.

Примкнув, хотя и с осторожностью, к точке зрения Белова, австрийское главное командование дало тогда следующие директивы:

«1. Цель операции заключается в том, чтобы отбросить итальянцев за границу и, по возможности, за Тальяменто.

2. Германская 14-я армия получит задачу сперва прорвать фронт противника в районе горы Еза, а затем выйти на линию высот к северу от Чивидале, Корада. Ей придется также содействовать форсированию реки правофланговой группой 2-й армии Изонцо.

Группа Крауса должна будет обеспечивать правый фланг 14-й армии.

2-я армия Изонцо, усилив свою правофланговую группу, переходит в наступление одновременно с 14-й армией.

1-я армия Изонцо должна энергично сковывать противника, удерживая на своем фронте максимум его сил...».

Таким образом, группа Крауса, более не связанная ролью неподвижного бокового отряда, получила возможность стать одним из наиболее действительных органов наступления. С другой стороны, 14-я армия, избавленная от всяких забот о своем левом фланге, получила возможность перенести направление главного удара поближе к правому флангу.

Тогда генерал Белов, еще более расширив перспективы операции, немедленно отдал следующий приказ 14-й армии:

«Задача заключается в том, чтобы отбросить противника от Карсо на Тальяменто.

14-я армия прорывает фронт противника в Плеццо и в Тольмино, чтобы выйти в первую очередь на линию Джемона, Чивидале».

Выражая свою мысль с полной точностью и ясностью, он добавляет:

«14-я армия с самого же начала все время наносит главный удар правым флангом (Sie legt von Anfang den Nachdruck dauernd auf den rechten Flügel)».

В таком виде операция может быть отнесена к числу наиболее искусно проведенных маневров.

Теоретически наступление должно было ставить своей ближайшей целью прорыв фронта противника, предпочтительно в районе наименьшего сопротивления, чтобы во всяком случае обеспечить в первую очередь тактический успех. Но этот успех мог принести плоды только в том случае, если он допускает стратегическое (оперативное) использование его. «Наполеон требует от стратегии выбора направления, на котором значительные тактические успехи становятся решающими» [1].

«Выбор слабого пункта в расположении противника оправдывается лишь постольку, поскольку тактический прорыв достигается в районе, допускающем стратегическое (оперативное) использование, по отношению к которому прорыв всегда играет подчиненную роль... Если в начале войны необходимы тактические успехи, они всегда остаются только тактическими успехами и могут обеспечить стратегический (оперативный) успех лишь постольку, поскольку они достигаются на основном стратегическом (оперативном) направлении» [2].

Таким образом, избранный район прорыва должен в принципе совпадать с наиболее выгодным стратегическим (оперативным) направлением, причем последнее чаще всего определяется географическим объектом, через который проходят коммуникации противника [3].

В данном случае районом наименьшего сопротивления был район Плеццо, Тольмино. Направлением же прорыва, обеспечивающим наиболее решающее стратегические (оперативные) результаты, являлось направление на Джемону.

Подготовка к наступлению

Предпосылкой стратегического (оперативного) успеха является тактический успех. «Стратегия, не стремящаяся к тактическим успехам, заранее обречена на бессилие» [4]. Вполне проникнутое этим убеждением, германское командование в своей операции на итальянском фронте стремится прежде всего добиться тактического успеха (схема 1).

Для достижения этой цели оно применяло все лучшие правила военного искусства: эффект внезапности, превосходство сил на решающем пункте, взаимодействие сил, а главное маневр, являющийся особенно действительным в горной местности.

Уже 6 сентября считали, что подготовка займет шесть недель и что наступление сможет начаться 22 октября. Подготовка была прове-

---

[1] Фош, Ведение войны, 1906.

[2] Генерал Луазо, Стратегический успех, тактические успехи, 1931.

[3] Во время войны эта идея, по крайней мере в общем виде, была положена в основу германских операций в Восточной Пруссии (сентябрь 1914 г.), под Торном (ноябрь 1914 г.), на Мазурских озерах (февраль 1915 г.), под Горлицей (май 1915 г.), под Зурдруком, в Румынии (ноябрь 1916 г.).

[4] Людендорф, Воспоминания, т. II.

дена с точностью хронометра; ее только пришлось удлинить на двое суток вследствие непредусмотренной «пробки» в районе Плеццо.

Корпус Крауса и 14-я армия собирались в двух районах: в долине Дравы у Виллаха, Клагенфурта, куда ведут железнодорожные линии Бреннер, Тоблах, Виллах, Зальцбург, Виллах и Леобен, Клагенфурт, и в долине Савы, близ Любляны и выше, где сходятся железные дороги Марибор, Любляна и Загреб, Любляна.

Для перевозки всех войск потребовалось 100 000 вагонов, или 2 400 поездов по 100 осей, из них 600 для артиллерии усиления и для огнеприпасов, т. е. по 80 поездов в сутки в течение 30 суток.

Несмотря на постройку новых станций и платформ, выгрузка шла довольно медленно, ввиду слабой пропускной способности этих горных железных дорог. Она была закончена 10 октября.

Прежде чем занять исходное положение, воинские части и войсковые соединения, хотя состоявшие по большей части из специализированных войск, прошли в течение примерно 10 дней вблизи своих районов расквартирования усиленную тренировку в маршах и особой тактике горной войны. Одновременно они были полностью или частично пополнены недоставшим им специальным личным составом и имуществом: погонщиками мулов, вьючными животными, вьючными кухнями, вьючными водовозными бочками, арбами, вьючными кузницами и хлебопекарнями, легкими повозками, личным горным снаряжением и т. д. Несмотря на придачу по 1 000 мулов на дивизию, вьючных животных оказалось недостаточно, и большее число пулеметов пришлось везти на салазках.

Занятие крупными соединениями исходного положения началось 16 октября, хотя развертывание артиллерии и подвоз огнеприпасов еще не везде были закончены. Ввиду скудости путей сообщения занятие исходного положения натолкнулось на огромные трудности.

В основном имелись следующие пути сообщения:

— в районе Плеццо — шоссе через перевал Тарвис на высоте 1 000 *м* (на некотором протяжении параллельно шоссе проходит железная дорога в галлерее) и плохая дорога через перевал Майстрокка (высота 1 800 *м*);

— напротив горы Нэро — мощный фуникулер;

— в районе Тольмино — железная дорога Клагенфурт, Тольмино и два шоссе, ведущие из Бишофслака, одно — через Киршину, параллельно которому проложили полевую узкоколейку («дековильку»), другое — через Подбердо.

Существующие шоссе, плохо построенные, узкие, извилистые, с крутым профилем, были очень мало пригодны для усиленного движения: на одном из участков шоссе через Подбердо в грозовую ночь 50 грузовиков скатились в глубокие овраги с обрывистыми скатами.

Чтобы получить от дорожной сети максимум пропускной способности, пришлось составлять исключительно точные приказы на походное движение. Для простоты они передавались исполнителям не в виде текстов, а преимущественно в виде графиков.

Войсковые соединения выходили на фронт, распределившись на три эшелона: войска, боевой обоз, состоящий из легких повозок,

и тяжелый обоз; последний оставался далеко в тылу, так как в первый день наступления его не предполагалось передвигать.

Части двигались целиком по системе шлюзов[1], так как обгоны и скрещения были возможны только на специально устроенных площадках или уширенных участках дороги.

Продолжительность суточных переходов составляла от 13 до 19 часов. Некоторые части шли так по семь суток подряд с личным снаряжением, весившим 39 *кг*, под проливным дождем, по местности, совершенно лишенной источников снабжения, останавливаясь на ночь на биваках, превратившихся в моря грязи. При таких условиях занятие исходного положения совершалось с огромными затруднениями. Войска были совершенно измучены и падали духом. Правда, рассказывает генерал Краус, они сразу приободрились по прибытии на позицию при виде развернутого у них перед глазами огромного количества артиллерии.

* * *

Германское командование не пренебрегало никакими мерами, никакими мелочами, могущими обеспечить тайну подготовки. С этой целью оно прежде всего постаралось отвлечь внимание противника в сторону Трентино. Еще 13 сентября оно направило туда несколько соединений, в том числе германский «Альпийский корпус», которые и заняли там боевые участки. Оно развернуло там новые германские радиостанции, организовало большие инспекторские поездки как императора Карла, так и генерала Белова.

Позаботившись закрыть швейцарскую границу, оно выбрало район сосредоточения сил в 50—80 *км* от фронта на местности, где, благодаря глубине полосы гор и густоте туманов, воздушная разведка не могла дать никаких результатов.

Движение по дорогам было урегулировано строжайшим образом. После рассвета оно было категорически запрещено. Ночью в районе Плеццо, где главная дорога подходила на 1 000 *м* к позиции противника, были установлены особо строгие специальные правила движения.

Чтобы не вызвать подозрений у итальянцев или даже у возможных перебежчиков, германским офицерам, производившим разведки, и германским передовым командам выдали головные уборы, присвоенные войскам, занимавшим соответствующие участки фронта: босняцкие фески на участке Плеццо, австрийские шлемы — на остальных участках.

Для маскировки пристрелки артиллерии усиления (в то время научные методы подготовки стрельбы еще не пользовались общим распространением) в течение нескольких дней велась более активная стрельба по всему фронту от перевала Тарвис до Адриатического моря. Итальянская артиллерия была введена в заблуждение.

Наконец, чтобы добиться превосходства в воздухе, которое одно могло дать возможность быстро получить аэрофотоснимки всего

---

[1] При этой системе дорога разбивается на участки, по которым войска пропускаются поочередно, каждый раз только в одном направлении. — *Ред.*

расположения противника, на итальянский фронт были отправлены лучшие германские истребительные авиаотряды.

К 23 октября 1-я и 2-я армии Изонцо еще не получили полных запасов огнеприпасов. Но ввиду недавних случаев дезертирства к противнику отсрочка наступления могла сорвать эффект внезапности. И австро-германское командование решило не откладывать начала этой операции.

Исходная группировка

Каким же было в этот день исходное положение австро-германцев?

Главная роль была возложена на германскую 14-ю армию; группа армий Бороевича получила второстепенную задачу.

План сражения для 14-й армии можно вкратце формулировать следующим образом:

«Прорыв будет достигнут двумя атаками: одной от Плеццо, другой от Тольмино.

Атака от Плеццо должна одним броском привести на ту сторону дефиле у Саги.

Атака от Тольмино должна сразу же вывести на гребень хребта Матаюр, Еза, Глобочак, командующего над верховьями фриульских долин.

Эти две отдельные атаки можно будет связать продвижением по долине Тольмино, Капоретто».

Группа армий Бороевича получила задачу со своей стороны поддерживать 14-ю армию.

С этой целью 2-я армия Изонцо должна была сосредоточить на своем правом фланге четыре дивизии, готовые переправиться на западный берег Изонцо, поддерживая соприкосновение с 14-й армией, а затем наступать фронтом на юг в направлении на Кораду, в то время как остальные силы армии перейдут в наступление на плато Байнзицца.

1-я армия Изонцо должна была, сообразуясь с продвижением 2-й армии, атаковать итальянскую 3-ю армию, чтобы оставить итальянское главное командование в неизвестности относительно направления главного удара австрийцев.

Центр тяжести операции лежит в плане наступления 14-й армии, кратко сформулированном выше.

В соответствии с этим планом 14-я армия имела следующую группировку.

В боевой линии — с севера на юг, группы или корпуса Крауса, Штайна, Беррера, Скотти, всего одиннадцать дивизий.

В резерве — четыре дивизии.

Группа Крауса — три дивизии:

— между горой Ромбон и горой Нэро (иск.);

— на Ромбоне — четыре батальона (из десяти) австро-венгерской дивизии «Эдельвайс»;

— по обе стороны Изонцо — австро-венгерская 22-я дивизия (одиннадцать батальонов);

— на высотах к югу от Изонцо — австро-венгерская 55-я дивизия, за которой следовал отряд Паприца из состава находившейся в резерве егерской дивизии.

Всего: 34 батальона, 433 орудия, 107 минометов, 1 000 газометов.

Эта группа получила задачу достигнуть горы Стол, по ту сторону дефиле Сага, наступая одновременно по долине и по высотам, спускающимся от перевала За Краю и Капоретто.

Захватив Стол, она должна была продвигаться главными силами в направлении на Тарченто, Джемону. Кроме того, она должна была попытаться вызвать развал итальянского фронта в Карнийском районе. Для этого она должна была сперва выделить для связи с австрийской 10-й армией боковой отряд из Плеццо на перевал Невеа, немного дальше — более крупные отряды в направлении из Уччеа на Резуитту и Венцону.

Группа Штайна, четыре дивизии — от горы Нэро до высоты Санта-Мария.

В первой линии:

— австро-венгерская 50-я дивизия — к северу от Изонцо (двенадцать батальонов);

— 12-я дивизия — на обоих берегах реки (девять батальонов);

— «Альпийский корпус» — к югу от реки (десять батальонов [1]).

Во второй линии:

— 117-я дивизия (девять батальонов).

Всего: 40 батальонов, 529 орудий, 158 минометов.

Группа Штайна, самая сильная из всех, получила задание: захватить сперва линию гора Нэро, Еза (иск. Еза), почему ей и были отведены оба берега реки; затем — весь гребень Коловрата, к югу от Изонцо.

Было указано, что ось наступления группы Штайна сначала проходит по долине Изонцо до Капоретто, а затем сворачивает по долине Натизоне в направлении на высоты к северу от Чивидале (горы Иоанац и Маддалессена).

Наступление по долине, в направлении на Капоретто, было возложено на 12-ю дивизию.

Ввиду своей большой наступательной силы «Альпийский корпус» получил задачу овладеть центральной высотой массива Коловрата — горой Пиатто (1 114 *м*).

Корпус Беррера, две дивизии — на высоте Санта-Лючиа и скатах севернее ее.

В первой линии:

200-я дивизия (одиннадцать батальонов).

Во второй линии:

26-я дивизия (девять батальонов).

Всего: 20 батальонов, 276 орудий, 24 миномета.

---

1 Германские дивизии имели в большинстве случаев 9—11 батальонов и сильную артиллерию, а именно: полк полевой артиллерии, горно-артиллерийский дивизион, дивизион тяжелой артиллерии и минометную роту.

«Альпийский корпус» насчитывал 10 батальонов, из которых вюртембергский представлял собой небольшой полк, 3 саперные роты, 218 орудий, 80 минометов, 216 станковых пулеметов, 120 ручных пулеметов. Относительно состава австрийских и итальянских дивизий смотри вступительную главу.

200-я дивизия должна была овладеть горой Еза, а затем, зайдя правым флангом, наступать на гору Сан-Мартино так, чтобы обойти Коловрат с юга, содействуя тем самым продвижению группы Штайна.

26-я дивизия должна была в надлежащий момент развернуться слева от 200-й в направлении на высоты у Санта-Мария.

Дальнейший рубеж для группы Беррера — линия: гора Иове (к северу от Чивидале), Чивидале.

Группа Скотти, две дивизии — на южных скатах высоты Санта-Лючиа и южнее.

В первой линии:

1-я дивизия (одиннадцать батальонов).

Во второй линии:

5-я дивизия (девять батальонов).

Всего: 20 батальонов, 350 орудий, 12 минометов.

Перед группой Скотти стояла задача: овладеть последовательно горами Град, Глобочак, Кум и в то же время захватить на западном берегу Изонцо пространство, необходимое для развертывания правофланговой группы 2-й армии Изонцо.

Резервы.

Резервы генерала Белова были расположены следующим образом:

— в тылу группы Крауса — егерская дивизия;

— к востоку от Тольмино — австро-венгерская 33-я дивизия;

— далеко в тылу, к юго-востоку от Тольмино, — австро-венгерская 4-я и 13-я дивизии.

Эти три дивизии должны были своевременно выдвинуться на Капоретто, на поддержку группы Крауса или группы Штайна.

Что же касается артиллерии 14-й армии, то она отличалась особенностями, которые видны из нижеследующей таблицы распределения ее на 24 октября [1].

---

[1] По данным генерала Боллати, который приводит следующие цифры:

Операций	Протяжение фронта	Число орудий	Плотность
3-е и 4-е сражения на Изонцо в октябре 1915 г.	40 км	1 250	1 на 33 м
Сражение в Шампани в сентябре 1915 г.	35 »	1 900	1 на 17 м
Горлица, май 1915 г.	32 »	460	1 на 70, а на решающих участках — 1 на 25 м
Трентино, май 1915 г.	На участке в 10 км	256	1 на 37 м
Сомма, июль 1916 г.	28 км	1 900 арт. орудий и 1 200 бомбометов	1 на 14 м или 1 на 8 м, считая бомбометы
Шампань, апрель 1917 г.	40 »	4 470	1 на 9 м или 1 на 7 м, считая бомбометы
Мальмезон, октябрь 1917 г.	10 »	1 610	1 на 6 м, не считая бомбометов
Пиаве, октябрь 1918 г.	50 »	4 000	1 на 12 м и 1 на 10 м, считая бомбометы
К этому списку, составленному генералом Боллати, можно добавить:			
Сомма (германское наступление в марте 1918 г.)	64 »	5 800	1 на 10 м

Армии	Корпуса	Протяжение фронта по прямой в км	Число		Плотность	
			орудий	минометов	1 орудие приходилось на	
					не считая минометов	считая минометы
14-я армия	Крауса	16	433	107	37 м	30 м
	Штайна	13	539	158	25 »	19 »
	Беррера	1,2	287	24	4,4 м	4 »
	Скотти	1,8	362	12	5,3 »	5 »
	Итого	32	1 621	301	19	16
1-я и 2-я армии Изонцо		41	1 701	352	24	20
Всего на фронте группы армий эрцгерцога Евгения		73	3 322	653	22	18

Группа Крауса имела относительно меньше артиллерии, так как этой группе приходилось действовать на высокогорной местности. Зато она располагала 1 000 газометов.

Наоборот, в группах Скотти, Беррера и на левом фланге группы Штайна количество артиллерии было очень большим, а плотность ее, повидимому, была чуть ли не самой высокой из наблюдавшихся за всю войну 1914—1918 гг.

В общем 14-й армии была придана очень мощная артиллерия. Не менее внушительным был и боевой комплект: 1 500 выстрелов на легкое орудие, 800 — на тяжелое орудие, т. е. около 70 снарядов на каждый погонный метр фронта.

Артиллерийская подготовка должна была быть сравнительно короткой, чтобы поразить внезапностью противника, привыкшего к совершенно иным приемам подготовки. Распределение отневых задач было разработано до мельчайших подробностей. Например, было указано, что данный глубичный взвод должен был обстреливать такое-то итальянское орудие, расположенное в пещере.

Эффект внезапности в значительной степени усугублялся также применением отравляющих веществ, которыми до тех пор очень мало пользовались на австрийском фронте, и минометов, с которыми итальянцы не были знакомы.

Артиллерийская подготовка распадалась на два периода: первый период, с 2.00 до 6.00 (для группы Крауса было установлено

несколько иное расписание),— стрельба химическими снарядами на подавление по батареям, командным пунктам и тылам; с 6.00 до 6.30 — перерыв; второй период, с 6.30 до 9.00,— возобновление интенсивной стрельбы, в том числе и из минометов.

* * *

Разобрав таким образом расположение и планы обеих сторон накануне сражения, рассмотрим численное соотношение сил противников.

Если взять весь фронт от горы Ромбон до моря и противопоставить массе германской 14-й армии и австрийских 1-й и 2-й армий Изонцо массу из итальянских 2-й и 3-й армий с их резервами, то мы найдем значительное численное превосходство на стороне итальянцев. Условия оперативной внезапности сделали это превосходство недействительным.

Но если учитывать силы, которые могли принять участие в сражении на фронте наступления Тольмино, Плеццо, мы получим примерно следующие цифры:

Фронт	Части в боевой линии	Части в резерве	Всего батальонов
Австро-германский	115 батальонов, поддержанных 1 621 орудием и 301 минометом	На расстоянии более одного суточного перехода — 37 батальонов	115 + 37
Итальянский	112 батальонов, могущих быть поддержанными 1 150 орудиями	В ближайшем тылу — 30 батальонов	142

Эти цифры наглядно показывают перевес в числе батальонов германской атакующей первой линии над итальянской первой линией и объясняют, почему последняя могла быть так легко захвачена.

Выводы в этом отношении были бы еще более разительными, если бы вместо соотношения между числом батальонов эта табличка позволяла сравнивать численность личного состава, находившегося в боевой линии, так как австро-германские батальоны имели штатный состав, а состав итальянских очень сократился.

Впрочем, настоящее превосходство австро-германцев заключалось не только в небольшом численном перевесе в решающем

пункте и в решающий момент. Оно заключалось главным образом в лучшей организации войсковых единиц, в технических навыках войск, в профессиональных качествах строевого командного состава и, наконец, в превосходстве высшего командования.

С одной стороны, мы имеем в первой линии четыре итальянские дивизии, слишком широко растянувшиеся по фронту, а в тылу три дивизии усиления, состоявшие из случайно собранных частей или из бригад без артиллерии, раздробленных и развернутых на последовательных рубежах без взаимной поддержки.

С другой стороны, мы видим четыре корпуса, начавшие наступление одиннадцатью отборными дивизиями, из которых восемь наступали в первом эшелоне, и благодаря неожиданности, мощи и удачному выбору направления наступления осуществившие подлинную тактическую внезапность.

Поражение итальянцев

(Сражение 24, 25, 26 октября)

Австро-германское командование намечало одним натиском прорвать итальянскую оборонительную полосу на левом фланге 2-й армии и этим первым решительным ударом сразу же создать самые благоприятные условия для развития операции. Чтобы нанести этот мощный удар, надо было обеспечить максимальную энергию и стремительность первой атаки и, прежде чем успеют вступить в дело резервы противника, использовать повсюду и до конца смятение, вызванное внезапностью нападения.

Для этого было приказано «всем частям продвигаться вперед, не считаясь с уставными порядками и не заботясь о связи. Они должны будут, не задумываясь, выходить за границы своих нормальных полос наступления каждый раз, как такой маневр сможет облегчить их продвижение. Никому не разрешается прекращать движение вперед под предлогом замедления движения или остановки соседней части».

И, буквально выполняя это распоряжение, австро-германские части продвигались во время наступления, словно они участвовали в «состязании на скорость».

«Прорываться вперед и преследовать» — таково было основное требование. Артиллерия также должна была вдохновляться им. Вот почему немедленно после окончания подготовки она была подчинена командирам дивизий, за исключением артиллерии настильного действия, остававшейся в подчинении начальнику тяжелой артиллерии армии.

Командование предвидело, что связь артиллерии с наступающей пехотой окажется очень ненадежной из-за трудности и медленности устройства телефонной связи в горной местности. Было решено, что с самого начала движения пехоты в атаку связь будет (за неимением лучшего) обеспечиваться светосигнальными средствами. Фактически же затруднения, связанные с поддержанием связи и передвижением артиллерии, далеко превзошли все ожидания.

Чтобы ускорить темп развития боевого действия, были созваны старшие пехотные и артиллерийские начальники, которым и объяснили на местности, с наблюдательных пунктов, весь намечен-

ный маневр от начала движения в атаку до выхода из гор по ту сторону гребней.

Общей для всех частей была задача: атаковать противника на всем фронте, нанося главные удары по долинам, где можно было рассчитывать на более быстрое продвижение. Категорически при этом было приказано продолжать движение безостановочно день и ночь.

Таким образом вся армия, от командиров до рядовых бойцов, была воодушевлена отвагой. «В этом и заключается секрет чудесной быстроты нашего успеха», — пишет генерал Краус.

И действительно, прорыв итальянского фронта был полностью осуществлен за три дня борьбы.

Основные события этих трех суток представляются в следующем виде. 24 октября австро-германцы, используя эффект внезапности, продвинулись вверх по Изонцо через Капоретто до входа в долину Натизоне, обойдя 4-й корпус, фронт которого они также прорвали на направлении Плеццо, Сага. В нескольких пунктах они достигли гребня Коловрат, Глобочак.

С итальянской стороны в этот день была почти совершенно уничтожена 19-я дивизия 27-го корпуса. 4-й корпус отхлынул к западу. Расположенный между ними 7-й корпус, не имевший опоры в 4-м корпусе, держал себя слишком инертно. Ввязавшись в бой, в котором также сыграла роль внезапность, он дал сковать себя головам колонн противника на важном участке Коловрата.

Меры, принятые итальянцами 25 октября для подкрепления фронта, были в большинстве случаев упреждены развитием событий. Австро-германцы опрокинули войска, преграждавшие на горе Стол западный выход из дефиле Сага, и захватили гребень Коловрат, Глобочак.

На левом фланге итальянской 2-й армии образовался широкий р а з р ы в.

26 октября австро-германцы прорвали последнее заграждение в горах перед выходом на равнину.

Оставался единственный выход из положения: поспешный отход (при самых неблагоприятных тактических и моральных условиях) всех итальянских сил за Тальяменто.

Чтобы лучше понять создавшееся положение, следует подробнее остановиться на разборе операций, в результате которых был прорван фронт итальянцев в долине Изонцо и взята гора Еза.

24 октября началось наступление от Ромбона до моря, решительное — на фронте 14-й армии, просто демонстративное — на фронте 1-й и 2-й армий Изонцо. Погода была исключительно плохая. В горах была метель; на склонах гор — ледяные ливни; на дне долин — густой туман. На высотах из тумана кое-где выглядывали вершины. Утром видимость равнялась почти нулю, и даже прожекторы были недействительны. Поэтому с итальянской стороны считали наступление невозможным в этот день и ослабили бдительность.

Результаты артиллерийской подготовки были довольно различны на разных участках. Итальянские передовые позиции про-

тив Тольмино были совершенно разрушены, окопы сравнены с землей, в проволочных заграждениях пробиты широкие проходы, огневые точки подавлены или уничтожены; для пехотной атаки была открыта широкая дорога. В котловине Плеццо химическое нападение имело молниеносный эффект: только в одном из оврагов, к юго-западу от местечка Плеццо, насчитали 500—600 трупов без противогазов.

Наоборот, в высокогорных районах, в частности против второй линии, стрельба была, вследствие ли недостаточной пристрелки или ввиду краткости артиллерийской подготовки, гораздо менее действительной (но для австро-германцев было существенно важно сделать ее как можно короче, чтобы использовать эффект внезапности). Убежища в скалистом грунте остались, конечно, неповрежденными; остались неповрежденными и многие проволочные заграждения. Однако, благодаря применению химических снарядов, германской артиллерии удалось изолировать большую часть командных пунктов и подавить батареи противника.

Этим, а также недостатками доктрины и приемов стрельбы итальянской артиллерии в значительной мере и объясняется слабость ее действий в этот день.

В 8 часов при грохоте, который, по словам очевидцев-немцев, превышал вследствие горного эхо раскаты самых сильных бомбардировок на северо-восточном фронте, пехота перешла в наступление, чтобы атаковать окопы противника, как только артиллерия перенесет огонь вперед.

Итальянская артиллерия упустила благоприятный момент для открытия заградительного огня. Вследствие плохой видимости она не смогла также действовать сколько-нибудь успешно во время дальнейшего продвижения противника.

Этот случай доказывает, что, когда дело идет о тщательно подготовленной операции, порученной решительным войскам, туман, как и темнота, может в некоторых случаях принести атакующему больше преимуществ, чем неудобств.

«Стесняя наблюдение и мешая своевременной стрельбе итальянских орудий, укрытых в пещерах, — пишет австрийский генерал Ридль,— природа сама пришла на помощь в нашем рискованном предприятии».

* * *

Боевое расписание противников и задачи крупных войсковых соединений обеих сторон были уже указаны. Рассмотрим вкратце, как развивались важнейшие события, уделяя наибольшее внимание тем эпизодам, которые представляют особый интерес с точки зрения войны в горах (схемы 6 и 9 и панорама).

Начнем с атаки группы Крауса и его продвижения от Плеццо до Саги.

На крайнем правом фланге четыре батальона дивизии «Эдельвайс» атаковали на горе Ромбон левый фланг итальянской 50-й дивизии. Они сразу же попали в сильную метель и были задержаны огнем противника. За весь день им не удалось продвинуться

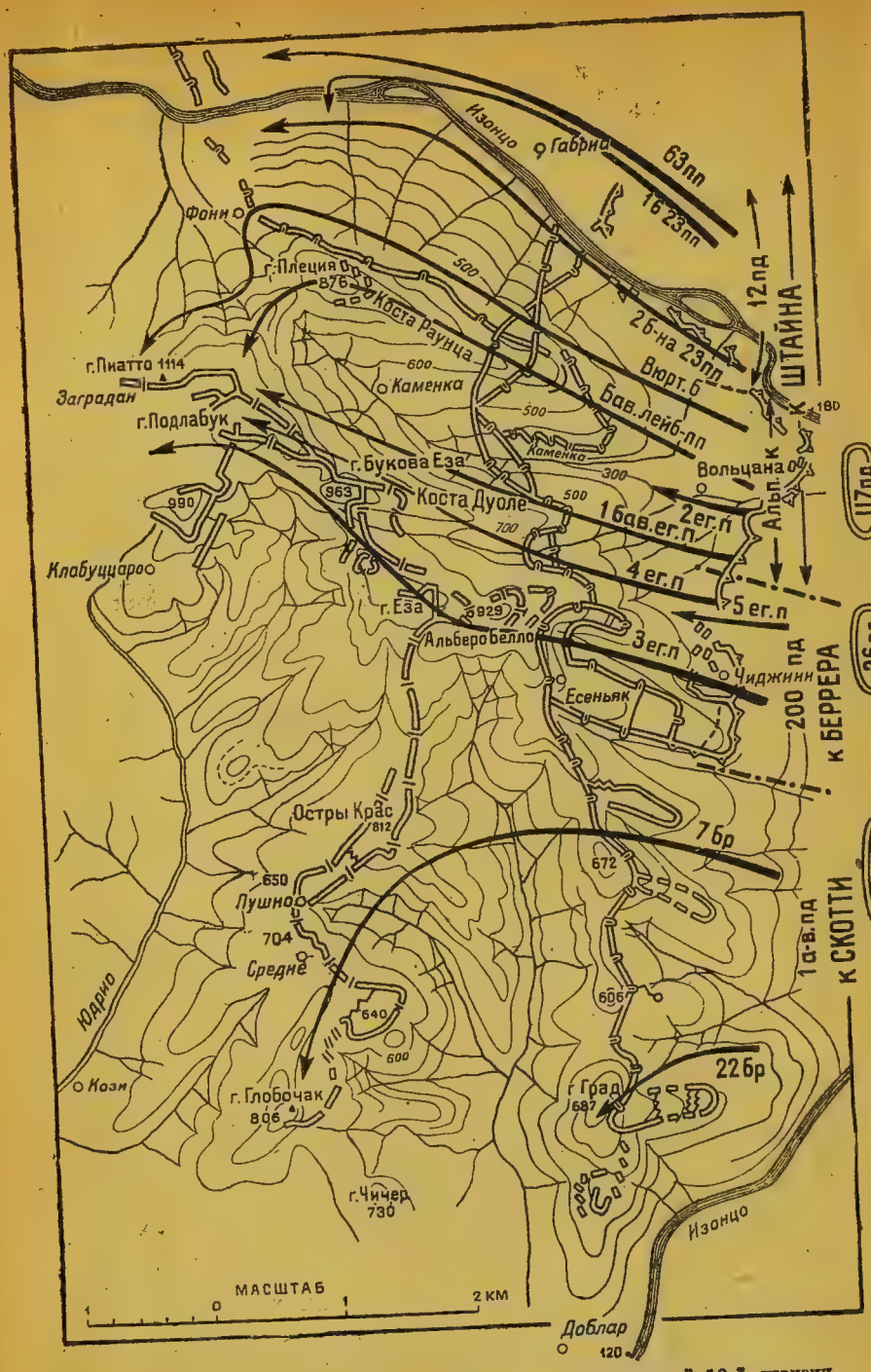


Схема 9. Район горы Еза и атаки на фронте итальянской 19-й дивизии.

вперед, как и левофланговым частям австрийской 10-й армии, действовавшим совместно с ними.

В долине австро-венгерская 22-я дивизия, имевшая одиннадцать батальонов на фронте в 3,5 *км*, атаковала итальянские войска по обоим берегам Верхнего Изонцо. Стрельба на разрушение открыла проходы в проволочных заграждениях глубиной в 30 *м*. К западу от Плеццо волны отравляющего вещества уничтожили сопротивление части итальянской 50-й дивизии. Австро-венгерская 22-я дивизия продвинулась по северному берегу, обходя очаги сопротивления, сохранившиеся по краям района, пораженного отравляющим веществом. В 13 часов, миновав первую линию противника, она продолжала продвигаться вперед, несколько задерживаемая больше своей собственной артиллерией, чем огнем итальянских орудий и пулеметов, стрельбе которых мешал туман. В 17 часов она находилась уже перед так называемой позицией главного сопротивления, которая, впрочем, как уже указывалось, была занята более слабыми силами, чем передовая позиция, и на которой бойцы, уцелевшие от утреннего химического нападения, уже успели посеять панику рассказами о пережитых ими ужасах. В 21 час австрийский авангард, которому, вследствие разрушения моста, пришлось поодиночке переправляться через встретившуюся на пути горную реку по пешеходному мостику, подошел к Саге. Он не смог продвинуться дальше из-за огня своей собственной артиллерии, с которой в течение всей ночи не удалось установить связь.

На восточном берегу Изонцо левофланговым частям 22-й дивизии, а также и 55-й дивизии не удалось за день продвинуться вперед отчасти из-за сильной метели, отчасти из-за недостаточной артиллерийской подготовки. Следовательно, итальянская 43-я дивизия, атакованная австро-венгерской 55-й дивизией, почти полностью удержала свои позиции на Верзике и горе Нэро. (Однако ночью 43-я дивизия получила приказ отойти на правый берег Изонцо ввиду событий, разыгравшихся после полудня в районе Капоретто. Приказ этот был передан только одной из двух бригад дивизии, вследствие чего на следующий день большая часть другой бригады была захвачена в плен.)

В общем на этом участке фронта австрийцы взяли за 24 октября 3 000 пленных и 88 орудий; но поражение итальянцев отнюдь не носило катастрофического характера, так как ни гора Ромбон, ни гора Нэро не были захвачены, и австрийцы не форсировали дефиле за Сагой.

К несчастью, узнав к концу дня, что противник достиг Капоретто, командир итальянской 50-й дивизии усмотрел в этом угрозу своему тылу. Поэтому он решил немедленно очистить Сагу и дно долины, чтобы отойти на высоты горы Стол, расположенной западнее. Он надеялся, что на другой день туда подойдут к нему части 43-й дивизии, которым удастся переправиться через Изонцо в Тернове.

Это, само по себе разумное, решение было преждевременным в данной обстановке, когда необходимо было отступать шаг за

шагом, чтобы выиграть время. Вместо того чтобы организовать последовательно две атаки: одну — перед тесниной у Саги, другую — на высоты Стола, противнику пришлось форсировать преграду только на горе Стол. Вследствие этого же отхода австро-германские группы Штайна и Крауса смогли уже 25-го наладить связь между собой по дну долины.

Но в полосе наступления группы Штайна произошли еще более серьезные события. В течение дня эта группа далеко продвинулась вперед по долине Изонцо и в то же время вклинилась на узком участке в расположение противника на Коловрате, создав этим сильную угрозу для него.

К северу от Изонцо австро-венгерская 50-я дивизия перешла в наступление несколько раньше часа «Ч», взорвав несколько мощных минных горнов и тем перерезав надвое линию обороны итальянской 46-й дивизии. Свой главный удар 50-я дивизия наносила по обратным скатам между горами Шлеме и Мрзли Врх в общем направлении на Плеку и этим облегчала соседней слева 12-й дивизии наступление по долине. На высотах итальянская 46-я дивизия удержала почти все свои позиции, но южнее сопротивление, последовательно оказанное ею в описанных выше несвязных отрезках окопов, было преодолено 50-й дивизией, которая со своей стороны использовала продвижение 12-й дивизии. К 13 часам участок Плека, Селище был глубоко охвачен с юга. К 15 час. 30 мин. передовые части австро-венгерской 50-й дивизии подошли к Капоретто.

Слева от нее 12-я силезская дивизия (ген. Леки) должна была наступать по долине, чтобы обойти итальянский 4-й корпус и возможно глубже вклиниться в расположение противника. Эта дивизия была прикрыта справа 50-й дивизией, слева — «Альпийским корпусом». Она перешла в наступление несколько позднее, чем эти два соединения, и наступала двумя группами: четырьмя батальонами — по северному берегу Изонцо и пятью батальонами — по южному [1].

Войска, атаковавшие по северному берегу, бегом прошли 300 *м*, отделявшие исходный рубеж от расположения противника, опрокинули две итальянские роты, державшие шоссе и подступы к реке, и взяли в плен командира полка на его командном пункте — в 500 *м* дальше в тыл. Затем они без всякой помехи со стороны фланкирующих орудий и пулеметов на Коста Раунца, которые были подавлены артиллерией, расположенной напротив, на горе Водиль (высота 1 400 *м*), потеснили один за другим три итальянских батальона, эшелонированных в долине. К 15 часам вся позиция сопротивления между Плекой и Селище была уже захвачена.

Одновременно и еще быстрее развивалось наступление на южном берегу Изонцо. Здесь, вследствие уже описанного выше необы-

[1] На северном берегу — 63-й пехотный полк и один батальон 23-го полка, которому нехватало места на южном берегу ввиду слишком большого скопления войск и который затем присоединился к своему полку, перейдя реку по мостику немного выше Габрии; на южном берегу — два батальона 23-го пехотного полка и во втором эшелоне — 62-й пехотный полк.

чайного стечения обстоятельств, атакующие войска не встретили никакого сопротивления вплоть до Фони. На линии этой деревни позиция главного сопротивления была занята только одной ротой с двумя пулеметами единственного батальона бригады «Наполи», выделенного на гору Плеция. Эта завеса была немедленно прорвана.

На минуту задержанные огнем своей собственной артиллерии, атакующие войска снова двинулись вперед. Итальянские наблюдатели, расположенные на вышележащих высотах, дважды (на мгновение) видели через «окна» в облаках некоторые из атакующих подразделений. Но они были так далеки от мысли о возможности такого глубокого прорыва, что приняли эти войска за итальянские части, возвращающиеся после смены, или за австрийских пленных. Облака тотчас же смыкались, и больше никто не задумывался над тем, что может происходить в долине.

Тем временем 12-я дивизия продвигалась вперед. У подножия Коловрата она захватила врасплох группу тяжелой артиллерии, которая не открыла огня, приняв противника за своих. Орудийные номера были застрелены у своих орудий. В 13 часов дивизия была уже перед Идерско. Там при сходе с моста она опрокинула две роты, спешно присланные с северного берега, чтобы преградить ей дорогу.

Из предосторожности она выделила небольшой отряд на левый фланг в сторону Люико для предупреждения контратаки противника. Это была очень удачная мера, так как боевой отряд, действительно, вскоре наткнулся вблизи Люико на несколько подразделений 3-й дивизии итальянского 7-го корпуса, только что высадившихся с грузовиков. Благодаря своей дерзости и лихости германскому отряду удалось привести в смущение эти явно превосходные силы противника, и ожидаемая контратака не последовала.

Итак, главные силы 12-й дивизии продолжали движение на Капоретто и к 15 часам, после короткого боя на окраине, без труда овладели этим населенным пунктом, в котором не оказалось ни одной организованной итальянской части, способной оказать сопротивление.

Что же делали в это время резервы итальянского 4-го корпуса?

Мы помним, что 34-я дивизия, присланная для подкрепления 4-го корпуса, была немедленно раздроблена соответственно естественным отсекам местности и ее части распределены в качестве резервов между дивизиями 4-го корпуса. К полудню дивизии уже израсходовали эти резервы. Таким образом, в Капоретто оставались в корпусном резерве только бригада «Фоджа» (из двух полков) и эскадрон кавалерии. Когда около 11 часов узнали, что противник вклинился в позицию сопротивления у Селище, командир 4-го корпуса послал один из этих двух полков на высоту Вольник с задачей занять участок линии армейских резервов, прикрывавший Капоретто фронтом на восток и юго-восток.

Другой полк бригады «Фоджа» уже находился утром в пути на Сагу. Он был внезапно отозван обратно, для того чтобы контратаковать по левому берегу наступающую 12-ю дивизию противника. Но тыловые учреждения 4-го корпуса уже отступали со всех сторон, загромождая дороги на подступах к Капоретто и мешая развертыванию полка в боевой порядок. Намеченная контратака, плохо организованная, слишком поспешная и к тому же предпринятая без всякой артиллерийской поддержки, не произвела никакого действия.

Командир 4-го корпуса приказал также своей 43-й дивизии контратаковать противника в направлении с севера на юг. Но так как телефонная связь была прервана, командир 43-й дивизии счел своим долгом лично отправиться в Капоретто и получить от командира корпуса объяснения по поводу приказа, который казался ему трудно выполнимым, поскольку сама 43-я дивизия была втянута в бой фронтом на север. По пути в Капоретто он попал в плен.

Между тем германская 12-я дивизия продолжала смело продвигаться вперед к западу от Капоретто. Около 17 часов она натолкнулась несколько восточнее Кредьі на некоторое сопротивление, организованное генералом Монтуори, который был только что назначен командующим левофланговой группой 2-й армии в составе 4-го и 7-го корпусов. Монтуори попытался преградить путь противнику остатками одного из полков бригады «Фоджа» и головными подразделениями бригады «Потэнца» (состоявшей из 3 полков), которая, правда, была придана 34-й дивизии, но опоздала на 24 часа по сравнению с прочими частями этой дивизии.

Бригада «Потэнца», поспешно направленная на место прорыва, прошла кратчайшим путем по вьючной тропе, ведущей из Фаэдиса (к северу от Чивидале). Ее повозки следовали гораздо севернее по плохой дороге Тарченто, Бергонья и еще не прибыли. У бригады, следовательно, не было ни артиллерии, ни пулеметов, ни огнеприпасов, если не считать принесенного с собой запаса патронов. Кроме того, она была очень ослаблена эпидемией дизентерии, и ее батальоны насчитывали только по 350 штыков.

Сопротивление, организованное генералом Монтуори, было вскоре сломлено. К наступлению темноты германский авангард подошел к дефиле Робик и захватил его после штыкового боя.

Таким образом, за этот день 12-я силезская дивизия, продвигаясь все время с боем и не слишком заботясь о собственной безопасности, прошла 27 *км*, что привело ее в самое сердце расположения противника. Весь итальянский 4-й корпус от Тольмино до Плеццо оказался обойденным, и одновременно оборона горы Стол оказалась под угрозой с тыла. А итальянские резервы, прибывавшие через долину Натизоне, были задержаны на линии Робикского дефиле.

Наступлению 12-й силезской дивизии способствовали исключительно благоприятные атмосферные условия. Но главное здесь заключается в том, что она воспользовалась совершенно невероят-

ным нагромождением тактических ошибок и промахов противника, приведших к тому, что дорога на Капоретто оказалась без защитников, 4-й корпус — без резервов, а командир 7-го корпуса не смог предпринять контратаку через Люико, которая могла бы спасти положение.

Но какую бы роль ни играли случайности, действия 12-й дивизии, единственные в своем роде в истории позиционной войны, остаются образцом дерзости и решимости, а также одним из самых замечательных примеров действительности маневра в горной местности.

* * *

Левее 12-й дивизии наступал германский «Альпийский корпус» (схема 9), получивший задачу захватить весь гребень к северу от горы Еза. Ему, правда, не удалось захватить все намеченные объекты, так как атаки некоторых его частей были довольно скоро задержаны. Но он тоже добился крупного успеха: ему удалось дерзким обходным движением утвердиться на Коловрате, на линии горы Пиатто.

Итак, 23 октября вечером «Альпийский корпус» занял исходное положение в северной части австрийского тет-де-пона на западном берегу Изонцо:

— в первой линии справа — баварский лейб-пехотный полк; слева — 1-й баварский егерский полк;

— во второй линии справа — вюртембергский горный батальон в составе девяти рот; слева — 2-й баварский егерский полк.

Лейб-пехотный полк наступал через Коста Раунца; 1-й баварский егерский — через Коста Дуоле; вюртембергский батальон должен был следовать по подошве северного ската Коста Раунца; 2-й егерский полк — по лощине Каменки.

На Коста Раунца итальянская бригада «Таро» имела в первой линии только два батальона, т. е. по одной винтовке на каждые 9 *пог. м* фронта. Наступающий обошел ее северный фланг и вышел в тыл обороняющимся, не понеся потерь. Артиллерия, расположенная на Коста Раунца, была захвачена врасплох. Многие командные пункты были взяты. У горы Плеция лейб-пехотный полк наткнулся на батальон бригады «Наполи» и к полудню овладел горой. Но укрепленное селение Фони вюртембергскому батальону только вечером удалось окончательно очистить от противника.

Когда база обороны на горе Плеции была захвачена, один из батальонов лейб-пехотного полка двинулся в сторону фланга, на хребет Букову Езу, от которого отходит Коста Дуоле. Другой же его батальон, укрытый рельефом от наблюдения с гребня, при поддержке мощной артиллерии начал взбираться на Коловрат по северному скату.

Рискованный подъем со скалы на скалу требовал сверхчеловеческих усилий. Бойцы падали, выбившись из сил. Однако группе стрелков и пулеметчиков удалось, наконец, взобраться на гребень. К наступлению темноты они подошли к укреплению, венчавшему

гору Пиатто, высланными дозорами искусно отвлекши внимание противника в ложных направлениях, захватили врасплох его гарнизон и взяли 300 пленных. Этим смелым ударом они овладели главным оплотом всей позиции на Коловрате.

Эта передовая группа «Альпийского корпуса» оказалась в довольно рискованном положении. Но дерзость атакующих парализовала обороняющихся. За всю ночь итальянцы не сделали ни малейшей попытки выбить их. Немцы же воспользовались темнотой, чтобы подбросить подкрепления.

Напротив, левофланговые части «Альпийского корпуса» застряли в довольно трудном положении на скатах Коста Дуоле. Гребень этой горы был захвачен ими только 25-го утром, после новой артиллерийской подготовки.

Корпус Беррера должен был захватить гору Еза, корпус Скотти — гору Глобочак. На этом участке фронта австро-германцы имели явное численное превосходство над обороняющимися и рассполагали очень большим числом пулеметов, как и полагается в полосе наступления, разбитой на бесчисленные небольшие естественные отсеки.

Корпус Беррера имел в первой линии 200-ю дивизию и во второй линии — 26-ю дивизию. Правофланговый полк 200-й дивизии (4-й егерский), как и левофланговые части «Альпийского корпуса», был задержан в своем продвижении на довольно продолжительное время. Но левофланговый полк (3-й егерский), маневрируя с большим искусством, продвинулся через разрывы в линии сопротивления и, после некоторой задержки огнем артиллерии своего же корпуса, подошел вплотную к укреплению на горе Еза.

Таким образом, итальянская 19-я дивизия была охвачена противником со всех сторон. В то же время прошел слух, что противнику расставлена ловушка[1] и что, после того как 19-я дивизия принесена в жертву в фронтальном бою мощной контратакой бригады «Наполи», преднамеренно удержанной в резерве, войска наступающих будут сброшены к подножью скатов. Но никакого контрудара не последовало. А командиру 19-й дивизии, повидимому, так и не удалось за целый день связаться со своим корпусным командиром. Теснимый по всему фронту в западном направлении, он вечером попытался удержаться на «линии армейских резервов». Для этого он приказал резервному полку бригады «Наполи» развернуться между перевалом Заградан и высотой Букова Еза. Но этот полк (75-й), упрежденный в нескольких местах частями «Альпийского корпуса», не смог выполнить полученную им задачу. К концу дня «линия армейских резервов» от перевала Заградан до Глобочака была занята частями 7-го корпуса и бригады «Пулье» — резерва 27-го корпуса.

При наступлении темноты германская 200-я дивизия, после мощной артиллерийской подготовки, уже штурмовала гору Еза и захватила ее. С горой Еза в руки немцев перешел ключ всей итальянской оборонительной системы. На следующее утро, когда

---

[1] Генерал Капелло, В интересах истины.

погода прояснилась, атакующие сами были изумлены, увидя, какую грозную позицию они захватили. «Возможно, что только туман, — пишет генерал Крафт, — помешал итальянцам оказать 24 октября действительное сопротивление».

Вечером остатки 19-й дивизии[1] в беспорядке отхлынули на Клабуццаро, где они были подчинены 7-му корпусу.

* * *

Слева от корпуса Беррера наступал корпус Скотти. Его дивизия первой линии (1-я австро-венгерская) имела задачу овладеть сперва хребтом горы Град, чтобы обеспечить переправу 57-й дивизии 2-й армии Изонцо на западный берег Изонцо, а затем атаковать Глобочак. В этот второй период наступления ее должна была поддерживать 5-я дивизия, которая до тех пор оставалась во второй линии. Затем этой дивизии поручалось охватить Глобочак справа и наступать на гору Кум.

Борьба корпуса Скотти приняла особенно ожесточенный характер, так как на этом участке фронта подготовка оказалась менее действительной из-за отсутствия минометов. В то время как остальные австро-германские соединения пострадали очень незначительно, австро-венгерская 1-я дивизия понесла большие потери. Но так как итальянская 10-я альпийская группа занимала позицию слишком незначительными силами, и между отдельными частями оставались незанятые промежутки в несколько сот метров каждый, к 15 часам 1-я австрийская дивизия уже вышла на гребень горы Град, а вечером подошла вплотную к Глобочаку, который был очищен от неприятеля частной контратакой. С этой стороны итальянская «линия армейских резервов», занятая бригадой «Пулье», осталась почти неприкосновенной.

Наконец, на восточном берегу Изонцо 2-я армия Изонцо также двинулась вперед. Ее атаки против трех дивизий итальянского 27-го корпуса и против 24-го корпуса были довольно легко задержаны. 24-й корпус даже предпринял несколько энергичных контратак и полностью восстановил свое положение на передовой линии плато Байнзицца. Однако к ночи командующий итальянской 2-й армией приказал отойти отсюда на линию главного сопротивления. Отход был произведен без помехи. Три дивизии 27-го корпуса, изолированные и выдвинутые вперед на восточном берегу, не получили приказов и, по инициативе командира 24-го корпуса генерала Кавилья, очень удачно были тоже отведены на одну линию с 24-м корпусом.

Итак, 4-й корпус был обойден, а 19-я дивизия 27-го корпуса раздавлена. В чем же выразилось воздействие на ход сражения 7-го корпуса, расположенного в армейском резерве между 4-м и 27-м корпусами?

24-го утром только несколько передовых частей 7-го корпуса находились для наблюдения на линии армейских резервов. Глав-

[1] 25-го и 26-го утром эти остатки еще оказали очень упорное сопротивление противнику к западу от р. Юдрис.

ные силы соединений были далеко в тылу, и никто не ожидал скорого столкновения. Еще не были даже протянуты линии связи между всеми штабами бригад и дивизий. Только около полудня командир 7-го корпуса узнал от командующего армией, что противник занял Селище в долине Изонцо. Тогда он отдал своим дивизиям приказ о занятии указанных им оборонительных позиций.

Бригада «Салерно» 62-й дивизии начала занимать Матаюр. Ее последние подразделения поднялись на эту гору только 25-го утром, совершенно выбившись из сил. Принимая во внимание, с одной стороны, полученную задачу, с другой — труднопроходимую местность и разность уровней (Матаюр — 1 645 *м*, а Робик — 280 *м* над уровнем моря), не приходится удивляться тому, что эта бригада не смогла контратаковать противника ни 24-го вечером, ни 25-го утром.

Другая бригада — 4-я бригада берсальеров — была направлена на Люико и несколько восточнее — на гору Кук. Ее головные подразделения, высадившиеся с грузовиков, были введены в заблуждение боковым отрядом 12-й силезской дивизии. В ночной схватке с нею бригада даже потеряла подступы к Люико и только утром отбила их у противника.

Две бригады 3-й дивизии были развернуты после полудня на «линии армейских резервов», бригада «Арно» — от горы Кук до перевала Заградан, бригада «Эльба» — между перевалом Заградан и Пушно, каждая на фронте примерно в 4 *км*.

Бригада «Фиренце», оставшаяся в армейском резерве, также получила после полудня приказ подняться к перевалу Заградан, куда она и прибыла ночью в составе четырех батальонов.

И при таких условиях целая дивизия противника — 12-я силезская — смогла в течение дня промаршировать вдоль подножия Коловрата, не будучи ни в малейшей степени потревожена, между тем как генерал Капелло возлагал столько надежд на возможности контрнаступления 7-го корпуса!

Когда командиру 7-го корпуса пришлось отчитываться в своих действиях, он подчеркнул, что гребень Коловрат отделен от Изонцо, протекающего на 1 000 *м* ниже, местностью альпийского характера, обрывистой и поросшей лесом (схема 7), так что даже в хорошую погоду с гребня не видно происходящего в долине; что во время прохождения 12-й дивизии противника 7-й корпус не был еще на своем месте; что, кроме того, весь район от Коловрата до Изонцо входил в полосу 4-го корпуса; наконец, что позицию, указанную 7-му корпусу, необходимо было держать очень прочно и что поэтому ни в коем случае нельзя было оставлять ее, за исключением случаев частных контратак.

Однако и проведение последних оказалось действительно очень трудным как вследствие недостатка средств связи и слишком пересеченной местности, так и ввиду того, что они наталкивались на движущуюся массу стремившихся вперед атакующих войск. К тому же вступление итальянских бригад в бой совершенно не было подготовлено; они вступали в сражение одна за другой, не

имея никакой связи между собой. Случалось даже, что они перемешивались, как, например, бригада «Пулье» 27-го корпуса и бригада «Эльба» 7-го корпуса.

Общий контрудар, предпринятый 25-го утром, быть может имел бы успех. Но кто должен был организовать его? Командир ли 27-го корпуса, у которого почти не оставалось свежих войск, или командир 7-го корпуса, растянувшегося по фронту в 20 *км*?

Фактически получилось, что 7-й корпус оказался в течение целого дня обреченным на ведение линейных боев и на пассивный образ действий: ни 24-го, ни 25-го октября он не принял активного и действенного участия в боях и не смог выполнить свою важную роль армейского резерва.

Выясняя причины этого рокового бездействия, итальянская следственная комиссия, приняв во внимание вышеприведенные объяснения командира 7-го корпуса, пришла к заключению, что важнейшей из этих причин была «непредусмотренная и не поддававшаяся предвидению быстрота развития событий». Но нам кажется, что первоначальная ошибка, повлекшая за собой столько бед, лежит в иной плоскости: она заключается в том, что в районе Коловрат, Еза не было единого командования.

Во всяком случае гораздо действительнее было бы ввести на линию фронта между сильно растянутыми 4-м и 27-м корпусами новый эшелонированный в глубину корпус, чем назначать ему оборонительную линию протяжением в 20 *км* на второй позиции, параллельной фронту.

Из всех ошибок те ошибки, которые касаются организации командования боевой группировкой, являлись самыми роковыми, так как они во-время не могли быть исправлены.

Решения главного командования

В конце дня были вынесены следующие решения:

С германской стороны: продолжение наступления без изменений.

С итальянской стороны: директива об организации обороны; причины ее недействительности.

С германской стороны. 24 октября вечером генерал Белов, находившийся со своим штабом в Крани (Крайбурге), еще не знал о взятии гор Пиатто и Еза и даже о продвижении 12-й дивизии за Капоретто. Но так как перед началом наступления он ясно указал замысел намеченного маневра, он ограничился краткими распоряжениями: группе Штайна — продвинуться в направлении на Робик, чтобы помешать подходу итальянских резервов через долину Натизоне и возможно скорее занять весь горный гребень Коловрата до горы Матаюр; группам Беррера и Скотти — продвинуться через Езу до горы Кум.

Три дивизии резерва должны были продвинуться вперед настолько, чтобы 25-го быть в состоянии либо наступать на Коловрат, либо притти на помощь группе Крауса.

2-й армии Изонцо было приказано временно прервать свои атаки и приготовиться к использованию продвижения 14-й армии на запад от Изонцо.

С итальянской стороны. Командующий 2-й армией перевел свой штаб из Корманса в Чивидале и принял самые неотложные меры, чтобы закрыть оба разрыва, которые грозили образоваться: один в долине Натизоне, другой в верховьях Юдрио. С этой целью он направил в долину Верхнего Юдрио одну из четырех дивизий своего резерва — 47-ю дивизию берсальеров (из состава 28-го корпуса), расположенную на Среднем Юдрио.

Но ни одна из трех других[1] дивизий, втиснутых в долины Юдрио и Изонцо фронтом на восток, не могла бы во-время прибыть на левый фланг армии. Вот почему для усиления обороны в долине Натизоне были использованы две дивизии резерва главного командования (53-я и 13-я), уже предоставленные в распоряжение генерала Капелло. Такое ненормальное положение, создавшееся при первой же тревоге, достаточно ярко освещает недостатки первоначальной группировки резервов.

Однако 24-го вечером главное командование, мнение которого разделял и генерал Капелло, уже предусматривало возможность выхода противника на равнину Чивидале и, следовательно, считало обстановку очень тревожной. Противник, спускающийся с севера на юг в направлении на тылы фронта, угрожал бы тыловым путям главных сил 2-й армии, а еще более — тыловым путям 3-й армии, развернутой на Карсо. Отход массы войск в 1 000 000 человек с 5 000 орудий и огромным имуществом, сосредоточенными на фронте в 50 *км*, через крупную водную преграду, каковой являлся Изонцо, мог оказаться задачей, неразрешимой под давлением противника.

Таким образом, генерал Кадорна был вынужден немедленно подумать об общем отходе за Тальяменто. Исходя из этих соображений, он предписал командующим 2-й и 3-й армиями спешно и при полном сохранении тайны восстановить оборонительную линию на Тальяменто[2], а своему штабу он приказал подготовить распоряжение об отходе за эту реку.

С другой стороны, он поспешил организовать оборону и 24-го вечером отдал на этот счет соответствующие распоряжения.

Командующему Карнийским районом (12-й корпус): немедленно занять гору Маджоре и преградить выходы из долины Уччеа. Командиру 12-го корпуса была подчинена 50-я дивизия, разбитая под Плеццо и хлынувшая через перевал Уччеа.

Командующему 2-й армией: опереться левым флангом о гору Маджоре и связаться там с 12-м корпусом, который до этого момента занимал гору лишь очень незначительными силами.

---

[1] 30-я и 25-я дивизии 14-го корпуса и 23-я дивизия 28-го корпуса.

[2] В мирное время оборонительная линия на Тальяменто состояла из предмостных укреплений Сан-Даниэле-дель-Фриули, Кодроипо и Латизана. В начале войны эти укрепления были разоружены, а их артиллерия передана в действующую армию.

Удерживаться на нижеуказанных последовательных рубежах сопротивления (схема 10):

— первый рубеж — гора Маджоре, гора Стол, Старо Село, гора Матаюр, Еза, Глобочак;

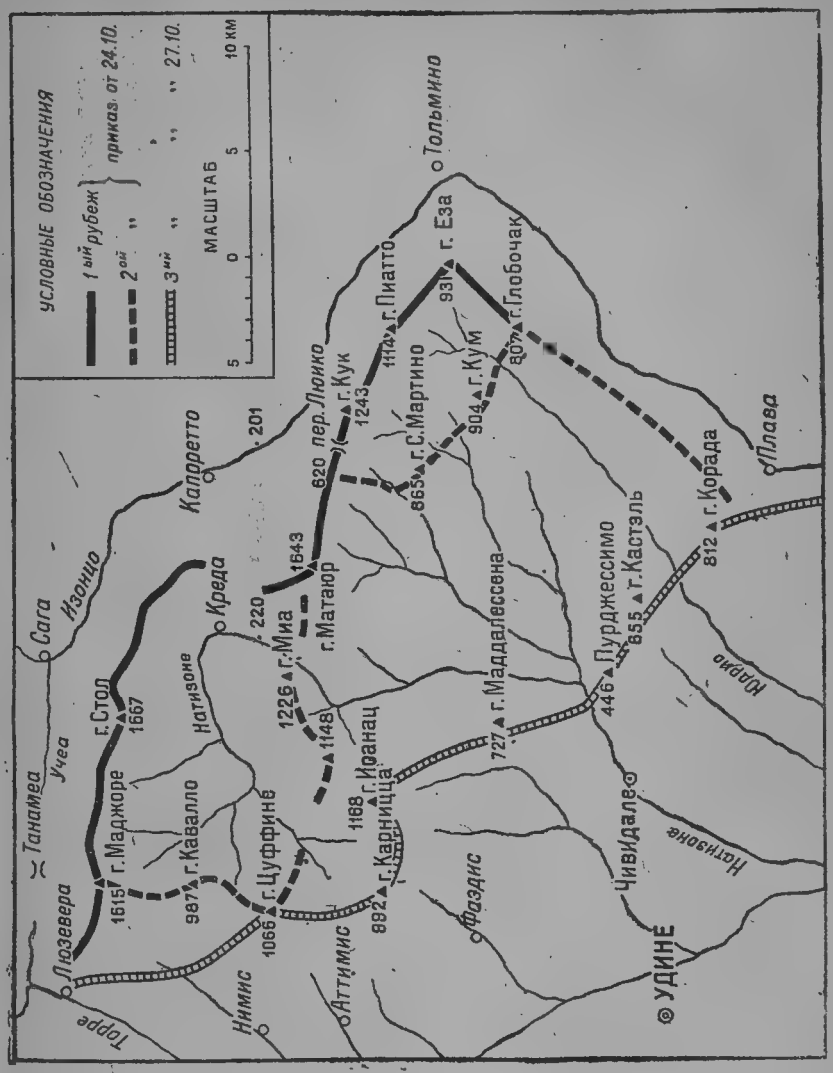


Схема 10. Последовательные рубежи сопротивления, намеченные Кадорной для 2-й армии.

— второй рубеж — гора Маджоре, гора Цуффине, гора Люпиа, гора Миа, гора Матаюр, гора Сан-Мартино, гора Кум, Глобочак;

— третий рубеж — гора Маджоре, гора Цуффине, гора Иоанац, гора Маддалессена, гора Пурджессимо, Кастэль-дель-Монтэ, Корада.

Между этими рубежами локализовать посредством отсечных позиций дальнейшее вторжение противника.

Принять все меры для сохранения горы Стол, являющейся первостепенной преградой у входа в котловину верхнего течения Натизоне. Удерживать стык между двумя участками фронта, направленными один лицом к северу, другой лицом к востоку, и обеспечивать связь с 12-м корпусом.

Отвести войска, занимающие плато Байнзицца, с передовой линии на линию главного сопротивления и разработать необходимые мероприятия для их переправы на западный берег Изонцо.

Командующий 2-й армией ставился в известность, что в его распоряжение предоставляются 16-я и 21-я дивизии со штабом 30-го корпуса в районе Чивидале, Тарченто, что 60-я дивизия из резерва главного командования спешно перебрасывается в Бертонью, а две дивизии, снятые с фронта в Трентино, будут вскоре выгружены между Удине и Тарченто.

Этот приказ свидетельствует о том, что при первом же ударе противника итальянское главное командование ясно почувствовало опасность. К сожалению, ряд мер, рекомендованных им для восстановления положения, остался только на бумаге.

1. Остатки 50-й дивизии, которые должны были усилить Карнийский район, отошли через массив горы Стол, т. е. были уже вне полосы 12-го корпуса.

2. Гора Маджоре, которую генерал Кадорна делает шарниром отхода 2-й армии, в данное время не была даже занята. Она была занята только в ночь с 25-го на 26-е и всего лишь двумя батальонами 7-го альпийского полка, так как два батальона поддержки, которые должен был выделить 12-й корпус, ни в коем случае не могли прибыть на место раньше вечера 26-го.

3. Подкрепления, предназначенные для левофланговой группы 2-й армии, тоже не прибыли во-время. Ни 30-й корпус, ни 60-я дивизия, ни дивизия из Трентино не смогли 25-го и 26-го принять участия в сражении.

4. Главное командование предполагало восстановить непрерывную оборонительную линию в ближайшем тылу района прорыва. Но такую линию нелегко было организовать во время сражения войсками, которые были только что разбиты и моральное состояние которых падало, тогда как смелость противника, благодаря успеху, повышалась. И действительно, два из рубежей сопротивления, указанных в 23 часа генералом Кадорной, были прорваны в ту же самую ночь — с 24-го на 25-е.

Если бы эти директивы главного командования были даны несколькими днями раньше, они, может быть, спасли бы положение.

Что же касается резерва главного командования (схема 5), который 24-го утром состоял из семи дивизий, то 24-го вечером пять из этих дивизий были уже переданы 2-й армии:

— 53-я и 13-я, которые должны были быть введены в дело 25-го в долине Натизоне — одна в первой, другая во второй линии;

— 16-я и 21-я, которые были направлены на левый фланг и место назначения которых несколько раз менялось;

— 60-я, которую предполагалось направить на Бертонью.

Таким образом, в непосредственном распоряжении главного командования оставались только две дивизии (20-я и 63-я).

Как видим, резерв главного командования был израсходован по частям, тогда как его использование единой массой, несомненно, дало бы более крупные результаты. Возможно, что это распыление сил объясняется психологическим потрясением, испытанным главным командованием под влиянием внезапности. Впрочем, даже если бы оно вполне сохранило присутствие духа, оно ни в коем случае не могло бы избежать отрицательных последствий неправильной исходной группировки.

25 октября операция развивалась следующим образом.

Германская 14-я армия решительно продолжала наступление. Лишенная поддержки большей части своей тяжелой артиллерии, которая не смогла следовать за войсками, она все же, несмотря на почти непреодолимые затруднения, встречавшиеся при движении по долине Изонцо, завершила захват итальянской оборонительной позиции. К ночи левое крыло итальянской 2-й армии было почти везде отброшено на третий из указанных генералом Кадорной рубежей сопротивления.

В линии фронта образовался разрыв от горы Канино до Глобочака. Однако итальянское главное командование, основываясь на неправильных соображениях и находясь в нерешительности, не отдало в этот же день приказа об отходе на Тальяменто.

А между тем продолжалось развитие австро-германских атак и захват итальянских оборонительных позиций.

Группа Крауса должна была прорваться на перевале Уччеа и в долине Верхнего Натизоне, где итальянцы преграждали ей доступ к верховьям Тальяменто.

Горы Ромбон и Стол оборонялись остатками итальянской 50-й дивизии. Долина Верхнего Натизоне между горой Стол и горой Миа была преграждена бригадой «Потэнца».

У северной границы полосы наступления группы Крауса итальянцы, оборонявшие гору Ромбон, вскоре были вынуждены отойти на седло Невеа, где они прочно закрепились, преградив доступ в долину Риккола.

Южнее дефиле за Сагой оказалось незанятым.

Генерал Краус двинул часть 22-й дивизии и небольшую часть дивизии «Эдельвайс» через перевал Уччеа в направлении на долину Резиа, которую обороняли только два батальона 12-го корпуса.

В то же время он приказал атаковать укрепленную позицию на горе Стол четырьмя батальонами 22-й дивизии. Этим батальонам, прибывшим на место 25-го утром после ночного марша, лишь ценой величайших усилий удалось взобраться на обрывистую гору. Не имея никакой артиллерийской поддержки, вынужденные перед каждой атакой снимать ранцы, а после атаки возвращаться за ними назад, они шаг за шагом, последовательными ударами накоротке овладели окопами, расположенными ярусами на скатах горного массива, и к полуночи заняли вершину горы. «Это было

необычайное достижение,— пишет генерал Краус.— Успеха могли добиться здесь только очень отважные войска, специализированные в горной войне».

В свою очередь, австро-венгерская 55-я дивизия двинулась через Капоретто и Креду в общем направлении на Бергонью и при поддержке 50-й дивизии отбросила бригаду «Потэнца».

Егерская дивизия, находившаяся в резерве, продвинулась в Сагу.

В итоге 25-го к концу дня сопротивление итальянского 4-го корпуса было окончательно сломлено, и между 12-м и 7-м корпусами образовался разрыв.

Соединениям группы Крауса были указаны вполне целесообразные направления наступления. Временами задерживаемые на высотах, эти части успешно выполнили возложенную на них задачу и быстро продвинулись вперед по долинам.

Группа Штайна получила задачу развить успех, достигнутый ею накануне на Коловрате, — захватить весь гребень, занятый итальянским 7-м корпусом, и одновременно помешать подходу итальянских подкреплений через долину Натизоне.

В центре 12-я дивизия выполнила в этот день сложную задачу: способствуя захвату горы Стол угрозой с тыла, она атаковала противника на седловине Люико и в долине Натизоне. В направлении на Люико она провела на скатах, к северу от этой деревни, ожесточенный бой с 4-й бригадой берсальеров и при поддержке «Альпийского корпуса» в 18 часов овладела деревней.

В долине Натизоне она продвинулась на несколько километров в южном направлении, отбросив бригаду «Виченца» итальянской 53-й дивизии и окончательно отрезав гору Матаюр, которую она приготовилась атаковать 26-го утром с тыла, т. е. в направлении с юго-запада на северо-восток.

Справа от нее 50-я дивизия, сперва задержавшаяся для ликвидации сопротивления у горы Нэро, в свою очередь наступала по долине Верхнего Натизоне на гору Миа. Перед нею стояла задача, с одной стороны, охватить Матаюр с севера, а с другой — поддержать как можно дальше к западу наступление 22-й дивизии группы Крауса, с которой она к ночи окончательно установила соприкосновение далеко за горой Стол.

Левее 12-й дивизии наступал «Альпийский корпус».

Ночью баварский лейб-пехотный полк и вюртембергский батальон поднялись на высоту 1114. Утром они с перевала Заградан атаковали гребень Коловрат в направлении с востока на запад, по обе стороны водораздельной линии. Итальянская бригада «Арно», развернутая фронтом на север, была охвачена с правого фланга. Она попыталась было отразить атаку, переменив фронт, но это движение, выполненное под огнем на труднопроходимой местности, привело бригаду в расстройство, и она вскоре была захвачена в плен. После этого правый фланг 4-й бригады берсальеров повис в воздухе.

Германские войска, очень искусно маневрируя, двинулись затем на гору Кук. Часть итальянского гарнизона, захваченная врасплох, сдалась в плен. Теперь была открыта дорога на деревню

Люико. Около 18 часов несколько подразделений «Альпийского корпуса» вошли в деревню одновременно с частями 12-й дивизии. Почти немедленно вслед за этим командир «Альпийского корпуса» перенес в Люико свой командный пункт.

Кроме того, «Альпийский корпус» своим левофланговым полком возобновил с утра атаку на Коста Дуоле (1-м баварским егерским) и захватил весь отрог. Затем, задерживаемый огнем итальянской артиллерии с горы Кум и несколькими энергичными контратаками, полк вышел на хребет, тянущийся от горы Еза до горы Пиатто.

К этому времени стало очевидным, что среди итальянских войск распространяется сильное смятение. Их надежды на то, что противник попадет при наступлении в ловушку, искусно расставленную итальянским командованием, окончательно рассеялись. Атакующий повсюду медленно, но безостановочно продвигался вперед. Встречая очаг сопротивления, он неизменно следовал вплотную за огневым валом своей артиллерии. Обороняющиеся, оставаясь в укрытии, пока не пройдет огневой вал, затем уже не успевали использовать свое оружие. На всем фронте одни подразделения сдавались, другие поспешно уходили в тыл. Огромные запасы огнеприпасов и продовольствия достались противнику.

К концу 25-го весь гребень Коловрат был захвачен немцами. Только одна группа Штайна захватила 15 000 пленных и 100 орудий.

Корпус Беррера должен был развить блестящий успех, достигнутый накануне вечером при захвате горы Еза.

С этой целью 20-я дивизия должна была наступать правым флангом в направлении на гору Сан-Мартино, за Коловратом, левым флангом — несколько севернее горы Кум.

Итальянская авиация пыталась задержать продвижение противника, но безуспешно. В течение утра шесть ее самолетов были сбиты и упали, объятые пламенем, между Езой и Коловратом. К ночи 20-я дивизия достигла если не горы Сан-Мартино, то во всяком случае линии перевала Заградан, гора Кум, продвинувшись на 4—5 *км*.

Слева от нее дивизия второй линии — 26-я — к наступлению темноты вышла почти на ту же линию.

Корпус Скотти должен был наступать через Глобочак в направлении на гору Кум.

Его дивизия первой линии — 1-я австро-венгерская, испытав довольно большие затруднения из-за отсутствия связи со своей собственной артиллерией, к 11 часам захватила Глобочак. Затем она перешла в наступление фронтом на юго-запад, по обе стороны гребня Глобочак, Корада и наткнулась на 47-ю дивизию берсальеров, бывшую до тех пор в резерве 2-й армии. Но, ввиду ли непреодолимых трудностей движения по чрезвычайно пересеченной и закрытой местности или в силу каких-либо других причин, дивизии противника не удалось провести общую контратаку, которая могла бы восстановить положение.

В то же время австро-венгерская 57-я дивизия 2-й армии Изонцо, временно подчиненная генералу Скотти, наступала по

долине Изонцо, но здесь была несколько задержана итальянским 24-м корпусом. Последнему удалось провести свой отход и к концу дня очень удачно расположиться на обоих берегах Изонцо, преградив у Канале узкую долину между Корадой и плато Байнзицца.

Находившаяся во второй линии корпуса Скотти 5-я австро-венгерская дивизия перешла в наступление справа от 1-й дивизии, продвинулась в направлении на гору Кум и захватила огромные военные запасы за гребнем Глобочак. При переправе через Юдрио она подверглась довольно энергичным контратакам, в течение некоторого времени мешавшим ей установить тесное соприкосновение с противником. Однако при поддержке своей горной артиллерии она к вечеру обложила со всех сторон гору Кум — мощный укрепленный бастион.

В итоге боев австро-германцы к вечеру 25 октября захватили все итальянские оборонительные позиции от Ромбона до Глобочака, за исключением гор Матаюр, Сан-Мартино и Кум. Прорыв фронта был почти завершен.

Тяжелая артиллерия большой мощности уже прибыла в Идерско, чтобы с утра 26-го начать обстрел Чивидале.

Главные силы итальянской 2-й армии в это время все еще находились на плато Байнзицца.

Итальянское главное командование все же решило провести некоторые мероприятия и оказать отчаянное сопротивление.

Еще утром генерал Капелло доносил генералу Кадорне о своем взгляде на обстановку и о намеченных им мероприятиях.

«Положение очень серьезно, — писал он в своем донесении № 4975, — 4-й корпус разгромлен, а гора Стол вот-вот будет взята. В центре противником захвачена часть линии гребня. На правом фланге представляется невозможным удерживать больше плато Байнзицца».

Далее командующий 2-й армией ставит вопрос: не лучше ли, не подвергая опасности последние свободные войска, сохранить неприкосновенными как можно больше сил, чтобы в будущем оставаться хозяевами положения? «Совершенно необходимо,— пишет он далее, — оторваться от противника под прикрытием сильных арьергардов и отойти, по крайней мере, до реки Торре, а может быть и до Тальяменто. Последнее решение, более радикальное и более болезненное, в настоящий момент, вероятно, является наилучшим. Но решение надо принять как можно скорее».

Генерал Кадорна в это время настолько разделял точку зрения Капелло, что предложил последнему заготовить приказы об отходе 2-й армии. Со своей стороны, он, в предвидении скорого отступления, еще утром отдал следующие распоряжения.

Командующему Карнийским районом: «Подготовить, однако еще не отдавая приказа о выступлении, постепенный отход 12-го корпуса на Карнийские Предальпы. Стык между 2-й армией и 12-м корпусом остается пока на горе Маджоре, оборона которой возлагается на 12-й корпус».

Командующему 3-й армией: «Принять все меры к тому, чтобы, если обстановка этого потребует, осуществить отход всей

армии на западный берег Тальяменто (3-й армии отводятся шоссе Пальманова, Кодроипо, мост Дэлиция и дороги к югу от этого шоссе); теперь же занять двумя дивизиями резерва тыловой рубеж Валлоне [1], чтобы прикрыть последующий отход армии; немедленно вывезти всю менее подвижную тяжелую артиллерию за Пиаве в район Тревизо, а остальную тяжелую артиллерию отвести за Валлоне».

Оставалось отдать приказ об отходе... Но его не отдали.

Дело в том, что генерал Монтуори, командовавший с 24 октября 7-м и 4-м корпусами, после полудня 25 октября сменил стоявшего во главе 2-й армии генерала Капелло, здоровье которого все ухудшалось. Кадорна воспользовался этим случаем, чтобы разгрузить командование 2-й армии, разделив ее на две группы: северную, под командованием генерала Этна, в составе 4-го, 7-го и 27-го корпусов, и южную, под командованием генерала Феррера, в составе 24-го, 2-го и 6-го корпусов. На крайнем правом фланге Кадорна передал 8-й корпус в 3-ю армию. Наконец, он поручил генералу Сагромозо организовать из свободных резервов — 16-й и 21-й дивизий (расформированного 30-го корпуса) — тыловой рубеж на Торре.

Вечером распоряжения об отходе на Тальяменто были совершенно готовы. Однако, прежде чем рассылать их, Кадорна пожелал запросить мнение нового командующего 2-й армией и узнать, что последний думает о необходимости немедленного отхода. С этой целью он в 20 час. 30 мин. послал к генералу Монтуори одного из офицеров своего штаба. Монтуори переговорил с командирами своих корпусов и вскоре сообщил делегату связи, что «считает возможным продлить сопротивление на тыловом рубеже (ligne d'arrêt)».

Вероятно, под влиянием этого мнения [2] начальник генерального штаба решил теперь не только временно задержаться, но и оказать отчаянное сопротивление на этом тыловом рубеже, том самом, который в приказе, отданном 24-го вечером, был назван третьим рубежом сопротивления и который проходил по последней линии высот, окаймляющих равнину.

«Положение армии, — писал Кадорна в своем приказе [3], — требует отхода на линию гора Маджоре, гора Иоанац, гора Маддалессена [4], гора Пурджессимо, Мадоне-дель-Монте, Корада, Кук, Водиче, гора Санто, Горица. Эту линию должно оборонять до последнего человека. На ней надо будет победить или умереть. Всякая слабость будет караться беспощадно».

---

[1] Валлоне — овраг, пересекающий Карсо в направлении с севера на юг, параллельно Изонцо, километрах в 10 восточнее этой реки.

[2] В действительности генерал Монтуори сказал: «Возможно продлить сопротивление на тыловом рубеже».

На это Кадорна приказал: «Оказывать на этом рубеже сопротивление до последнего человека».

Но между этими двумя формулировками такая большая разница, что позволительно усомниться в том, насколько точно была передана делегатом связи мысль генерала Монтуори.

[3] Приказ № 4988, разосланный 26-го утром.

[4] Во французском подлиннике ошибочно сказано «Маддалена». — *Ред.*

В то же время он приказал 3-й армии отойти на линию Горица, Валлоне и передать в распоряжение главного командования одну дивизию 8-го корпуса и четыре бригады.

Кроме того, он придал 2-й армии в качестве армейского резерва 20-ю и 63-ю дивизии [1].

На основании этого приказа генерал Монтуори указал задачи крупных соединений, установил участки оборонительного фронта, распределил резервы:

4-й корпус, состоявший теперь из остатков 34-й и 50-й дивизий, должен был удерживать фронт от (иск.) гора Маджоре до (иск.) гора Иоанац. Намечено было усилить его 21-й дивизией, которая только 25-го вечером смогла прибыть к подножию гор в районе Нимиса.

17-й корпус (25-я и 53-я дивизии), который накануне был введен в долину Натизоне, должен был держать фронт от Иоанаца до Пурджессимо. Для усиления его предназначалась 23-я дивизия, находившаяся еще в районе Кормонса.

27-й корпус, состоявший теперь из 47-й дивизии берсальеров и бригады «Торентэ» 60-й дивизии, должен был развернуться от Юдрио до Корады.

24-й корпус, уже расположенный на обоих берегах Изонцо, был усилен 30-й дивизией.

Однако большая часть вышеперечисленных дивизий усиления — 23, 60, 30 и 13-я — оставались подчиненными генералу Сагромозо, на которого была возложена организация обороны на р. Торре.

В резерв левофланговой группы 2-й армии была назначена 16-я дивизия.

Впрочем, 26 октября, как и накануне, подкрепления, присланные на левый фланг, не добились там положительных результатов: образованные случайными группами, лишенные штабов и служб, в большинстве случаев выдвигаемые слишком далеко вперед в непосредственное соприкосновение с противником, используемые без общего плана на очень трудно проходимой местности, эти подкрепления были израсходованы в безрезультатных стычках или вовлечены в отступление передовых частей.

Но почему же генерал Кадорна принял 25-го вечером решение оказать отчаянное сопротивление на линии гора Маджоре, Корада, если это решение неизбежно вело к увеличению трудностей последующего отхода?

Кадорна не мог не отдавать себе отчета в том, что влияние проигранного сражения распространится на все пространство к востоку от Тальяменто и что, следовательно, он сможет возвратить себе свободу действий, только отойдя на значительное расстояние в тыл.

---

[1] Это были последние две дивизии, оставшиеся в резерве главного командования. Из некоторых частей была сформирована новая дивизия — 33-я, которая пока имела только одну бригаду из двух полков. 26 октября 63-я дивизия была передана 11-му корпусу; другие две были сведены в корпус особого назначения, так называемый «корпус Джорджо».

Впоследствии он следующим образом оправдывал свое решение:

«Я лелеял надежду задержать вторжение,— пишет он,— мой ум и сердце негодовали при мысли об оставлении пространства, завоеванного за два с половиной года кровопролитной борьбы... С другой стороны, если мы хотели спасти правофланговую группу 2-й армии и всю 3-ю армию, было безусловно необходимо оказать «ожесточенное сопротивление» на линии гора Маджоре, Корада».

Правильно, что слишком быстрый отход 2-й армии мог поставить в очень опасное положение 3-ю армию, которой пришлось бы поспешно выходить из боя на Карсо и отступать в направлении на Тальяменто, имея свой левый фланг совершенно обнаженным. Однако, как мы покажем ниже, надлежало видеть, что сопротивление, намеченное на линии гора Маджоре, Корада и признанное необходимым для спасения 3-й армии, вовсе не будет оказано. И действительно: 3-й армии, напрасно задержанной на целые сутки, пришлось совершать отход в еще более тяжелых условиях. Следовательно, во всех отношениях и, в частности, в интересах 3-й армии лучше было бы уже 25 октября отдать приказ об отходе. Таково, кстати сказать, было мнение Капелло, да и самого Кадорны до того момента, как он спросил совета у генерала Монтуори.

Нам кажется наиболее вероятным, что решение генерала Кадорны было продиктовано мотивами психологического порядка. Он не хотел «оставлять пространство, завоеванное за два с половиной года борьбы».

Если это соображение при столь грозных для итальянских армий обстоятельствах могло быть выдвинуто на первый план начальником, занимавшим такое положение, как Кадорна, то это может быть объяснено тем, что в обстановке двух лет позиционной борьбы итальянское главное командование временно утратило понимание законов маневренной войны. Еще более правдоподобно, что генерал Кадорна считал необходимым попытаться сделать все, чтобы избежать необходимости признания перед страной крупного поражения.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОРЫВА

Мы видели, что 25 октября итальянской 2-й армии был указан новый рубеж сопротивления. Но поставленная задача и на этот раз оказалась невыполнимой: 26 октября итальянская армия была совершенно не в состоянии задержаться и оказать сопротивление натиску противника.

С этого дня общее довольно тяжелое состояние армии ухудшилось еще тем, что она стала чувствовать и переживать неизбежные последствия внезапности, среди которых на первом месте стоит падение морального состояния войск.

26 октября итальянское главное командование еще могло ослабить эффект внезапности, если бы оно располагало достаточными резервами, которые устремились бы на решающие участки.

Но мы наблюдали, как беспорядочно использовались оставшиеся в распоряжении главного командования дивизии из-за отсутствия общего плана обороны. Почти все резервы были израсходованы чрезвычайно поспешно, и тем не менее левофланговая группа оставалась попрежнему слишком слабой, настолько неправильна была исходная группировка.

На участке от Резиутты до долины р. Натизоне, т. е. на протяжении 40 *км* по прямой, фронт несоразмерно растянулся вследствие прорыва и бесчисленных высот и низин на этой пересеченной местности. Там требовались сильные подкрепления, тем более что некоторые из находившихся в бою соединений, например 50-я и 34-я дивизии 4-го корпуса, сократились до одной бригады численностью около 1 000 человек. Итальянцы смогли ввести там в дело лишь очень недостаточное число свежих батальонов. Наоборот, австро-германцы наступали на этом фронте полными бодрости пятью дивизиями, из которых четыре были в первой линии.

Представление итальянцев об обороне на неукрепленной местности тоже оставляло желать лучшего. Привыкшие к позиционной войне, они, повидимому, прежде всего старались создавать непрерывные оборонительные линии и в первую очередь заботились о занятии крупными силами возвышенных участков местности (во избежание охвата). При потере связи с соседями они, вместо того чтобы энергично переходить в контратаку, или ограничивались пассивной обороной на месте, как на горе Матаюр и на горе Кум, или же отходили, как на горе Маджоре.

Не лучше были использованы и подкрепления. «Видя, как итальянские резервы подходят в рассыпанном строю, без твердого плана, брошенные слишком далеко вперед, в самую гущу боя,— пишет генерал Крафт,— мы почувствовали уверенность в том, что противнику не удастся возобновить сопротивление».

И действительно, какое сопротивление могли оказать эти пехотные бригады, введенные в бой без артиллерии, на непрерывно перемещающемся, колеблющемся фронте, в разгар событий, развивающихся с непостижимой быстротой, и навстречу противнику, привыкшему к маневренной войне и уже овладевшему командующими позициями?

К тому же поражение уже начало приносить свои отравленные плоды: моральное состояние войск с каждым часом ухудшалось. Уже 25-го кучки беглецов несли беспокойство в тылы, сея вокруг себя ужас перед «тедески» (немцами).

До последнего времени случаи этой моральной слабости чаще всего наблюдались, повидимому, среди личного состава тыловых служб. Но 26-го картина резко изменилась: все крупные соединения отходят. Немногие имеющиеся шоссейные и горные дороги забиты войсками, парками, транспортами и грузовиками, движущимися местами в обоих направлениях, а также всякого рода повозками, сопровождающими толпу беженцев. Пользуясь образовавшимися пробками и полным отсутствием дисциплины движения, многие части спешили отхлынуть в тыл.

В то же время на всем огромном пространстве, простирающемся от горы Иоанац до Корады, бушуют пожары: горят бесчисленные, поспешно брошенные барачные городки, склады и устройства; тут и там взрываются склады огнеприпасов. Зрелище потрясающее. Генерал Виллани, в последний раз собрав для оказания сопротивления остатки своей 19-й дивизии, кончает с собой. Смятение усиливается. Продовольственные склады подвергаются разграблению. Увлечение грабежом окончательно расстраивает воинские части, самые ненадежные элементы которых рассеиваются по всей округе.

Могло ли при таких условиях главное командование рассчитывать на отчаянное сопротивление, которое оно приказало 2-й армии оказывать врагу?

* * *

Хотя 26-го утром германское командование знало, что оно почти целиком захватило оборонительные позиции противника, однако оно ожидало новых трудностей до выхода на равнину. Поэтому оно приказало безостановочно продолжать движение вперед до линии высот, тянущихся от горы Маджоре до горы Корада, чтобы не дать противнику возможности устроиться для обороны на этих высотах.

К тому же проблема организации движения в тылу уже сама по себе требовала быстрого продвижения вперед. В тылу 14-й армии царила неописуемая путаница. Шоссе, ведущее от Любляны в Тольмино через долину р. Идрии (схемы 6, 10 и 12) и использованное одновременно частью 14-й армии и частью 2-й армии Изонцо, было совершенно забито. Такое же положение создалось на шоссе из Тольмино в Капоретто, загроможденное войсками, продовольственными транспортами, партиями пленных.

Дивизии армейского резерва застряли далеко в тылу; выдвижение артиллерии и огнеприпасов на боевой фронт было почти полностью задержано. Развязать это опасное положение можно было только чрезвычайно быстрым движением вперед.

Наконец, германское командование не упускало из виду первоначального замысла операции, который намечал постепенное усиление нажима на заходящем фланге. Поэтому оно усилило группу Крауса, придав ей не только егерскую дивизию, бывшую до сих пор в резерве, но и 50-ю дивизию корпуса Штайна. Намеченный маневр должен был привести к усилению нажима в направлении на долину р. Феллы (хотя бы ценой временного ослабления на чивидальском направлении) и впоследствии — к облегчению открытия коммуникационной линии, проходящей через перевал Тарвис.

В итоге объекты наступления на 26 октября были распределены следующим образом (схемы 6, 10 и 12).

«Группе Крауса — фронт Резиутта, гора Маджоре, гора Цуффине, гора Карница.

Группам Штайна, Беррера, Скотти, с запада на восток, — горы Иоанац, Маддалессена, Пурджессимо, Кастэль-дель-Монтэ.

2-й армии Изонцо — Корада».

Кроме того, в Капоретто была образована группа тяжелой артиллерии для обстрела с утра 27 октября главным образом фронта Иоанац — Маддалессена.

Почти все указанные объекты были достигнуты в тот же вечер.

Учитывая достигнутое ослабление морального состояния итальянцев, надо признать, что заслуга в этом успехе принадлежит преимущественно атакующей пехоте. Так было с самого начала наступления, так было и в последующие дни. Действительно, плохая погода и рельеф местности делали связь между пехотой и артиллерией чрезвычайно ненадежной. Во многих случаях этот недостаток связи и взаимодействия между ними приводили к большим потерям в рядах атакующей пехоты. Правда, командование предвидело эти неизбежные затруднения и заблаговременно значительно увеличило количество горной артиллерии, приданной войсковым соединениям [1].

Тем не менее в эти дни артиллерия конной тяги почти всегда была вынуждена выбирать для своего движения кружные маршруты, и случалось, что даже горные батареи не могли следовать за пехотой.

Таким образом эта пехота чаще всего располагала для поддержки только пулеметами. Но она была тщательно отобрана и отлично натренирована. Продвигаясь небольшими ударными группами без соблюдения равнения по соседям, безостановочно маневрируя, чтобы обходить очаги сопротивления и оставлять их позади, все время приводя противника в смущение своей ловкостью и дерзостью, она самостоятельно вела победоносные бои благодаря своей изумительной приспособленности к войне в горах.

Как на один из факторов успеха, следует также указать на постоянную заботу начальников об обеспечении взаимодействия и взаимной поддержки между отдельными атакующими колоннами.

Вот сводка событий за день.

Егерская дивизия группы Крауса, наступавшая по долине Резии, вышла на подступы к Резуитте.

Дивизия «Эдельвайс» наступала двумя группами: одной, севернее егерской дивизии, — на перевал Невеа; другой, южнее егерской дивизии, — в направлении на гору Маджоре.

---

1 Количество артиллерии, приданной дивизиям германской 14-й армии, по данным генерала Боллати (из журнала «Ривиста д'Артильериа э Дженио»), видно из следующей таблицы:

	Корпус Крауса				Корпус Штайна				Корпус Беррера		Корпус Скотти		Армейский резерв		
	«Эдельвайс»	22-я	55-я	Егерская див.	50-я	12-я	Альпийский корп.	117-я	200-я	26 я	1-я	5-я	4-я	33-я	13-я
Горных батарей пушечных (а)	6	6	7	—	4	3	5	5	4	3	6	5	—	—	—
Гаубичных (б)	3	2	3	—	4	2	1	1	2	2	1	2	—	—	—
Полевых батарей пушечных и легких гаубичных	10	10	5	12	12	7	27	9	23	9	24	18	18	10	10

а) Разборные 75-*мм* пушки, перевозимые по частям на вьючных мулах.
б) Разборные 105-*мм* гаубицы, перевозимые по частям на повозках с шириной хода 95 *см*.
Те и другие представляют собой превосходные орудия, до сих пор еще состоящие на вооружении итальянской армии и обозначаемые литерами P. B. (preda bellica — военная добыча).

Оборона осевого пункта, образованного горой Маджоре, была возложена до 24 октября на 2-ю армию, а с вечера 24-го — на командование отдельного 12-го корпуса.

Позиция на горе Маджоре имела протяжение в 6—8 *км.* С утра 26 октября она была занята итальянской альпийской группой в составе двух батальонов и двух пулеметных рот, подвезенных на грузовиках и не имевших ни воды, ни продовольствия, ни запаса патронов, ни связи с каким-либо войсковым соединением. Этой группе угрожала с севера дивизия «Эдельвайс», с юга — 22-я дивизия.

22-я дивизия наступала на Бергонью, где она захватила 5 000 пленных; затем она, не встречая на своем пути противника, продвинулась через Платискис, где произведенные итальянцами разрушения не позволили провести даже вьючных животных, и к концу дня вышла на подступы к горе Кавалло.

50-я дивизия прежде всего захватила гору Миа; затем, оставив перед горой Иоанац отряд для поддержки 12-й дивизии, направилась, не встречая сопротивления, на гору Карницца, куда и прибыла вечером.

55-я дивизия, следовавшая во второй линии, вышла на линию Бергоньи.

12-я дивизия группы Штайна наступала по обе стороны долины Натизоне. Ее «западная» группа захватила гору Иоанац, а затем вышла по долине Торреано в тыл горы Маддалессена. «Восточная» группа спустилась по долине Натизоне, открывая таким образом дорогу «Альпийскому корпусу». Последний сперва двинулся от Люико на гору Матаюр, где взял в плен большую часть бригады «Салерно» (4 000 пленных, 30 орудий). Затем он построился в две колонны и пошел в направлении на рубеж Иоанац, Маддалессена; одна из колонн начала движение через долину Савоньи, другая — по высотам. Командованию стоило величайших трудов удерживать свои части во время марша на указанных им осях движения по горам, так как войска имеют тенденцию автоматически уклоняться на нижележащие участки местности. К вечеру «Альпийский корпус» расположился в полном порядке на Нижнем Натизоне, напротив горы Маддалессены, которая на следующий день должна была явиться объектом его наступления. В то же время он выделил отряд, чтобы на рассвете предпринять ускоренную атаку на город Чивидале, который весь истекший день обстреливался тяжелой артиллерией.

Из двух дивизий второй линии 117-я следовала за 12-й по долине Натизоне, а 13-я, которая должна была совершить переход в направлении на Робик, лишь с большим трудом выдвинула на Вольцану один полк без боевого обоза.

200-я дивизия корпуса Беррера, поддержанная почти исключительно огнем своих пулеметов, захватила утром укрепленный центр горы Сан-Мартино, который оборонялся слабо, несмотря на свой пояс окопов и многочисленную артиллерию. Затем дивизия спустилась по долине р. Риекка на Ацциду, в то время как слева от нее 26-я дивизия, выдвинувшаяся на фронт,

чтобы участвовать в атаке на гору Кум, также спустилась на Чивидале по хребту Кум, Кастэль-дель-Монтэ.

5-я дивизия корпуса Скотти, выдвинутая на линию фронта к северу от 1-й дивизии, атаковала гору Кум, гарнизон, которой состоял из остатков бригады «Эльба». Исходный рубеж 5-й дивизии местами лежал на 500 *м* ниже расположения противника. Она не смогла сообщить поддерживавшей ее артиллерии об изменениях, внесенных в первоначально намеченный боевой порядок, и ей удалось к 10 часам захватить объект атаки, только следуя вплотную за подвижным заградительным огнем и даже под этим огнем. Дивизия взяла 3 500 пленных и 60 орудий. Получив приказ не заходить за гору Кум, она после полудня все же продвинулась в направлении на Кастэль-дель-Монтэ.

Со своей стороны, 1-я дивизия спустилась по восточному берегу Юдрио на Кораду, которая перед этим была занята значительными силами итальянского 24-го корпуса.

57-я дивизия продвинулась по другому скату хребта. За ней следовала одна из дивизий 2-й армии Изонцо.

Тщетно пыталась итальянская авиация задержать наступающего противника на скатах к западу от Коловрата. Потеряв сбитыми 15 самолетов, она не приостановила наступления. Дороги были уже усеяны брошенными снаряжением и повозками, а на артиллерийских позициях оставалось много подбитых орудий. Кроме того, в руки наступающих войск попали огромные запасы продовольствия. «Промаршировав три дня и три ночи, германские войска совершенно выбились из сил, — пишет по этому поводу генерал Крафт. — По счастью, это удачное стечение обстоятельств[1] лишний раз доказало, насколько моральное состояние бойца может зависеть от своевременного снабжения продовольствием».

В итоге к концу дня оборонительная линия, на которую начальник итальянского генерального штаба возлагал свои последние надежды, оказалась основательно прорванной на левом фланге, между горой Маджоре и горой Иоанац, а в долине Натизоне охранение противника находилось уже в 8 *км* от Чивидале.

Правда, после сражения, продолжавшегося трое суток, итальянская армия ни в одном пункте не находилась дальше чем в 20 *км* от первоначальной линии фронта. Но географические, материальные и моральные условия, в которых она оказалась, уже не позволяли ей ограничить поражение тактическими рамками.

Со своей стороны, австро-германская армия овладела путями, необходимыми для ее дальнейшего продвижения. Она расположилась уступами направо вперед, как того требовал оперативный замысел. Ее командующий переехал со своим штабом из Крани в Тольмино.

Пути для стратегического (оперативного) развития успеха были открыты.

---

[1] Т. е. захват продовольственных запасов.—*Ред.*

Развитие успеха, достигнутого в сражении

(Схемы 1, 11 и 12)

Как только был осуществлен прорыв итальянского фронта, последовало энергичное развитие успеха в намеченном общем направлении. Первоначальная австро-венгерская операция с ограниченной целью вскоре расширилась, постепенно вовлекая итальянские армии одну за другой в общее поражение стратегического масштаба.

Развитие успеха распадается на три периода:

1-й период — операции до Тальяменто (с 27 по 31 октября). Это продвижение было непредотвратимо, так как влияние поражения в большом сражении на Изонцо распространялось на все пространство между итальянскими оборонительными позициями и р. Тальяменто.

2-й период — продвижение от Тальяменто до Пиаве (с 1 по 10 ноября). После прорыва фронта на Тальяменто Кадорна, учитывая общую обстановку, приказал отойти на Пиаве.

Тогда австро-германская армия предприняла своего рода марш сближения на широком фронте в направлении на новую итальянскую оборонительную линию, расположенную за Пиаве, пытаясь охватить ее через долину верхнего течения реки.

3-й период — австро-германская попытка прорыва на горе Граппа и отражение ее итальянцами (с 11 по 26 ноября). Австро-германцы пытались развить свой маневр за Пиаве до его естественного географического предела, каковым являлась Адидже, но были задержаны на горе Граппа.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД — ДО ТАЛЬЯМЕНТО (27—31 октября)

Не будучи в состоянии удержаться на рубеже сопротивления, итальянское главное командование в ночь с 26 на 27 октября отдало приказ об отходе за Тальяменто. Но ему нехватило ни времени, ни пространства, необходимых для того, чтобы провести этот отход в полном порядке. Неизбежным последствием стратеги-

ческой (оперативной) обстановки до начала сражения было то, что генерал Кадорна теперь совершенно утратил свободу действий. Между тем речь шла о том, чтобы поспешно отвести через мосты за Тальяменто массу в 1 000 000 бойцов и 400 000 беженцев, а также огромное количество артиллерии и всякого имущества.

Со своей стороны, австро-германское командование, которое первоначально стремилось дойти только до Тальяменто, стало постепенно расширять свой оперативный замысел. 14-я армия, выдвинувшаяся уступами вправо вперед согласно плану операции, была целиком введена в дело с целью овладеть переправами через Тальяменто и захватила огромную добычу.

Однако операция, которую она организовала на своем левом фланге, чтобы отрезать итальянскую 3-ю армию от мостов через Нижний Тальяменто, была предпринята слишком поздно и неточно рассчитана, почему и не имела успеха.

Приказывая 25-го вечером оказать отчаянное сопротивление и еще надеясь на то, что удастся задержать противника в горах, генерал Кадорна не мог в то же время не предусматривать положения, при котором отход за Тальяменто станет неизбежным. А отход 2-й армии неизбежно должен был вызвать отход не только 3-й армии, но и корпуса Карнийского района и еще западнее — правофланговой группы 4-й армии.

В предвидении этого отхода, а также ввиду чрезвычайной медленности передвижений в высокогорных районах Карнии и Кадоре необходимо было заблаговременно произвести некоторые подготовительные перемещения в 4-й армии и в 12-м корпусе. Исходя из этого, Кадорна днем 26 октября дал приказ командующим Карнийским районом и 4-й армией немедленно снять с фронта наименее подвижную тяжелую артиллерию и самое громоздкое имущество. Артиллерия из Карнийского района была направлена через долину Арцино на правый берег Тальяменто, а из 4-й армии — на правый берег Пиаве в район Монтэбеллюна.

Командующему Карнийским районом было указано, что он должен принять меры к тому, чтобы в случае получения приказа об отходе начать этот отход с восточного участка [1]. Он должен был укрепить свою связь со 2-й армией, а для этого был усилен 63-й дивизией. Наконец, он должен был удерживать до последнего патрона форты Сфлинчис и Фесту (из которых первый командовал над слиянием долин Резии и Феллы, а второй — над слиянием долин Феллы и Тальяменто).

Командующий 4-й армией также должен был подготовиться на случай отхода на давно уже намеченный тыловой рубеж сопротивления — так называемую «желтую линию». Эта линия, образуя обширный предмостный плацдарм по дуге круга к северу от Пиеве ди Кадоре, прикрывала проход Мауриа и смыкалась

[1] При других обстоятельствах группу Карнийского района можно было бы сохранить в долине р. Фелла, где она образовала бы фланговый отряд, который занимал бы очень выгодное положение по отношению к линии фронта на Изонцо. Повидимому, вследствие недостатка резервов итальянское главное командование даже и не подумало о таком решении задачи.

с фронтом Карнийских Предальп у перевала Ранце, к северо-западу от Ампеццо.

Преградив таким образом противнику выход как с перевала Мауриа на Пиаве, так и южнее, с перевала Фадальто на Понтенелле-Альпи, начальник генерального штаба надеялся отстранить всякую угрозу правому флангу 4-й армии. Он рассчитывал при этом, что после осуществления всех подготовительных мер 2-я и 3-я армии, Карнийская группа и 4-я армия окажутся развернутыми в тесном соприкосновении между собой по дуге круга. Если впоследствии им придется отходить дальше, до Пиаве, то они уже заранее будут расположены на равных расстояниях от своих первоначальных позиций. Следовательно, общий отход окажется строго согласованным, что в частности позволит предупредить просачивание противника через горные массивы.

С другой стороны, опять-таки в предвидении отхода, надо было своевременно оборудовать тыловой рубеж на Тальяменто. Для этого начальник генерального штаба в тот же день образовал под командой генерала ди-Джорджо корпус особого назначения, который должен был прикрывать переправы через Тальяменто от Корнино до Пинцано — в особенно важном районе, где эта река выходит из гор на равнину.

Надо признать, что при данной обстановке эта мера была чрезвычайно уместной и неотложной. Если бы противник внезапно овладел горой Маджоре, он оказался бы в 25 *км* от моста в Корнино, т. е. мог бы серьезно угрожать флангу 3-й армии, находившемуся в 60 *км* от Тальяменто. Более того, он быстрым продвижением мог бы упредить эту армию за Тальяменто на дорогах, ведущих к Пиаве.

Однако, хотя эта задача и имела первостепенное значение, итальянское командование лишено было возможности выбрать по своему усмотрению количество войск, необходимых для ее выполнения. У него оставались свободными только 20-я и 33-я [1] дивизии резерва главного командования, расположенные в тылу 3-й армии, в районе Пальмановы. Пришлось спешно перебрасывать их по Фриульской равнине частью по железной дороге и на грузовиках, частью усиленными переходами походным порядком, поперек путей отступления 2-й армии, наперерез толпам беглецов и беженцев, рискуя вызвать этим их собственное разложение. Только 29-го вечером все части корпуса особого назначения прибыли на место. Надо считать чудом, что они сохранили внутреннюю спайку.

Тем временем в течение дня 26 октября поступали все более тревожные известия. Переход через глубокую долину Верхнего Изонцо не замедлил наступления противника. Итальянский 7-й корпус оставил горы Кум и Сан-Мартино. Намеченный последний рубеж сопротивления находился уже под угрозой со стороны горы Маджоре и горы Иоанац. Стало ясно, что преграда, поставленная

[1] 33-я дивизия была сформирована главным образом из частей, выделенных 20-й и 63-й дивизиями.

у подножия скатов в непосредственной близости к Чивидале, между горой Маддалессена и Кастэль-дель-Монтэ, не сможет задержать наступления противника.

При таких условиях правый фланг 2-й армии и левый фланг 3-й армии оказались под непосредственной угрозой охвата. Поэтому «как велики ни были опасность встревожить страну, страх перед распространением деморализации, ценность оставляемых запасов и все возрастающие трудности проведения отхода ввиду чрезвычайной ограниченности остающегося свободным пространства,— пишет генерал Кадорна,— нельзя было ни минуты медлить с отходом». И действительно, уже 26-го вечером он разослал многочисленные предварительные распоряжения. Узнав о занятии противником горы Маджоре, он немедленно — 27-го в 2 часа 30 мин.— отдал приказ об отходе.

Различные меры, предписанные главным командованием в предвидении отхода, касаются по существу проведения самого отхода, обеспечения переправы через Тальяменто и группировки, которую надо было создать на правом берегу этой реки.

В отношении проведения отхода указывалось: «Движение будет совершаться последовательными скачками под прикрытием сильных арьергардов, причем все четыре [1] армии должны оказывать сопротивление на удобных рубежах, производить все возможные разрушения и спокойно, медленно и твердо выполнять тесно согласованные перемещения».

Командующий Карнийским районом должен был начать отход со своего правого фланга так, чтобы прикрывать левый фланг 2-й армии и отойти на Карнийские Предальпы — правым флангом на гору Ковриа, к западу от Тразагиса, левым флангом, в связи с 4-й армией,— в Казера-Ращца.

4-я армия отходила на вышеупомянутую «желтую линию» (стык на левом фланге с 1-й армией у вершины Калодьеро, к северу от плато Азиаго). Ей же было приказано закончить работы, начатые на горе Граппа 1-й армией.

2-я армия должна была организовать первый тыловой рубеж вдоль р. Торре. Западнее этой реки она должна была любой ценой удерживать арьергардами, составленными из специально отобранных войск, линию Люзевера (верховья Торре), Цуффине, гора Иоанац, Маддалессена, Пурджессимо, Кастэль-дель-Монтэ, Корада, Саботино (схема 10). Отход с этой линии должен был начаться с левого фланга, причем горы Кораду и Саботино надо было удерживать до последней минуты, чтобы обеспечить отход за Изонцо 6-го и 8-го корпусов. Эта армия должна была переправиться через Тальяменто на участке от (иск.) моста в Тразагисе (предоставленного 12-му корпусу) до (иск.) моста Дэлиция.

3-й армии было приказано согласовывать свои движения с движениями 2-й армии, причем последовательные скачки 2-й армии должны были предшествовать скачкам 3-й армии. Кроме того, она должна была внимательно следить за обеспечением своего

[1] Считая и Карнийскую группу (12-й корпус). — *Ред.*

северного фланга и вывезти возможно большее количество артиллерии. Для отхода ей была отведена полоса от линии Пальманова, мост Дэлиция к югу.

Схема 11. Обстановка 27 октября в полночь.

С другой стороны, для обеспечения переправы через Тальяменто 2-й и 3-й армиям было приказано немедленно приступить к организации предмостных позиций, каждой в своей полосе движения. Устройство тет-де-пона у Пинцано 2-я армия должна была возложить на корпус особого назначения генерала ди-Джорджо. Тет-де-пон у Кодроипо был передан 3-й армии,

которая должна была использовать в качестве основного его гарнизона десять пулеметных рот пулеметной школы в Кодроипо.

Была указана следующая группировка войск на правом берегу Тальяменто после их отхода:

— 12-й корпус — к северу от (вкл.) моста в Тразагисе;

— 2-я армия — от (иск.) моста в Тразагисе до (иск.) моста Дэлиция, причем все свое внимание она должна была уделять преграждению просачивания противника с востока на запад через Карнийские Альпы, между теснивой Тразагис и Пинцано;

— 3-я армия — от (вкл.) моста Дэлиция до моря.

Обе армии должны были развернуть на Тальяменто только малокалиберную артиллерию и самую подвижную тяжелую артиллерию. Остальную артиллерию приказано было отвести на запад от Пиаве.

Главному интендантству [1] было предложено, чтобы оно, во-первых, отдало распоряжение об отходе интендантских учреждений армии и обеспечило поддержание порядка в тылах между Тальяменто и Пиаве; во-вторых, чтобы штабы 2-й и 3-й армий расположились, соответственно, в Порденоне и в Мотте за Тальяменто, а главная квартира переехала после полудня за Пиаве, в г. Падую, с командным пунктом в Тревизо.

* * *

Приказ об отходе, отданный генералом Кадорной, в общем отвечал обстановке. Линия Тальяменто была выбрана удачно. Незадолго до войны начальник генерального штаба генерал Поллио приказал в предположении конфликта с Австро-Венгрией создать фриульскую оборонительно-наступательную систему укреплений, состоявшую из двух долговременных предмостных позиций — в Кодроипо и Латизане, а кроме того, линию фортов на море — новом амфитеатре Сан-Даниэле, Рагонья. Правда, осенью 1915 г. все эти укрепления были разоружены в пользу действующей армии. Однако линия Тальяменто сохранила характер хорошей оборонительной позиции.

Этот приказ об отходе, хотя и несколько запоздавший, все же позволил спасти итальянскую 3-ю армию. Однако надо отметить, что не все содержавшиеся в нем распоряжения были в равной степени удачными.

Так, например, главное командование, прекрасно понимая значение предмостной позиции у Кодроипо, не предоставило в распоряжение командующего 3-й армией хотя бы минимального количества войск, необходимых для того, чтобы прочно занять ее.

Столь же неудачным оказалось распределение переправ через Тальяменто. В направлении с севера на юг имелись следующие переправы:

— в полосе 12-го корпуса — мост в Тразагисе;

---

[1] Еще один организационный недостаток. Главное интендантство итальянской армии было своего рода управлением служб, не подчиненных командованию крупными общевойсковыми соединениями.

— в полосе 2-й армии — железнодорожный мост в Корнино (для пешеходов), каменный мост в Пинцано и пешеходный мост в Понтаиббе, плашкоутный мост в Бонциккo; мосты в районе Кодроипо: каменный мост в Дэлиция, железнодорожный мост у Кодроипо, пешеходный мост к югу от последнего. Кроме того, 26-го было отдано распоряжение о наводке двух понтонных мостов к северу от Дэлиции;

— в полосе 3-й армии, плашкоутный мост в Мадризио, железнодорожный и каменный мосты в Латизане.

Между тем 27-го утром мосты в Дэлиции и Кодроипо были отведены 3-й армии, тогда как в этот самый день противник должен был продвинуться за Чивидале именно по шоссе Чивидале, Кодроипо, а правофланговая группа 2-й армии в составе трех корпусов была еще развернута между Чивидале и горой Саботино, в 20 *км* от Чивидале. Такое распределение мостов означало, что три корпуса правофланговой группы вынуждены будут двигаться вдоль фронта на север очень кружным путем в непосредственной близости от противника. А это значило, что на них возлагалась невыполнимая задача.

Мост Дэлиция настолько естественно входил в полосу 2-й армии, что в ночь с 27-го на 28-е штаб этой армии сам расположился в Кодроипо.

Распределение, установленное главным командованием, отнюдь не было вынужденным, так как в конце концов, как мы покажем ниже, ни одна часть 3-й армии не воспользовалась мостами Дэлиция, Кодроипо. Но это распределение вызвало неописуемое скопление войск на подступах к Кодроипо, было причиной прорыва на правом фланге 2-й армии и едва не повлекло за собой гибель всей этой армии.

Подобное распределение объясняется, вероятно, слишком большой спешкой в штабе главнокомандующего, которому 27-го утром пришлось рассылать приказы в том виде, в каком они были заготовлены накануне, без тщательного приведения их в соответствие с происшедшим изменением обстановки.

Эту ошибку следовало исправить на следующий же день. Во всяком случае мост Дэлиция необходимо было передать в распоряжение 2-й армии, сразу как только узнали, что мосты, наведенные непосредственно выше него, снесены паводком.

А для этого главное командование должно было во-время отдать распоряжения.

Между тем 27-го вечером генерал Кадорна переехал со всем своим штабом в Тревизо, в 120 *км* к западу от Удине. Он считал, что оттуда ему будет удобнее согласовывать действия своих отступающих армий. Но на таком расстоянии он потерял связь с войсками, исключительно быстро менявшими обстановку, и не смог внести необходимые поправки в первоначально отданные распоряжения.

Быстрый отъезд итальянской главной квартиры в тыл был, конечно, неизбежен, но все же это перемещение должно было бы происходить поэшелонно, так, чтобы командование все время было

в состоянии принять меры в случае возникновения связанных с отступлением трудностей, заранее не поддающихся учету.

Сверх того, слишком большое удаление главного командования не могло само по себе не оказать гибельного влияния и не усилить общего пессимизма в войсках.

На основании директив генерала Кадорны, генерал Монтуори и герцог Аоста, в свою очередь, отдали свои приказы об отходе. И тот и другой постарались первым долгом обеспечить бесперебойное прохождение главных сил своих армий.

Для облегчения управления войсками генерал Монтуори прежде всего разделил левофланговую группу 2-й армии на две части; теперь он имел три группы:

— левофланговую (генерал Этна): остатки 4-го корпуса с 21-й и 16-й дивизиями;

— центральную (генерал Петитти-ди-Раредо): 28-й корпус (образовавшийся из расформированного 17-го корпуса), 7-й и 27-й корпуса;

— правофланговую (генерал Ферреро): 24, 2 и 6-й корпуса.

Это разделение армии было бы только выгодным, если бы командные пункты командиров крупных соединений находились в пределах досягаемости от войск. На самом же деле новая промежуточная командная инстанция явилась лишней причиной задержек в работе связи.

Затем Монтуори организовал подчиненную генералу Сагромозо оборонительную линию на р. Торре, которую должны были удерживать:

— между районом Карнии и Куальсо-сур-Торре — левофланговая группа;

— между Куальсо и Манцаной, при впадении р. Натизоне,— центральная группа;

— между Манцаной и Подгорой на Изонцо — правофланговая группа; последней было приказано расположиться фронтом на север, чтобы обеспечить 3-ю армию в этом направлении.

Что же касается передовой линии, указанной генералом Кадорной (от Люзеверы через Маддалессену до Корады), то ее намечали занять силами по десяти батальонов от каждого корпуса. Эти батальоны должны были поддерживаться только горной артиллерией, так как остальная артиллерия должна была спешно отходить за Тальяменто. С наступлением темноты войска, занимавшие передовую линию, должны были отойти за р. Торре.

Герцог Аоста установил следующий порядок отхода своей 3-й армии.

Предшествуемые артиллерией и обозами с самым ценным имуществом, войска должны были день и ночь отходить на Тальяменто: 11-й корпус — в общем направлении на Кодроипо, 13-й — на Мадризио, 23-й — на Латизану. Движение приказано было начать 27-го вечером, при заходе солнца.

Это движение должен был прикрывать (сперва фронтом на восток) арьергард в составе 4-й дивизии (25-го корпуса) и 1-й кавалерийской дивизии.

Кроме того, каждый корпус оставлял по одной бригаде на линии Пальманова, Торре-Цунне, а 33-я дивизия 25-го корпуса должна была оборудовать для обороны русло речки Кормор.

Отход армии должен был прикрываться (фронтом к северу) 8-м корпусом (7, 48 и 59-я дивизии), которому было поручено «непосредственно охранять северный фланг 3-й армии, а также обеспечивать во время всего передвижения тесную связь со 2-й армией, следя особенно за тем, чтобы противник не упредил 3-ю армию на мостах через Тальяменто».

27 октября

В течение этого дня 2-я армия отходила левофланговой и центральной группами за Торре, оставив свои арьергарды на указанной линии (схема 11).

Но 14-я армия противника, развивая свой успех, прорвала этот рубеж сопротивления: на севере — в направлении на верховья Торре и в центре — на линии Чивидале, поставив таким образом в опасное положение правофланговую группу 2-й армии.

Развивая свой успех, австро-германская 14-я армия захватывает выходы на равнину.

Известия, полученные германским командованием вечером 26 октября, были вполне удовлетворительными. В них сообщалось, что на крайнем правом фланге австро-венгерская 10-я армия начала движение вперед. Направо была захвачена гора Маджоре. В центре наступающие войска подходили к Чивидале. В тылу противника, от Тарченто до Чивидале, незаметно ни крупных скоплений войск, ни движения по железным дорогам. Почти повсюду итальянцы свертывают свои радиостанции. Перед фронтом 2-й и 1-й армий Изонцо уже отмечены признаки готовящегося отступления итальянцев.

Победа не вызывала сомнений. Повидимому, эта уверенность распространилась на весь фронт Изонцо [1].

Стремясь как можно скорее использовать успех, командующий 14-й армии спешит отдать приказ о преследовании. Однако он предоставляет операции развиваться на основе распоряжений, отданных накануне, и пока что не вносит никаких изменений в общую группировку армии. Последнее решение объясняется, в первую очередь, разногласием, возникшим между генералом Беловым и австрийским главным командованием. Желая обеспечить австро-венгерским армиям главную долю престижа и выгод от одержанной победы, австрийское главное командование, находившееся в Бадене, близ Вены, предложило в этот день передать австрийской 10-й армии войска группы Крауса, действовавшие в долине р. Феллы.

[1] По некоторым данным, австрийцы знали итальянский радиокод.

Кроме того, оно, вопреки прежним стараниям направить удар 14-й армии как можно больше на юг, теперь пожелало повернуть ее на запад, чтобы иметь возможность ввести в дело австрийские армии. С этой целью оно приказало расширить полосу 2-й армии Изонцо до линии высоты 1114 (на Коловрате), Аццида, Чивидале.

Но генерал Белов не мог согласиться ни на реорганизацию командования, ни на ослабление своей правофланговой группы в пользу австро-венгерской 10-й армии как раз в тот момент, когда предпринятая операция начала приносить плоды. Он не мог также допустить на своем левом фланге изменения границы, которое заставило бы отвести во вторую линию, за 2-ю армию Изонцо, группы Беррера и Скотти в то время, как они следовали по пятам за противником. Из этих соображений он решил отложить перегруппировку армии до выхода ее на равнину.

К тому же всякое изменение этой группировки в данный момент было бы невозможно из-за продолжающегося загромождения тыла 14-й армии. Обе дороги, ведущие в Тольмино, были попрежнему герметически закупорены: северная, предоставленная 14-й армии, из-за недостаточности подступов к понтонному мосту у Тольмино (болотистая местность), южная — вследствие узости улиц в деревне Санта-Лючиа, не говоря уже о скоплении обозов и транспортов, принадлежавших 14-й армии и шести дивизиям 2-й армии Изонцо, уже направленным на западный берег Изонцо.

Дело дошло до того, что дивизии резерва 14-й армии нельзя было ни двинуть на фронт, ни отвести в тыл для переброски в Тироль. С 24 октября две из них еще ни на шаг не сдвинулись с места, а 13-я, которая с 25-го была подчинена генералу Штайну, 27-го вечером еще не успела целиком собраться у Вольцаны.

Какое поле действий представлялось бы в долине Изонцо для итальянской бомбардировочной авиации, если бы с 26 октября немцы не обеспечили себе господства и в воздухе!

В довершение всего подвоз снабжения к 14-й армии совершенно прекратился. Благодаря итальянским складам, попавшим в ее руки, продовольственное снабжение войск было более или менее обеспечено, но снабжение огнеприпасами внушало с каждым часом все большую тревогу. Скорейший выход из гор стал для этой армии жизненным вопросом.

Вот почему генерал Белов в директиве на 27-е счел необходимым для развития успеха ограничиться распоряжением «продвигаться вперед насколько хватит сил» («Was die Beine leisten» — насколько хватает ног).

Действительно, в этот день австро-германские атаки велись чрезвычайно активно. Однако результаты их могли быть гораздо значительнее, если бы пехотные дивизии располагали артиллерией. Но за весь день большая часть их смогла подтянуть вперед лишь по нескольку горных батарей, а иногда только по нескольку орудий с ничтожным количеством огнеприпасов.

Так как итальянская передовая линия тоже была поддержана лишь незначительным количеством горной артиллерии, то можно

сказать, что 27 октября характеризуется почти исключительно пехотными боями в горах.

При таких условиях австро-германские войска, стремившиеся как можно скорее выйти на равнину и окрыленные успехом, без труда выполнили эту задачу.

В группе Крауса дивизия «Эдельвайс», а также левофланговые части 10-й армии, задержанные метелью, были вынуждены обозначать шаг на месте на линии перевала Невеа.

Южнее их егерская дивизия, наткнувшись на спешно брошенные навстречу ей итальянские подкрепления, продвинулась несколькими колоннами в направлении на Резиутту и подошла к окраинам Сан-Джорджо. Не будучи специализирована для войны в горах, она с величайшим трудом продвигалась по горам, теряя людей и имущество. Ее полк полевой артиллерии не смог перевалить через гребень к северу от Уччеа и вернулся назад, чтобы догнать дивизию лишь через несколько дней длинным кружным путем через долину Натизоне. В течение дня дивизия располагала только пятью горными орудиями с сорока снарядами. Ее левый боковой отряд, маневрируя небольшими группами, перевалил через седло Танамса, к северо-востоку от горы Маджоре, и продвинулся к Форчелла-Музи, в общем направлении на Венцону.

22-я дивизия, совершенно лишенная артиллерии (вьючные мулы не смогли преодолеть заграждений, созданных итальянцами в Платискисе), захватила горы Кавалло и Цуффине и, несмотря на несколько контратак, начала спускаться на равнину.

50-я дивизия тоже с трудом, так как не имела артиллерии, захватила высоты Карницы, к западу от горы Иоанац, занятые жалкими остатками четырех итальянских полков, принадлежавших к трем различным бригадам. Вечером она спустилась к Аттимису.

В группе Штайна части настолько перемешались за ночь пребывания в долине Натизоне, что командир корпуса был вынужден лично вмешаться, чтобы восстановить некоторый порядок.

Обе части первой линии — 12-я дивизия и «Альпийский корпус» — снова испытали на себе непреодолимую притягательную силу, которую имеют долины, а также города (в данном случае Чивидале). Хотя Чивидале находилась вне полосы наступления группы Штайна, «Альпийский корпус», по собственной инициативе, предпринял ускоренную атаку на этот город по западному берегу Натизоне. Генералу Штайну не без некоторого замешательства удалось отчасти вернуть свои дивизии на линию указанных им объектов наступления от горы Иоанац до горы Маддалессена.

Левая колонна «Альпийского корпуса», благодаря дерзкому маневру командира одной из рот, захватила укрепленную позицию на горе Маддалессена (800 *м*). Рота, в точности повторив прием, примененный на высоте 1114, на Коловрате, взобралась со скалы на скалу по обрывистому скату горы в необстреливаемом секторе и захватила обороняющихся врасплох.

К концу дня 12-я дивизия и «Альпийский корпус» вышли на равнину — первая в Фаэдисе, вторая непосредственно к северу от

Чивидале; 117-я дивизия следовала во втором эшелоне; 13-я дивизия резерва все еще находилась в Вольцане.

В полосе наступления группы Беррера лежали Чивидале и гора Пурджессимо. Конечным объектом наступления в этот день был город Удине. Эта группа натолкнулась на энергичное сопротивление, которое удалось преодолеть только благодаря лихорадочной деятельности; полковники и генералы лично руководили войсками, находясь во главе своих частей и соединений.

200-я дивизия, сперва задержанная уличным боем в Ацциде, затем остановленная огнем противника с ее левого фланга — с горы Пурджессимо, была вынуждена дожидаться продвижения 26-й дивизии.

Последняя, совершив долгий и тяжелый переход, энергично атаковала без артиллерии укрепленный хребет горы Пурджессимо. Она отразила целый ряд ожесточенных контратак со стороны подкреплений, присланных итальянской 62-й дивизией (генерала Цоппи), которую она окончательно выбила из позиции, проведя бой ручными гранатами. Тем временем (около 16 часов) 200-я дивизия вступила в Чивидале. Отсюда, не отдохнув и не получив снабжения, под проливным дождем, несмотря на крайнюю усталость, 26-я дивизия немедленно двинулась двумя группами на Удине. К полуночи было приказано остановиться на привал в нескольких километрах от этого города, так как бойцы, окончательно выбившиеся из сил, валились с ног прямо в грязь.

Группа Скотти наносила главный удар на гребень у Кастэль-дель-Монтэ. Немного севернее этой деревни находится позиция, которая давно была оборудована отличными бетонированными окопами. Итальянцы некоторое время энергично оборонялись там и провели несколько кровопролитных контратак. Но вечером 5-й прусской дивизии удалось подвести несколько полевых орудий и в конце концов обойти позицию на ее открытых флангах. Было захвачено 3 000 пленных и 20 пулеметов.

Восточнее 1-я дивизия медленно продвигалась по долине Юдрио. При ней находились только две горные пушки. Трудности передвижения в этом районе так велики, что связь со штабом корпуса, переехавшим в Камбреско, обеспечивалась только несколькими конными посыльными. Движение дивизии замедлилось еще тем, что она подвергалась фланговому огню с гребня горы Корада, с правого фланга итальянской 2-й армии.

Именно эта итальянская правофланговая группа, до сих пор еще не тронутая и сама ведущая бой со 2-й армией Изонцо, получила приказ отойти только с наступлением темноты. К полуночи она без затруднений заняла указанную ей линию между Манцано на Натизоне и Изонцо, развернувшись, как сказано выше, фронтом на север так, чтобы наилучшим образом обеспечить отход 3-й армии. К концу движения ее левофланговый — 24-й — корпус тщетно пытался установить связь с центральной группой 2-й армии; быстрым продвижением в направлении на Удине группа Штайна далеко отбросила остатки 7-го и 27-го корпусов и таким образом окончательно отрезала группу Ферреро от главных сил 2-й армии.

К вечеру 27 октября группировка итальянских сил к востоку от Чивидале представлялась в следующем виде:

— отходившая 3-я армия, которую должен был прикрывать с северного фланга 8-й корпус;

— севернее — группа из трех корпусов, принадлежавших 2-й армии, отрезанных от нее и получивших задачу прикрывать всю 3-ю армию.

Можно считать несомненным, что для лучшего согласования движений и усилий следовало с этого времени подчинить правофланговую группу 2-й армии командующему 3-й армией. Но 27 октября итальянская главная квартира переезжала в полном составе в Тревизо, поэтому за весь день 28 октября, отмеченный только знаменитой сводкой, извещавшей страну о поражении, она не внесла никаких изменений в свои прежние распоряжения.

* * *

Результаты, достигнутые к вечеру 26-го, открывали перед победителем новые перспективы. Генерал Белов считал, что настало время для попытки расшатать весь итальянский фронт от Тироля до моря. Допуская, что преследование, предпринятое непосредственно с востока на запад, окажется недостаточно продуктивным ввиду наличия на равнине таких серьезных преград, как Тальяменто и Пиаве, он полагал, что теперь будет предпочтительнее нанести главный удар на другом конце «клещей», а именно на фронте в Трентино.

О своем замысле он 27-го утром по телефону сообщил начальнику штаба генерала Арца, генералу Вальдштеттену, и предложил немедленно погрузить для переброски в Тироль по железным дорогам через Бреннер и Пустерталь находившиеся в тылу дивизии 2-й армии Изонцо.

В первую минуту генерал Вальдштеттен с восторгом ухватился за эту мысль. Но, немного погодя, он сообщил, что в данное время, ввиду пробки, образовавшейся в районе Изонцо, нечего и думать о какой-либо переброске сил. Дело в том, что в этот день как германское, так и австрийское главные командования еще не приняли решения и расходились во взглядах на дальнейшее развитие операций против итальянцев.

Германское главное командование обещало поддержку Австрии только для продвижения до Тальяменто. В этот самый день, 27 октября, германская главная квартира оказалась вынужденной, ввиду тяжелого поражения под Мальмезоном, приказать 14-й армии спешно отправить через Тарвис на французский фронт свою тяжелую артиллерию, минометы, а также часть войск. Только по личному настоянию Белова она согласилась отсрочить выполнение этого требования.

Со своей стороны австрийское главное командование колебалось между несколькими решениями.

Послать ли, как предлагал генерал Белов, сильные подкрепления фельдмаршалу Конраду для крупного наступления через Трентино? От этого плана отказались (либо ввиду загромождения

тылов, либо из опасения упустить реальную выгоду, погнавшись за тенью), и для своего наступления 10 ноября Конрад получил на усиление только две дивизии.

Ограничить ли развитие уже проводимой операции достижением берега Тальяменто или же продолжать ее по ту сторону этой реки?

Решение по этому вопросу было четко сформулировано австрийским командованием юго-западного фронта только 30 октября.

Тем временем, 27-го вечером намечается новая обстановка: правофланговая группа 14-й армии приближается к Джемоне, а ее левофланговая группа уже находится ближе к Тальяменто, чем итальянская 3-я армия и правое крыло итальянской 2-й армии.

Повидимому, теперь Белову представлялся удобный случай подойти к мостам раньше противника. Ведь если 14-й армии удалось бы упредить главные силы противника на переправах через Тальяменто, она могла бы, смотря по обстоятельствам, либо продвинуться дальше, прямо на запад, в направлении на Пиаве, либо, что было бы еще лучше, направив удар в образовавшийся разрыв, осуществить глубокий маневр охвата итальянской 3-й армии с тыла.

Этого плана и начал придерживаться с этого дня генерал Белов. С целью захватить мосты, прежде чем противник успеет разрушить их, он приказал 14-й армии наступать правым флангом на Корнино, а левым — на Кодроипо; корпуса должны были безостановочно продвигаться вперед, «не теряя времени на сбор разделившихся соединений», «не щадя последних сил людей и лошадей».

Это решение, несомненно, было безупречным. Однако на выполнение его должен был повлиять следующий основной недостаток. Первоначально операция была предпринята с очень ограниченной целью. Развиваясь, она выявила недостаточность некоторых материальных средств и к тому же в решающий для использования успеха момент вызвала совершенно несвоевременные колебания со стороны двойного командования.

28 и 29 октября

Трудности отступления итальянцев возрастали. Увеличивались и трудности преследования.

Итальянское отступление, начавшееся 27 октября, продолжалось без перерыва, днем и ночью, до утра 31 октября. В течение этих четырех суток огромная масса армий, перегруженная имуществом, накопившимся за 30 месяцев позиционной войны, стесняемая беспорядочной толпой отбившихся от своих частей, число которых постепенно дошло до 300 000 человек, задерживаемая 400 000 беженцев, которые тащили с собой внутрь страны бесчисленное количество всякого рода поклажи и повозок, стреми-

лась, как поток, несущий всякие обломки, к немногочисленным мостам через Тальяменто.

Условия времени и пространства, численность войсковых масс, стратегическая, тактическая и моральная обстановка — все это способствовало созданию положения, не имевшего себе примеров в истории. Огромные трудности задачи еще усугубились проливными дождями. В ночь с 27-го на 28-е паводком на реке были не только уничтожены многочисленные броды, проходимые в обычное время, но также затоплен мост в Мадризио, разрушены два моста, наводившиеся к северу от Дэлиции, и снесен мост в Бонцикко. В распоряжении 2-й армии оставались только один нормальный дорожный мост, один железнодорожный для пеших и один пешеходный мостик.

За эти трагические дни итальянская армия понесла огромные потери в людях и в материальной части.

Однако надо отметить, что все же ей удалось многое сохранить и спасти. Катастрофу удалось удержать в известных пределах благодаря самопожертвованию некоторой части войск, особенно 1-й и 2-й кавалерийских дивизий, мужественно прикрывавших отступление, стойкости корпусов правофланговой группы 2-й армии, в том числе 24-го корпуса, и благодаря качествам 3-й армии, которая вышла из опасного положения, не потеряв внутренней спайки. Не участвовав в боях 24 и 25 октября, не испытав внезапного удара и разлагающего влияния тактического поражения, эти соединения сохранили и моральную устойчивость и боеспособность.

Надо также указать на обстоятельства, благоприятствовавшие итальянцам и способствовавшие до известной степени ослаблению энергии преследования.

Вся монотонная и однообразная равнина, простирающаяся от фриульских холмов до Изонцо, густо усеяна деревнями и перерезана оградами, так что атакующим войскам было трудно сходить с дорог для развертывания в боевой порядок перед атакой, тогда как обилие населенных пунктов, наоборот, облегчало оборонительные действия арьергардов.

Многочисленные потоки, реки и оросительные каналы, прорезывающие весь этот край и вздувшиеся теперь от дождей, также ограничивали число мест, где были возможны переправы. Торре, пересыхающий на большую часть года, был теперь большой рекой, а Тальяменто, через несколько рукавов которого в нормальное время можно было бы легко переправиться во многих местах, теперь образовал водную преграду шириной 1 000 *м* со стремительным течением.

Сама организация преследования со стороны австро-германских войск тоже вызывает несколько критических замечаний. Так, германское командование до последней минуты не знало о существовании плавучих мостов в Мадризио, Кодроипо, Бонцикко и дороги из Тразагиса в Корнино. Ввиду ли некоторой недооценки или ввиду очень плохой погоды, но неудовлетворительно была произведена воздушная разведка.

Более того, совершенно отсутствовала конница: в 14-й армии было всего семь эскадронов, распределенных между корпусами. За неимением людей и лошадей австрийское главное командование не смогло удовлетворить в этом отношении требования генерала Белова. Поэтому на первых порах 14-я армия двигалась в направлении на Тальяменто до известной степени вслепую. Ей нехватало подвижных соединений и всякого рода технических средств: средств связи, понтонных парков, грузовиков. Все внимание было уделено тщательнейшей подготовке к сражению, а развитие успеха пришлось импровизировать.

Добавим еще, основываясь на словах генерала Крафта, что сама германская армия испытала на себе влияние, которое могут оказать на моральное состояние измученных войск внезапное изобилие всякого рода богатств и соблазнительные удовольствия прекрасной страны. При таких условиях было очень трудно организовать преследование, и для 14-й армии не было другого решения, как двигаться вперед, прямо перед собой.

Но именно вследствие того, что австро-германцы не сумели организовать этот маневр преследования, им не удалось отрезать итальянцев от Тальяменто.

В течение дня 28 октября нажим австро-германцев на всем фронте был не очень действительным, за исключением линии Торре, где итальянцы были смяты.

На севере итальянский 12-й корпус, растянувшийся почти на 100 *км*, ночью начал отходить. Его левофланговое соединение (26-я дивизия) отошло до долины р. Буше в направлении на Тольмеццо. В центре его 36-я дивизия без потерь очистила долины Донья и Рикколана; в первой наступление противника было задержано бурей, во второй — непроницаемым туманом.

На правом фланге 63-й дивизии, втянутой в бой к востоку от Венцоны, пришлось сдерживать главным образом части группы Видэна (дивизии «Эдельвайс» и егерская). Последние, распределенные на несколько колонн, еле продвигались по труднопроходимой местности, не имевшей никаких путей сообщения, кроме плохой вьючной дороги, которая, начинаясь в долине Уччеа, проходит по седлу Танамеа между массивами гор Маджоре и Музи, а затем ведет в долину Венцонацца, прямо на Венцону.

К концу дня между противниками установилось соприкосновение на линии Тарченто, Резиутта.

На юге итальянская 3-я армия без труда оторвалась от противника. Переправившись в течение ночи через Изонцо, она в полном порядке отходила походным порядком на Тальяменто, прикрывая с тыла и с северного фланга, как было приказано.

В центре, между 12-м корпусом и 3-й армией, левофланговая и центральная группы 2-й армии должны были, согласно приказам генерала Монтуори, удерживать линию Торре до вечера 29 октября. На следующий день был намечен их отход на линию Рагонья, Бассальяпента.

На этом участке фронта корпус Штайна был задержан на месте паводком на р. Торре. Однако разъезд из десяти всадников

довольно смело подошел к мосту в Сальте, чтобы помешать итальянцам взорвать заложенные подрывные заряды (это один из очень немногих эпизодов из действий конницы, о которых немцы упоминают при описании данной операции).

Но немного южнее корпусу Беррера удалось продвинуться значительно дальше вперед. 200-я дивизия сломила сопротивление итальянского 7-го корпуса на мосту и в деревне Бейварс [1].

Прорыв, произведенный 200-й дивизией, был расширен к югу 26-й дивизией, ворвавшейся в Удине. За час до того командир корпуса генерал Беррер, выезжавший вперед на автомобиле, нарвался на дозор противника и был убит у ворот города.

Итальянские войска повсюду отступали под прикрытием 2-й кавалерийской дивизии и арьергардов, одним из которых, состоявшим из двух батальонов, двух батарей и эскадрона, командовал сам командир корпуса.

Но на этой чрезвычайно закрытой местности нельзя было и думать о действиях крупной массой конницы. Поэтому ее использовали для непосредственного охранения колонн, чтобы обеспечивать пехотным арьергардам время, необходимое для занятия ими своих боевых позиций. Из нее же образовывались завесы на дорогах, ведущих из Удине на запад.

Задержка, которую испытали в этот день германские колонны из-за паводка на Торре и действий войск, прикрывавших отход, а также захват итальянских продовольственных складов и вообще продовольственных запасов, найденных немцами в фриульских городках, в значительной мере способствовали спасению итальянской 3-й армии [2].

Невыясненность обстановки в районе горы Корада сначала вызвала некоторое замешательство и в корпусе Скотти. Крайняя левофланговая дивизия (1-я), которая должна была наступать в направлении на Кодроипо по дорогам, проходящим южнее Удине, выступила с некоторым опозданием. Затем она подверглась жесто-

---

[1] Переправа через реку была захвачена дерзкой ночной атакой. Было 4 часа. Ночь была темная и дождливая. Германский авангард сбился с пути. Один из офицеров захотел осветить свою карту карманным электрическим фонарем. Немедленно с расстояния около 500 *м* с того берега реки был открыт сильнейший пулеметный огонь.

Бойцы легли и, измученные усталостью, заснули. Офицеры начали совещаться.

После рассвета держаться на этой ровной местности, под градом пуль, было бы невозможно. Командир батальона решил немедленно без выстрела перейти в атаку.

В полнейшей тишине произвели рекогносцировку подступов к реке, по руслу которой, повидимому, были разбросаны большие камни. Батальон развернулся вдоль реки, а затем устремился вперед. Подразделения выбрали себе ориентирами для движения промежутки между пулеметами, обнаруживавшими себя блеском выстрелов. Противник направлял свой огонь слишком высоко. В мгновение ока его сопротивление было сломлено. Утром вся деревня Бейварс была захвачена после уличного боя.

[2] Войска, лишенные подвоза продовольствия из тыла, с чрезмерным увлечением набрасывались на эти склады, что очень сильно замедляло продвижение. Это явление повторилось во время наступления во Франции в марте 1918 г. — Ред.

кой контратаке с левого фланга левофланговыми дивизиями итальянского 24-го корпуса (в районе непосредственно к югу от Удине) и продвинулась вперед на довольно ограниченное расстояние.

Несмотря на этот контрудар, прорыв итальянского фронта, наметившийся накануне, в течение дня расширялся, и теперь правый фланг итальянской 2-й армии оказался в очень опасном положении.

При такой обстановке генерал Монтуори просил у генерала Кадорны разрешения перевести некоторые из своих частей через мост Дэлицию. Но главное командование настаивало на точном выполнении распоряжений, отданных им 26-го вечером, объясняя, что «такая мера могла бы нарушить порядок движения 3-й армии, для спасения которой должно быть принесено в жертву все».

Но это означало, что надо принести в жертву правофланговую группу 2-й армии, так как теперь эта группа могла следовать только по дорогам, использованным 3-й армией, проходя даже за арьергардами последней.

В этот же день командование 14-й австро-германской армии решило перевести оперативную группу своего штаба в Чивидале.

29 октября общая обстановка представилась генералу Кадорне в настолько угрожающем виде, что он уже начал опасаться прорыва фронта в Трентино (схемы 12 и 13).

Германская 14-я армия обогнала правофланговую группу итальянской 2-й армии, но, по счастью, противник сам потерпел неудачу при попытке внезапно захватить мосты на Тальяменто.

На севере 12-й корпус продолжал отходить, не теснимый противником, и перешел всеми своими частями на правый берег Тальяменто. 63-я дивизия взорвала мост в Тразалисе. С этого дня для согласования действий 12-й корпус был подчинен командующему 2-й армией с задачей противиться проникновению противника через Карнийские Предальпы в направлении на фронт Маниаго, Корнино — проникновению, которое сделало бы невозможной оборону на линии Тальяменто, и в то же время тщательно преградить шоссе с перевала Мауриа в направлении на Верхней Пиаве.

1-я армия, вследствие отхода левофланговой группы 12-го корпуса, также отвела свой правый фланг на Казера-Ратта.

Во 2-й армии левофланговым и центральным корпусам — 4, 28, 7 и 27-му — были указаны направления движения на мосты в Корнино, Пинцано, Бонцикко, но так как последний был за это время снесен, то почти вся эта группа отклонилась к северу. Были устроены две предмостные позиции: одна в Корнино, занятая бригадой «Сиракузе» (16-й дивизии), другая в Пинцано, занятая бригадой «Болонья» корпуса особого назначения. Но дороги к востоку от этих переправ были настолько забиты на протяжении нескольких километров, что прохождение главных сил было чрезвычайно затруднено. Тогда генерал Кадорна обратился ко 2-й армии с призывом во что бы то ни стало продлить сопротивление арьергардов, каких бы жертв это ни стоило. И арьергардам пришлось вести серьезные бои. К счастью, натиск противника на этом участке фронта был задержан из-за переправы

Схема 12. Развитие успеха австро-германцами (27 октября — 26 ноября).

через Торре. Поэтому германская 12-я дивизия, переправившаяся в Сальте по понтонному мосту, только на следующий день смогла ввести в дело свою тяжелую артиллерию.

Со своей стороны, «Альпийский корпус» получил на марше приказ захватить мост в Бонцикко. Он образовал для этого команду добровольцев, которую предполагал отправить на грузовиках. Но грузовики не удалось собрать. Поиск не был произведен, хотя группа пехоты, брошенная вперед утром, могла бы походным порядком дойти до Бонцикко в течение дня. Каких же результатов достигла бы кавалерийская часть, если бы она имелась!

Вечером левофланговая и центральная группы итальянской 2-й армии подошли к окраинам Сан-Даниель, прикрываемые 2-й кавалерийской дивизией и батальонами берсальеров-самокатчиков. Германский корпус Штайна вошел в тесное соприкосновение с противником, имея свой центр в районе Фаганья.

Очень тяжелая обстановка создалась для итальянцев. Головные части 3-й армии начали переправляться через Тальяменто. Все ее движение в общем совершалось почти в предписанном ей порядке: на р. Кормор были выставлены гарнизоны для обеспечения отхода, а арьергарды расположились фронтом на восток и на север (последние в основном состояли из 1-й кавалерийской дивизии и двух дивизий 8-го корпуса). Зато правофланговой группе 2-й армии пришлось испытать величайшие затруднения. Дело в том, что в тылу этой группы находился особенно уязвимый район Кодроипо. Кодроипо лежал на оси движения из Удине на Тревизо, и эта ось являлась естественным направлением удара для противника.

Кроме того, в силу своего центрального положения мосты у Кодроипо с самого начала отхода неудержимо притягивали к себе и тыловые службы, и бойцов, отбившихся от своих частей, и воинские части, потерявшие ориентировку, и беглецов, и беженцев. Вследствие скопления войск и повозок в районе этих мостов царил неописуемый беспорядок.

Было чрезвычайно важно иметь впереди Кодроипо очень прочно оборудованную предмостную позицию. Но так как меры, принятые в этом направлении, запоздали и были недостаточны, то этой прочной оборудованной позиции не было и в помине. Пришлось импровизировать ее под давлением противника.

Правофланговая группа 2-й армии, непосредственно подчиненная генералу Ферреро, состояла, как сказано выше, из трех корпусов, а именно, считая справа налево: из 6, 2 и 24-го. В последнем насчитывалось шесть дивизий: три, органически входившие в его состав (10, 30 и 47-я), и три, принадлежавшие к 27-му корпусу, но примкнувшие к 24-му во время отхода (65, 68 и 49-я).

Все эти корпуса отходили: 2-й корпус — на Пальманову, причем одна из его дивизий (67-я) была спешно брошена через Бассальяпенту в направлении на Кодроипо; 6-й корпус отходил на Мортэльяно. Что же касается 27-го корпуса, то его нештатные дивизии отходили в направлении на Кодроипо, а остальные три временно оставались в соприкосновении с противником к югу от Удине. 29-го

утром последние образовали своего рода заслон, расположившись фронтом к северу, примерно на линии Пазиан, Пальманова.

Может быть, в это время бо́льшая часть группы Ферреро еще могла бы переправиться через Тальяменто по мостам в районе Кодроипо и таким образом избежать катастрофы. Но эти мосты были отведены Кадорной армии герцога Аоста, а последним—11-му

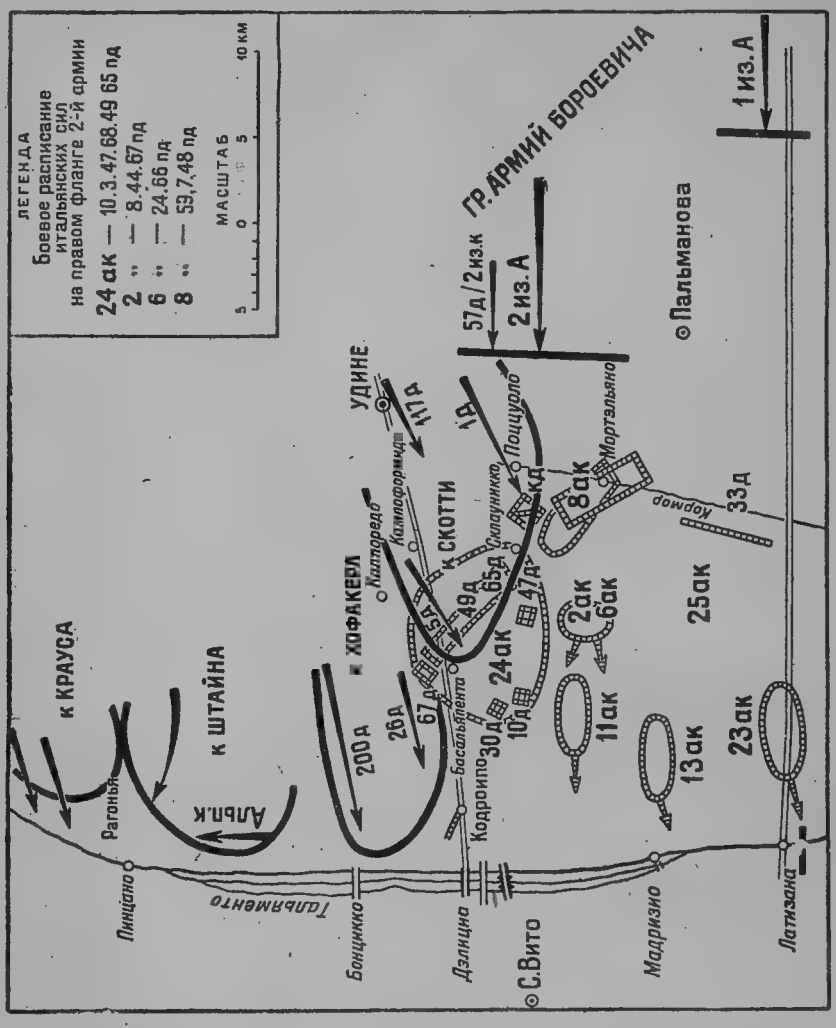


Схема 13. Обстановка на левом берегу Тальяменто 30 октября утром.

и 8-му корпусам. Кроме того, начальник генерального штаба дал всем основную задачу — как можно дольше оказывать сопротивление, чтобы прежде всего прикрыть отход 3-й армии. Поэтому, проникнувшись этой мыслью, генерал Ферреро заботился в первую очередь об организации дальней обороны предмостной позиции у Кодроипо. Для этого он отвел свои свободные соединения на линию Коллоредо, Кампоформидо, Поццуоло, расположив 67-ю

дивизию 2-го корпуса к северу от шоссе на Удине, 49-ю и 65-ю дивизии 24-го корпуса — по обе стороны шоссе и к югу от него, откуда последняя дивизия через 47-ю и 1-ю кавалерийские дивизии держала связь с главными силами 8-го корпуса, расположенного на речке Кормор.

Выполнение этих передвижений, самих по себе сложных и запутанных, было сильно задержано нажимом корпусов Скотти и Беррера (теперь—корпуса Хофакера). Правофланговая 200-я дивизия корпуса Хофакера устремилась ночью в прорыв, образовавшийся в направлении на Бонцикко, и там сменила «Альпийский корпус», свернувший теперь на Пинцано. Еще до рассвета она попыталась смелым поиском утвердиться на западном берегу Тальяменто. Ей уже почти удалось сделать это, но оказалось, что мост разрушен у того берега на протяжении около 40 *м* и переправиться по нему невозможно. За отсутствием материалов для восстановления моста, за отсутствием артиллерии, а также ввиду недостатка сил (так как в некоторых ротах оставалось, кроме пулеметчиков, по 20 стрелков), форсировать реку открытой силой казалось совершенно безнадежным предприятием.

Тем не менее командующий 14-й армией, вопреки приказу генерала Хофакера о наступлении на Латизану, отдал распоряжение возобновить начатую атаку на следующее утро, 30 октября.

Южнее 26-я дивизия корпуса Хофакера, а также 5-я и 1-я дивизии корпуса Скотти наступали в направлении на Кодроипо: 26-я — севернее шоссе, 5-я—по шоссе, 1-я—уступом назад (южнее). Хотя и задержанные сопротивлением итальянцев, они продвинулись на Бассальяпенту, вынудив итальянскую 67-ю дивизию, охваченную с северного фланга, отойти вечером на Кодроипо, где это соединение и переправилось ночью через реку.

Этот отход обнажил левый фланг 24-го корпуса. Однако, искусно поддерживаемый конницей, 24-й корпус продолжал выполнять свою задачу по преграждению пути противнику, фронтом на восток, на линии Поццуоло.

В итоге, 29-го вечером обстановка представлялась в следующем виде.

С итальянской стороны. 12-й корпус отошел на Карнийские Предальпы.

3-я армия в полном порядке переправлялась через Тальяменто. Но во 2-й армии, имевшей гораздо больший численный состав, левый фланг и центр были опрокинуты на Пинцано, тогда как правый фланг еще был выдвинут на Поццуоло. Казалось, что эта армия обречена на гибель. Начальник генерального штаба, продолжая оказывать сопротивление на Тальяменто, начал думать об общем отходе за Пиаве, оборону которого он предполагал возложить на 3-ю и 4-ю армии.

В это время Кадорна настолько опасался скорого наступления на фронте в Трентино, что предложил командующему 3-й армией подготовить переброску одной группы войск в Бреш и другой — на Виченцу, образовав их путем выделения частей из первых же освободившихся соединений.

С австро-германской стороны. На севере австрийская 10-я армия наступала на верховья Тальяменто. На юге группа армий Бороевича, за которой очень медленно поспевали ее артиллерия и службы, уже запоздала на сутки против плана. 2-я армия Изонцо выходила на Кормонс, выдвинув правый фланг уступом вперед к югу от Удине. 1-я армия Изонцо застряла при переправе через Изонцо, очень затрудненной паводком.

В центре из двух группировок 14-й армии правая теснила противника к Пинцано, левая готовилась наступать на Кодроипо и Латизану.

30 и 31 октября

30 октября кризис итальянской армии достиг своей кульминационной точки. На севере укрепления, сооруженные к востоку от Рагоньи, значительно способствовали прикрытию отхода. Но южнее, за отсутствием прочной предмостной позиции перед Кодроипо, положение становилось все более трагическим. И только 31 октября утром остатки итальянской армии окончательно переправились через Тальяменто.

За эти два дня австро-венгерская армия опрокинула арьергарды противника и захватила огромное количество пленных и трофеев; однако ей не удалось ни переправиться через реку, ни отрезать 3-ю армию противника от мостов через Нижний Тальяменто.

Нечеткая форма операций за 30 и 31 октября объясняется распоряжениями, отданными 29-го вечером командующим 14-й армией, который преследовал одновременно две цели: с одной стороны, Белов хотел возобновить атаку открытой силой на мосты через Тальяменто, чтобы как можно скорее получить возможность начать преследование противника на правом берегу; по его мнению, уничтожения итальянской армии можно было добиться только таким путем; с другой стороны, он желал в то же время провести обходный маневр на Латизану. Но этот второй маневр является уступкой с его стороны по отношению к другому замыслу, зародившемуся у генерала Хофакера.

По мнению Хофакера, после неудачи внезапной атаки не надо было больше задерживать войска для захвата открытой силой переправ через Тальяменто. Наоборот, надо было попытаться уничтожить итальянскую 3-ю армию, пока она еще находилась на восточном берегу реки, а для этого немедленно бросить все свободные силы наперерез путям отступления противника, в направлении на Латизану. С этой целью генерал Хофакер по собственной инициативе прекратил 29-го пополудни дальнейшие попытки форсировать реку. Более того, посоветовавшись с начальником штаба 14-й армии генералом Крафтом, который в принципе согласился на этот план при условии утверждения его Беловым, Хофакер приказал обеим своим дивизиям (200-й и 26-й) и 5-й и 1-й дивизиям корпуса Скотти приготовиться немедленно дви-

таться на мосты в Латизане, где лежал последний [1] путь отступления, которым могла бы пользоваться итальянская армия, начиная со следующего дня.

Эти распоряжения уже начали приводиться в исполнение, когда Белов вернулся в свой штаб, в Чивидале. Ознакомившись с обстановкой, он отверг точку зрения генерала Хофакера и, оставаясь верным своему замыслу глубокого маневра окружения итальянской 3-й армии, счел за лучшее двигаться как можно скорее прямо за Тальяменто. Поэтому он приказал корпусу Хофакера возобновить на следующий день своими обеими дивизиями атаки в западном направлении и форсировать реку.

Однако замысел генерала Хофакера все же казался ему заслуживающим внимания на случай, если намеченные атаки будут безуспешны. И он приказал двум дивизиям корпуса Скотти, усиленным 117-й дивизией, свернуть на следующее утро в направлении на Латизану.

На Латизану, таким образом, должны были в конце концов наступать три дивизии, т. е. почти столько же, сколько предполагалось по замыслу Хофакера, который намечал для этого четыре дивизии.

Однако, если в отношении численности сил обе операции можно сравнить между собой, то по существу они были очень различны: по замыслу Белова, тактический результат был попрежнему подчинен стратегической (оперативной) цели и удар был направлен с северо-востока на юго-запад. По мысли же Хофакера, следовало добиваться немедленного тактического успеха: удар был направлен с севера на юг перпендикулярно к путям отступления противника, т. е. в наиболее действительном с тактической точки зрения направлении.

В статье, опубликованной в 1921 г. [2], Хофакер утверждает, что осуществление его плана привело бы 14-ю армию к решающему успеху «в стиле сражения под Каннами». С этим можно спорить. Маневр, задуманный Хофакером, несомненно, дал бы крупные результаты при наличии войск, оснащенных всей современной техникой. Но в 1917 г. наступавшие германские войска имели мало артиллерии, снарядов и были численно слабы. Кроме того, очень закрытая местность с размокшим от дождей грунтом была довольно неудобна для быстрого преследования. При таких условиях маневр Хофакера, несомненно, увеличил бы общую растерянность в рядах итальянской армии, но нельзя утверждать, как это делает Хофакер, что немцы дошли бы до шоссе на Латизану.

Если же предположить, что австро-германская 14-я армия была бы хорошо оснащена для преследования, то приходится признать также, что в этом случае Белов мог бы форсировать Тальяменто. А тогда его маневр был бы еще более действительным, чем маневр

---

[1] Генерал Хофакер не знал о существовании пловучего моста в Мадризио, который благодаря понижению уровня воды в реке снова сделался проходимым.

[2] Генерал Хофакер, Кризис итальянской армии в октябре 1917 г. Журнал «Милитер Вохенблат», 1921 г., № 12.

Хофакера, так как он имел целью добиться в стиле Шлиффена охвата флангов противника во всю глубину группировки последнего.

Как бы то ни было, приказ генерала Белова на 30 октября сводится к следующему.

Рубеж наступления для корпусов Крауса, Штайна и Хофакера — правый берег р. Тальяменто от подножия Карнийских Альп до Сан-Вито (к западу от Кодроипо).

Объект наступления корпуса Скотти — Латизана. В течение дня корпус Крауса довольно медленно, как и накануне, продолжал наступательный марш в западном направлении. В своем труде, посвященном описанию операции[1], генерал Краус выражает сожаление по поводу того, что в эти дни он лично не выезжал достаточно далеко вперед и, следовательно, не мог наилучшим образом направлять свои колонны и ускорять их движение.

Егерская дивизия, которая должна была овладеть горой Симсоне и фортом Феста на западном берегу Тальяменто, не смогла переправиться через реку, ввиду разрушения моста в «Станционе-перля-Карния». 22-я дивизия нащупывала переправы в Озонно и Венцоне. Остальные части корпуса Крауса выступали с линии Джемона, Тарченто и натолкнулись на предмостную позицию у Карнино.

Южнее часть группы Штайна натолкнулась на предмостную позицию у Пинцано. 12-й дивизии удалось искусным охватывающим маневром взять деревню Сан-Даниэле, но ее атака на Ратонью не имела успеха.

Почти везде до моста в Дэлиции германские войска вышли на берег Тальяменто, но все их попытки переправиться через реку были тщетными: правый берег занят противником, а понтонных парков не было[2]. «Альпийский корпус» был подтянут к северу, но и следующий день его тяжелая артиллерия не в состоянии была подготовить атаку моста в Пинцано.

Впрочем, все внимание командования было сосредоточено в этот день на Кодроипо. На этом участке фронта положение группы Ферреро и итальянских арьергардов стало совершенно критическим не только вследствие их удаленности от Тальяменто, но и, главным образом, ввиду слабости предмостной позиции перед Кодроипо.

Итальянской армии удалось избежать смертельной опасности только благодаря имевшейся в этот день несогласованности действий 14-й армии и 2-й армии Изонцо и потому, что для спасения армии некоторые части ее, и в том числе 1-я кавалерийская дивизия, были полностью принесены в жертву.

Согласно распоряжениям, полученным в ночь с 29-го на 30-е и отменявшим прежние его распоряжения, генерал Хофакер снова двинул:

— с одной стороны, 200-ю дивизию — в направлении на разрушенный мост в Дэлиции;

---

[1] Генерал Краус, Чудо под Карфрейтом.

[2] Германское командование слишком поздно задумалось над задачей переправы через реки. Только 24 октября оно распорядилось перебросить понтонные мосты из Румынии. Перевозка их началась только 28 октября.

— с другой стороны, 26-ю дивизию — в направлении на железнодорожный мост у Кодроипо.

Наступление 200-й дивизии в направлении на Дэлицию закончилось только захватом большого количества пленных (около 12 000 человек). В направлении на Кодроипо произошли более сложные события.

Заторы вокруг этого местечка стали совершенно безнадежными. Теперь уже не только дороги были забиты повозками, двигавшимися в 3—4 ряда. Весь прилегающий район был сплошь покрыт бесчисленными повозками, орудиями, зарядными ящиками, пулеметами, автомобилями, грузовиками, полевыми госпиталями, понтонными повозками, застрявшими в грязи и брошенными. Огромное количество солдат, отбившихся от своих частей, тесно перемешалось с уходившим в тыл гражданским населением. Беспорядок был такой, что всякая воинская часть, отважившаяся вступить в этот район, подхватывалась волной, уносилась ею и неизбежно разлагалась.

Организация обороны предмостной позиции у Кодроипо оставляла желать много лучшего. Особенно нечетко и путанно было организовано там управление: имелось много лишних командных органов, порядок подчинения не был точно определен. Так, до 28 октября ближней обороны мостов почти не существовало. 28-го она была возложена на группу силой около 4 000 человек, принадлежавших к самым разнообразным частям. Днем 29-го командование предмостной позицией переходило последовательно к генералам Фантони и Альмарди, которые сами были подчинены третьему начальнику — генералу Латини. На последнего же была возложена оборона Тальяменто на всем фронте 3-й армии. 30 октября были произведены новые изменения: была организована оборона второй линии под командованием генерала Грациоли и первой линии, возложенная на генерала Альмарди. Но между ними не было никакой связи и согласованности действий: командующие первой и второй линиями обороны все время игнорировали друг друга. Добавим, что задача подрыва мостов попрежнему лежала на генерале Латини.

30 октября утром вторая линия обороны была занята одной только 59-й дивизией 8-го корпуса. Эта дивизия, поддержанная несколькими орудиями тяжелой артиллерии, занимавшими позиции на правом берегу реки, была расположена фронтом на восток, в направлении на Удине. Между тем ей предстояло выдержать атаку, направленную с севера. Правда, было намечено усилить эту дивизию дивизией 4-го корпуса, которая должна была подойти 30-го вечером. Но вследствие царившего в этот день смятения она сбилась со своего маршрута. Однако даже если бы она прибыла на место назначения, это мероприятие оказалось бы запоздалым, так как 30-го вечером Кодроипо был уже потерян итальянцами.

В такой обстановке германская 26-я дивизия двинулась в общем направлении на железнодорожный мост у Кодроипо. Наступление, направленное с севера на юг, вело в тыл обороны, и на-

ступавшие войска быстро проникли до железнодорожной линии, создавая вокруг себя атмосферу настоящей паники. Моральное состояние частей обороны и без того подорванное в результате поражения дошло до крайней степени упадка. Около 13 часов, когда горсть атакующих устремилась к мосту, итальянцы взорвали его.

После этого итальянская 59-я дивизия сосредоточилась вокруг Кодроипо, куда подходили вперемежку части 24-го и 8-го корпусов и всякие другие элементы. Городок стал ареной ожесточенного уличного боя, дома брались приступом один за другим. К наступлению темноты германская 26-я дивизия овладела местечком, захватив за день огромную добычу и 15 000 пленных.

Мосты у Кодроипо были потеряны, и в распоряжении группы Ферреро остались только мосты в Мадризио и Латизане.

Со своей стороны, корпус Скотти, выполняя распоряжение генерала Белова, двинулся утром в общем направлении на Латизану: 5-й дивизией — по оси Бассальяпента, Равиньянно, 117-й — по оси Удине, Поццуоло, 1-й — южнее, на Мортэльяно.

Но это движение встретило двоякого рода затруднения. С одной стороны, корпус Скотти наткнулся на итальянские арьергарды. Действительно, чтобы обеспечить в течение дня 30 октября оборону Кодроипо, генерал Ферреро приказал 24-му корпусу удерживаться еще целый день к востоку от линии Бассальяпента, Мортэльяно в тесной связи с 3-й армией. Он даже приказал 8-му корпусу подождать с посылкой еще одной дивизии на Кодроипо, рассчитывая заменить ее там дивизией 6-го корпуса [1] и контратаковать силы противника с левого фланга, наступая фронтом к северу, в направлении на Пазиан. С другой стороны, наступлению группы Скотти очень помешали трения, возникшие в связи со вступлением в дело 2-й австрийской армии Изонцо.

Еще 29-го австрийское командование юго-западным фронтом установило для 2-й армии Изонцо в качестве северной границы линию (иск.) Удине, Бонцикко. Так как в этот день 2-я армия Изонцо находилась еще далеко позади и на Кодроипо могла наступать только 14-я армия, этот приказ практически еще не повлек за собой нежелательных последствий. Но 30-го утром 2-й корпус, составлявший крайнюю правофланговую группу 2-й армии Изонцо, вышел своими 28-й и 57-й дивизиями на линию Бутрио. Ссылаясь на полученные распоряжения, командир 2-го корпуса тотчас же сам обратился к генералу Белову и потребовал, чтобы корпус Скотти очистил полосу наступления, отведенную его корпусу.

Генерал Белов обратился к австрийскому командованию, получил от него уверение, что 2-я армия Изонцо примет участие в наступлении на Латизану, и тогда согласился уступить место. Он

---

[1] Но эта дивизия также не смогла своевременно прибыть к Кодроипо, что доказывает, насколько трудно изменять во время отхода распоряжения, уже приводящиеся в исполнение.

задержал движение 117-й и 1-й дивизий в юго-западном направлении и перевел их к северу от шоссе из Удине. Однако 5-я дивизия, выдвинувшаяся уже далеко вперед, должна была продолжать наступление на Латизану.

Как видим, день 30 октября был отмечен во всем этом районе довольно большой путаницей.

Вследствие неожиданного изменения направления движения дивизий корпуса Скотти на юго-запад контратаки итальянского 8-го корпуса оказались направленными не во фланг противника, а приняли форму фронтальных атак и остались безрезультатными.

Путаница с обеих сторон привела к сложным и неясным столкновениям, в которых противники иногда оказывались как будто в плену друг у друга. Произошло несколько кровопролитных, но отнюдь не решительных боев (например у Поццуоло и у Склауникко).

В ночь с 30-го на 31-е остаткам еще не расстроенных итальянских сил удалось отойти: 1-й кавалерийской дивизии и части 24-го корпуса — через Мадризио, другой части этого корпуса — через Латизану.

В итоге австро-германская операция на Латизану, решенная слишком поздно, предпринятая недостаточными силами и задержанная во время исполнения, не привела к ожидаемым результатам. День 30 октября не принес решающих результатов и генералу Белову, так как им не была захвачена ни одна переправа через Тальяменто.

На 31 октября командующий 14-й армией в принципе сохранил объекты наступления, указанные на 30 октября:

— корпусу Крауса — мост в Корнино, дальнейшее направление — на Сачиле;

— корпусу Штайна — мост в Пинцано, дальнейшее направление — на Порденоне;

— корпусу Хофакера, усиленному теперь 5-й дивизией,— мосты у Кодроипо;

— корпус Скотти получил приказ снова наступать в общем направлении на Латизану, какие бы неудобства ни вытекали из этого для 2-й армии Изонцо, «так как было бы преступлением оставить неиспользованной возможность уничтожить итальянские силы, задержавшиеся на левом берегу».

Выполняя эти распоряжения, генерал Хофакер силами 26-й дивизии пытался ночью форсировать реку у Кодроипо. Возобновил он эту попытку и 31-го на рассвете. В это время было обнаружено, что понтонный мост, имевшийся ниже железнодорожного моста, остался неповрежденным. Атакующие войска попытались переправиться по нему, но снова потерпели неудачу как вследствие огня противника с правого берега, так и из-за большой скорости течения. В ночь с 31 октября на 1 ноября попытка форсировать реку была повторена несколько выше.

200-я дивизия была нацелена по инициативе генерала Хофакера на юг, в общем направлении на Латизану, а 5-я дивизия

направлена вброд у Вармо (несколько севернее Мадризио), куда и подошла к наступлению темноты.

Что касается корпуса Скотти, то едва он двинулся с места, как командир австрийского 2-го корпуса снова потребовал, чтобы ему уступили эту полосу движения. Генерал Крафт был вынужден отдать австрийскому корпусу категорический приказ остановиться. 117-я дивизия дошла к вечеру до Мадризио, не встречая сопротивления, 1-я дивизия, задержанная вследствие перекрещивания колонн, не дошла до Тальяменто.

Наконец, авангард 1-й армии Изонцо после оживленного боя ворвался в Латизану.

Тем временем конфликт между 14-й армией и 2-й армией Изонцо не только не был улажен, но принял еще более резкую форму. Командир австрийского корпуса донес, что он не может подчиниться решению генерала Крафта, что он отдает приказ своим войскам вступить, «если нужно, силой» в полосу, отведенную его корпусу, и что он примет командование над всеми частями, находящимися в этой полосе.

Белов снова не без труда установил связь с командующим юго-западным фронтом и в конце концов добился обещания, что 2-я армия Изонцо будет оставаться на месте до 1 ноября, чтобы дать 14-й армии время соответствующим образом изменить направление движения. Однако извещение об этом соглашении не дошло до 2-й армии, так что 31 октября командующий этой армией еще заготовлял общий приказ о наступлении на Кодроипо, тогда как это местечко с 30-го уже находилось в руках немцев, а вся группа Хофакера (26, 200 и 5-я дивизии) была развернута вдоль Тальяменто даже южнее Кодроипо.

В общем итоге 31-го вечером обстановка представлялась в следующем виде.

С австро-германской стороны:

— на севере группа армий Конрада начала наступать в направлении на Кортина д'Ампеццо по пятам итальянской 4-й армии и в связи с австро-венгерской 10-й армией, наступавшей на Верхний Тальяменто;

— на юге 2-я армия Изонцо нацеливалась в общем направлении на Кодроипо, а 1-я армия Изонцо заняла Латизану;

— в центре 14-я армия почти всюду вышла на берег Тальяменто, за исключением предмостных позиций у Пинцано и Латизаны, но цель, намеченная этой армией с 27 октября, еще не была достигнута: ей еще нигде не удалось переправиться через реку; а с этим необходимо было спешить, так как имелись основания думать, что противник предполагает теперь отходить на Пиаве.

Таким образом, оставалось осуществить операцию форсирования реки, требующую планомерных действий и более обильных средств.

С итальянской стороны катастрофа приняла огромные размеры. Но 26 октября можно было опасаться, что она окажется полной и непоправимой.

Между тем не все было потеряно. Остановка на Тальяменто несколько улучшила моральное состояние войск и позволила снова взять их в руки.

Суждено ли было этой остановке оказаться окончательной или только временной?

ВТОРОЙ ПЕРИОД — ОТ ТАЛЬЯМЕНТО ДО ПИАВЕ

(1—10 ноября)

Австро-германская 14-я армия внезапным ударом захватила переправу через Тальяменто в районе Корнино. Это заставило итальянское главное командование отдать 4 ноября приказ об отходе, который оно уже заготовило, но задерживало отдачей. Отход с фронта Тальяменто повлек за собой отход 4-й армии, оказавшейся в тупике на Верхнем Пиаве (схемы 12 и 14).

Новый итальянский рубеж сопротивления был образован теперь нижним течением р. Пиаве и массивом горы Граппа, откуда он шел на плато Семи Общин (Семи коммун), удерживаемое итальянской 1-й армией.

Преследование было предпринято четырьмя австро-германскими армиями. Из них 14-я армия очень искусно усилила свою правофланговую группу, чтобы отрезать итальянскую 4-ю армию и быть в состоянии, выйдя от Беллюно на Фельтре, охватить с западного берега всю оборону Пиаве.

Отход итальянцев по равнине протекал при удовлетворительных условиях. Но в Карнийских Предальпах был взят в плен 12-й корпус, а арьергард итальянской 4-й армии был отрезан в Лонгароне одной из дивизий 14-й армии, пришедшей сюда напрямик через горы.

10 ноября итальянские армии устраивались для обороны на линии гора Граппа, Пиаве.

Если рассуждать теоретически, район, на который распространяется влияние понесенного на Верхнем Изонцо крупного поражения, ограничен рекой Тальяменто. Иначе говоря, когда армии отошли на Тальяменто, главное командование могло вновь получить свободу действий. Таким образом, стратегические (оперативные) последствия итальянского поражения должны были найти себе естественный предел на Тальяменто.

Но 2-я армия утратила боеспособность: ее огнеприпасы были израсходованы, моральное состояние падало, а численный состав уменьшился больше чем наполовину. Армии герцога Аоста, если бы ее можно было даже целиком использовать для обороны на Тальяменто, трудно было бы держать своими четырьмя корпусами фронт протяжением в 75 *км* за рекой, текущей по широкому гравийному руслу, разделенной на множество рукавов и проходимой вброд на большей части своего протяжения.

Кроме того, опасность, представлявшаяся в данный момент наиболее серьезной, грозила не с востока, а скорее со стороны Трентино: перейдя в наступление, фельдмаршал Конрад мог угро-

жать окружением трем четвертям итальянских сил. Следовательно, самое главное заключалось теперь в том, чтобы быть в состоянии предотвратить опасность такого наступления. Вот почему генерал Кадорна вынужден был подумать о дальнейшем отходе.

На какой же рубеж надо было отойти, чтобы организовать там сопротивление?

«Надо было, — пишет Кадорна, — отойти на такой оборонительный рубеж, который обеспечивал бы каждой армии, в случае прорыва трентинского фронта, самостоятельную ось отхода в направлении на Нижний и Средний Адидже».

Линия Беллюно, Витторио Венето, р. Ливенца не удовлетворяла этому условию, так как требовала оставления 4-й армии в Кадоре. Поэтому ее пришлось отвергнуть.

Линия Баккильоне, Нижняя Брента удовлетворяла этому требованию, но на ней не было подготовлено никаких укреплений. К тому же отход на нее повлек бы за собой оставление Венеции, т. е. непоправимую потерю с моральной и военно-морской точек зрения.

Линия Среднего и Нижнего Адидже, дополненная обширным районом искусственных наводнений к югу от Вероны, представляла бы очень сильную естественную позицию. Но, помимо оставления в руках противника обширного богатого края, отход на нее был бы связан с серьезными опасностями: для армий Трентино — в связи с неизбежным опасным отходом; для армий Изонцо — с чрезмерно продолжительным отступлением, нежелательным в виду их материального и морального состояния; для всей страны — с потрясением, могущим иметь тяжкие последствия. Этого нельзя было допустить.

Поэтому, если отход и был необходим, то остановиться следовало не дальше, чем на линии: правый берег Пиаве, гора Граппа, а оттуда связаться с плато Азиаго. Этот оборонительный рубеж был еще в мирное время неоднократно обследован. Около 1890 г. тогдашний начальник итальянского генерального штаба генерал Козенц выбрал его для прикрытия сосредоточения итальянской армии, так как железнодорожная сеть в Фриули не позволяла в то время выдвинуть район стратегического сосредоточения до Тальяменто.

Уже в 1912 г. самому Кадорне пришлось в качестве командующего армией разрабатывать план укрепления линии Пиаве. Учитывая это, он и предложил перенести оборону с левого берега реки на правый, а также занять гору Граппа.

Позднее, уже в качестве начальника генерального штаба, он имел случай снова оценить все значение Пиаве. В 1916 г., после австрийского наступления в Трентино, он приказал начать строительство обширного укрепленного района к востоку от Тревизо и приступить к укреплению горы Монтелло. Что касается массива горы Граппа, то его роль естественного бастиона между путями вторжения по долинам Бренты и Верхнего Пиаве казалась Кадорне настолько важной, что он, в видах предосторожности, за-

благовременно приказал произвести на нем ряд работ, в том числе постройку канатной дороги, сооружение нескольких артиллерийских позиций, нескольких преград с проволочными заграждениями и пулеметными гнездами в скалистом грунте, а главное — прямой проезжей дороги от равнины до самой вершины (с запрещением продолжать ее на северном скате).

Во время своей инспекционной поездки между Брентой и Пиаве, в начале октября 1917 г., Кадорна еще раз подчеркнул важное значение, которое он придавал этому горному массиву; что бы ни случилось, «необходимо», — повторял он, — чтобы Граппа была неприступной».

Правда, линия Пиаве представляла одно серьезное неудобство: если взять весь фронт, тянущийся от горы Позубно, на берегу озера Гарда, до устья Пиаве, то все тыловые коммуникации этой обширной полосы сходятся на тесном пространстве, шириной около 50 *км*, между Виченцой и Падуей. Отсюда следует, что если бы противнику удалось прорвать фронт в каком-либо пункте, он угрожал бы тыловым путям всей оборонительной позиции.

Но это неудобство ослаблялось большой силой препятствий Пиаве и массива горы Граппа. Оно даже искупалось определенным преимуществом: в тылу такой позиции обороняющийся может держать свои резервы сосредоточенными на равнине и готовыми к переброске по радиальным путям на любой угрожаемый участок. Между тем наступающий вынужден разбивать свои резервы на три группы, лишенные путей сообщения вдоль фронта: одну — на плато Азиаго, другую — в котловине Фельтре, между Брентой и Пиаве, и третью — на равнине.

Линия Пиаве, гора Граппа представляла еще то огромное преимущество, что сокращало итальянский фронт с 600 до 350 *км*, из которых только, самое большее, 150 приходилось на полосу, допускавшую активные операции, т. е. от озера Гарда до моря. Кроме того, она позволяла сохранить Венецию — важнейшую базу военно-морского флота в верхней Адриатике.

Наконец, склоняясь к мысли о необходимости отступления, генерал Кадорна мог надеяться на то, что наступательный порыв противника ослабеет по мере его удаления от своих баз, тогда как итальянская армия использует для восстановления своих сил сроки, необходимые противнику для подготовки нового наступления.

Но Кадорна не мог в то же время не взвесить больших неудобств и опасностей, связанных с проведением такого глубокого отхода: оставление богатой венецианской равнины; потеря района, в котором находились электроцентрали, питающие электроэнергией северо-восточную Италию; риск, что его четыре армии, растянувшиеся по дуге круга, потеряют связь между собой и раздробятся во время трудного отступления по гористой местности; опасность оказаться на Пиаве с потерявшими боеспособность остатками армий, не способными обеспечить время, необходимое для оборудования новой позиции.

Ввиду этих противоречивых соображений начальник генерального штаба, у которого надежда сменялась тревогой, до 4 ноября колебался, не зная, какое окончательное решение принять.

В ожидании часа, когда ему придется принимать решение, и на тот случай, что отход, о возможности которого он думал уже с 25 октября, станет неизбежным, он очень предусмотрительно и дальновидно приказал принять необходимые подготовительные меры. Последние в основном касались отхода тяжелой артиллерии, оборудования и занятия новой оборонительной линии, обеспечения спаянности и прикрытия армий во время отхода.

Напомним здесь, что еще 25-го вечером 3-й и 4-й армиям было предложено отвести свою тяжелую артиллерию за Пиаве и что 27-го утром 4-я армия получила приказ отойти на «желтую линию», чтобы войти в тесную связь с 12-м корпусом. Кроме того, 4-я армия получила предупреждение, что ей, вероятно, придется в будущем взять на себя оборону горы Граппа.

Когда общая обстановка ухудшилась, Кадорна сообщил 29-го вечером о своем намерении отойти, если это окажется необходимым, на линию «правый берег Пиаве, гора Граппа» и занять эту линию 3-й и 4-й армиями со стыком у Приульского моста, отведя остатки 2-й армии во вторую линию.

Ввиду опасности, грозившей со стороны Трентино, он наметил также переброску группы войск из 3-й армии на Бреш и Виченцу.

Однако он указал, что впредь до нового распоряжения 2-я и 3-я армии должны удерживаться на фронте Карнийские Предальпы, правый берег Тальяменто.

Но 30 октября его тревога за положение в Трентино настолько усилилась, что он приказал 3-й армии спешно погрузить на железную дорогу первое же свободное крупное войсковое соединение для переброски его в район Бреши [1].

Однако такое значительное ослабление 3-й армии, в связи с все возрастающим разложением 2-й армии, грозило вскоре сорвать всю оборону на Тальяменто. Поэтому Кадорна все более склонялся к мысли, что дальнейшего отхода избежать не удастся. Вот почему он постарался прежде всего усилить линию Пиаве, расположив на ней между Приульским мостом и Видором союзную франко-английскую армию (этот приказ был, впрочем, отменен, и 4-я армия растянулась вправо до первоначально указанной ей границы — Приулы).[2].

---

[1] В действительности, выделенный корпус по прибытии его в Бреш не пришлось посылать в долину Джудикарии, как первоначально предполагалось, так как безопасность этого района, в котором к тому же никакого наступления не последовало, была обеспечена первыми прибывшими французскими войсками (генерал Кадорна, Мемуары).

[2] Первый контингент французских войск, отправленный в Италию по постановлению французского правительства от 27 октября, состоял из четырех дивизий, которые начали переезжать через границу 30-го, и из соответствующего количества тяжелой артиллерии. За ним последовали две, а затем четыре английские дивизии.

Еще 26-го, даже до того момента, когда Кадорна попросил помощи у союзников, Фош, в качестве начальника генерального штаба, телеграфировал ему:

В то же время Кадорна отдает самые подробные указания относительно оборудования новой оборонительной линии: ее связи к югу — с крепостью Венецией, к северу — с 1-й армией, крайний правый фланг которой будет отогнут назад, распределения сил, эшелонирования артиллерии в глубину, образования нескольких групп тяжелой артиллерии, заблаговременной высылки на позицию по одной бригаде от каждого корпуса и 54 пулеметных рот, наконец, образования общего резерва в составе 12-го корпуса и 2-й армии.

На другой же день, 31 октября, он попрежнему, в предвидении общего отступления, послал всем армиям директивы о проведении отхода: расчленение эшелонов, задачи арьергардов, распределение и оборудование маршрутов. Он обращался особенно к 4-й армии, которой пришлось бы пройти самое большое расстояние, так как она была бы вынуждена вести всю свою правофланговую группу по единственной дороге Лонгароне, Понтэ-нелле-Альпи, а следовательно, подверглась бы опасности быть отрезанной. Он приказал ей самым тщательным образом подготовить движение, которое должно было привести ее, в связи с левым флангом 2-й армии, с «желтой линии», на правый берег Пиаве.

Но в тот же день он снова напомнил 2-й и 3-й армиям, что их задача заключается в том, чтобы устроиться для обороны на правом берегу Тальяменто. Он даже приказал держаться до конца на предмостной позиции у Рагоньи, еще занятой на левом берегу, так как два прикрываемых ею моста должны быть взорваны только в момент угрозы захвата их противником. Он собрал свои четыре кавалерийские дивизии [1] и образовал из них выделенный в резерв

«Французское правительство сообщает вам, что, если вам нужны наши войска, мы готовы выступить».

Фош прибыл в итальянскую главную квартиру в Тревизо 30 октября. Туда же приехал и Робертсон.

В разговоре, который они вели с Кадорной, последний высказал мнение, что ему понадобится до двадцати союзных дивизий.

Чтобы рассеять всякие недоразумения и четко разграничить взаимную ответственность, Фош и Робертсон указали в записке, врученной Кадорне, что «союзные силы могут явиться лишь поддержкой для итальянской армии, которая остается ответственной за оборону своей территории». Они добавили: «Таким образом, судьба Италии зависит от образа действий и стойкости итальянской армии». План использования франко-английской армии на фронте был отвергнут. Было решено сосредоточить ее дальше в тылу.

Фактически она была введена в дело только в начале декабря. Выгрузка четырех французских дивизий продолжалась с 30 октября по 14 ноября; выгрузка четырех британских дивизий была закончена во второй половине ноября.

С 5 по 7 ноября в Рапалло состоялась конференция глав правительств (Пенлеве, Ллойд Джорджа и Орландо), которая привела к первой попытке координации военных действий союзников на Западном фронте. Затем военные представители (Фош, Робертсон, Кадорна) предложили увеличить французские и английские подкрепления; Франция послала еще две дивизии, а Англия — одну, выгрузка которых закончилась 2 декабря. 10-я франко-английская армия состояла из одиннадцати дивизий (шести французских и пяти британских).

[1] Это были 1-я и 2-я кавалерийские дивизии, проделавшие отступление и очень потрепанные, и 3-я и 4-я кавалерийские дивизии, находившиеся до сих пор в глубоком тылу.

корпус, предназначенный для обороны реки. Наконец, он отменил приказ о перевозке корпуса из 3-й армии в район Бреши, где выгружалась французская дивизия.

2 ноября его директива еще оптимистична. «Нажим противника, — писал он, — повидимому, ослабевает. Необходимо возможно дольше задержаться на Тальяменто, а при благоприятных для нас обстоятельствах окончательно остановиться там».

К сожалению, этой надежде было суждено тотчас же рассеяться: 3 ноября Кадорна узнал, что противник захватил внезапным ударом переправы через реку в Корнино и в Валериано. Этот успех сорвал оборону всей линии Тальяменто.

Тогда он принял решение. В тот же день он представил председателю совета министров [1] свой известный доклад, в котором указал на близкую опасность и на необходимость отхода.

4-го обстановка еще ухудшилась: противник захватил к западу от реки дефиле Палюдэа (на шоссе, идущем вдоль подножия Карнийских Альп).

Остается рассмотреть события, которые привели 4 ноября к прорыву заградительной линии Тальяменто и от которых зависело в период с 1 по 4 ноября решение генерала Кадорны.

Бои с 1 по 4 ноября

(Схема 14)

Как мы уже говорили, 31 октября вечером австро-германцы находились на берегу Тальяменто от устья реки до Тольмеццо. Напротив них итальянцы удерживали правый берег реки частями, избежавшими катастрофы, — 3-й армией — к югу, 2-й армией — к северу от Кодроипо.

На фронте 2-й армии с вечера 30 октября был расположен «корпус особого назначения Джорджо», который был самым крепким соединением в этой армии. Тем не менее боеспособность этого соединения была относительно невысока вследствие неоднородности его состава и его импровизированной организации.

Корпус особого назначения имел следующий состав:

20-я дивизия — от (иск.) Тразагиса до моста (вкл.) в Понтаиббе (один полк — в Корнино и бригада «Ломбардия» — между Корнино и Тразагисом);

33-я дивизия — между Понтаиббой и окрестностями Бонцикко (ее бригада «Болонья» продолжала удерживать Рагонью на левом берегу реки);

16-я дивизия (временно приданная) — в резерве.

Штаб корпуса находился в Травезио.

Этот корпус, штаб которого был спешно сформирован совершенно заново (из случайно собранных офицеров генерального штаба, личного состава служб, телефонистов, автомобилистов, принадлежавших к самым различным частям и соединениям), занимал, таким

[1] Орландо, сменившему премьер-министра Бозелли после министерского кризиса 26 октября.

образом, фронт свыше 20 *км* при составе около 8 000 штыков и 80 орудий самого разнообразного калибра и с очень незначительным запасом огнеприпасов.

На него-то и был направлен главный удар германской 14-й армии.

Левее корпуса особого назначения был расположен 12-й корпус, растянувший свои три дивизии на фронте от Тразагиса до района Ампеццо.

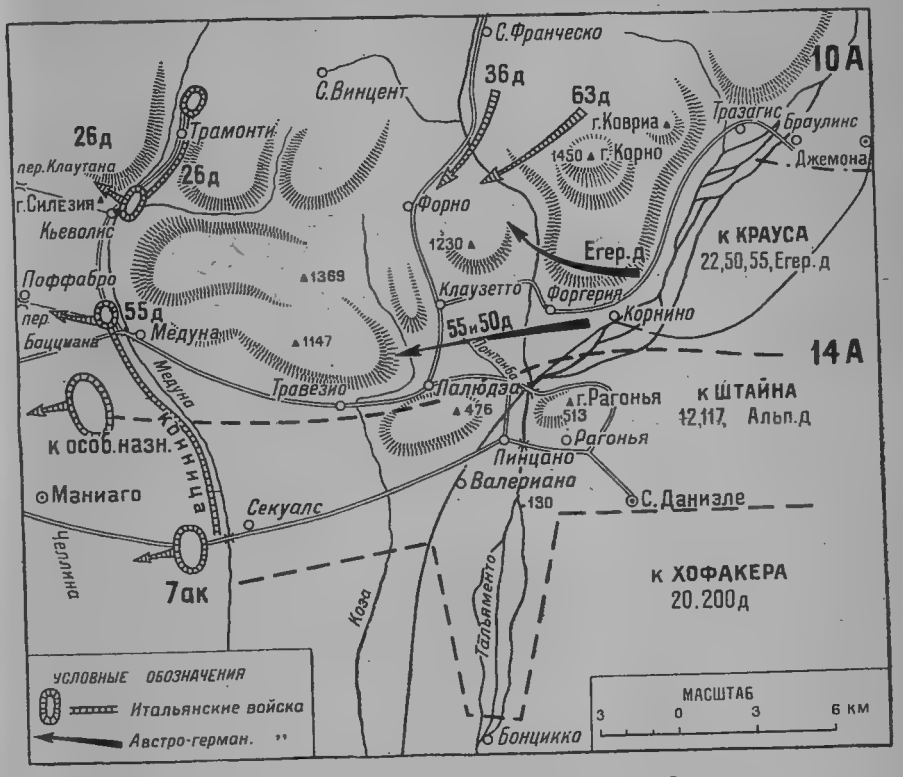


Схема 14. Район прорыва оборонительной линии на Тальяменто. Обстановка 4 ноября вечером.

Справа, в районе Порденоне, собирался кавалерийский корпус.

С австро-германской стороны приказ на 1 и 2 ноября был тот же, что и на предшествующие дни. Надо было на всем протяжении фронта попытаться форсировать реку: 26-й и 200-й дивизиям — у Кодроипо [1]; «Альпийскому корпусу» — у Бонцикко; 50-й и 12-й дивизиям — у Понтаибы, Пинцано; 55-й дивизии — у Корнино; егерской дивизии — у Тразагиса.

1 ноября утром 50-я и 12-я дивизии добились успеха; они захватили предмостную позицию у Рагоньи, которую упорно оборо-

[1] Только 3 ноября группа армий Бороевича заняла, наконец, свой фронт развертывания ниже Бонцикко.

няла в течение двух суток бригада «Болонья», растянувшаяся по фронту на несколько километров. Так как оба моста у Рагоньи были взорваны преждевременно, большая часть бригады попала в плен. К тому же один из этих мостов был взорван так неудачно, что противнику удалось за одни сутки исправить его для германской 12-й дивизии.

Все остальные атаки, предпринятые 1 и 2 ноября, оказались безрезультатными. Однако в ночь с 1 на 2 ноября 55-й дивизии удалось утвердиться на островке, разделяющем у Корнино надвое железнодорожный виадук длиной в 1 500 *м*. 30-го вечером итальянцы в минуту паники взорвали этот мост. Но поврежденным оказался только крайний западный береговой пролет.

День 2 ноября германцы затратили на подготовку переправы. Под прикрытием огня артиллерии они восстановили подорванный пролет. С наступлением темноты они предприняли атаку с ручными гранатами. Батальон, охранявший мост, не имел ни проволочных заграждений, ни осветительных средств. Переправа была захвачена. Немедленная итальянская контратака не имела успеха.

Напрасно итальянцы надеялись на действительность контратаки, которую должна была предпринять на рассвете бригада «Ломбардия». Этой бригаде приходилось обеспечивать фронт протяжением в 8 *км*, имея всего 4 000 стрелков, расположенных в две линии — у подошвы скатов и на гребне; ей нехватало средств связи; ее артиллерия (два полевых и один горный дивизион) была и слишком слаба и расположена слишком далеко. Утром эта бригада исчезла в одно мгновение ока, словно провалилась в пропасть»[1].

Германская 55-я дивизия спешно двинулась вперед, чтобы занять западные подступы к потоку Арцино. За ней последовала егерская дивизия. Южнее 12-я дивизия переправилась по восстановленному мосту в Понтаббе, и все эти силы немедленно двинулись в направлении на Травезио, расположенный у подножия гор.

Первым объектом на этом направлении было дефиле Палюдэа, куда подходит с севера дорога, по которой мог бы отойти 12-й корпус. Двинувшись с Арцино на Палюдэа, германская 55-я дивизия преградила ей все пути на юг.

Между тем 12-й корпус (штаб которого находился в Маниаго, слишком далеко от района боев) был еще целиком расположен в излучине Тальяменто развернутым на широком фронте: 53-й дивизией — от Тразагиса до горы Феста, 36-й и 26-й — выше по течению.

На этот корпус была возложена задача обеспечивать фронтом на север левый фланг 2-й армии от нападений противника. Выполнив ее, он должен был, в случае получения приказа об отступлении, отходить на р. Челлина: 63-й и 36-й дивизиями — через ущелье Арцино на Палюдэа и Клаузетто, а 26-й дивизией — севернее, чтобы прикрывать фланг 4-й армии. Но корпус не

---

[1] По выражению официального донесения.

успел еще начать эти движения, как германская 55-я дивизия уже вышла на дорогу Корнино, Палюдэа.

3 ноября около полудня командующий 2-й армией генерал Монтуори приказал 12-му корпусу начать в намеченном порядке отход через Клаузетто и Палюдэа и, если нужно, пробиться на равнину, атаковав с правого фланга противника, двигавшегося на Палюдэа.

Чтобы спасти 12-й корпус и вместе с тем чтобы фланг армии попрежнему оставался опертым о горы, он в то же время приказал корпусу особого назначения сосредоточить все свои свободные части на Палюдэа.

Впрочем, по мысли Монтуори, надо было только обеспечить непосредственное прикрытие дефиле. Но гораздо более действительным могло бы быть общее итальянское контрнаступление на Корнино. Однако в данной обстановке его, вероятно, слишком трудно было организовать; вопрос о нем даже не поднимался.

В это время Кадорна, находившийся со своим штабом в Тревизо, узнал, что противник не только переправился через Тальяменто под Корнино и наступает на Палюдэа, но что, благодаря общему понижению уровня воды, ему удалось форсировать реку в Валериано ниже Пинцано. А это значило, что линия Тальяменто была непоправимо прорвана на важнейшем участке ее стыка с горами.

Тогда Кадорна решил описать председателю совета министров материальное и моральное состояние итальянских сил: «2-я армия потеряла 180 000 пленными, 400 000 человек рассеялись, людская масса утратила моральную устойчивость («moral mente stibrata»). Он показал премьеру «исключительную опасность, которую могло представить наступление противника на фронте Трентино, вероятность отступления на Пиаве, а также опасность, связанную с этим отступлением». Наконец, отбрасывая предположение об отходе до Адидже, он в следующих выражениях сообщает о своих намерениях: «Если мне удастся отвести 3-ю и 4-ю армии в полном порядке, я намереваюсь сыграть свою последнюю карту на Пиаве и ждать там решительного сражения».

На следующий день, 4 ноября, корпус особого назначения тщетно пытался обеспечить стык между 12-м корпусом и 2-й армией. 12-му корпусу не удалось пробиться на равнину. Противник утром занял Палюдэа, а вечером Травезио. Всей линии Тальяменто, включая и фронт 3-й армии, грозил обход.

После потери Палюдэа Кадорна отдал приказ об отступлении, которое должно было начаться в ночь с 4-го на 5-е. На всех позициях было намечено следующее расположение:

на фронте:

3-я армия — линия фронта от моря до Приульского моста;

4-я армия — от Приульского моста до р. Бренты, через гору Граппа;

в резерве в ближайшем тылу

— главные силы 2-й армии.

Как оборудование самой линии Пиаве, так и отход были тщательно подготовлены.

Порядок отхода был обусловлен следующими соображениями. 2-й и 3-й армиям приходилось отступать на разные расстояния. Их исходная линия на Тальяменто и их конечный рубеж на р. Пиаве были определенно направлены в разные стороны. Таким образом для этих армий отход принимал форму отхода на широком фронте назад и влево.

Что же касается 4-й армии, то ее фронт постепенно сокращался, но так как ее правофланговому (1-му) корпусу предстояло пройти большее расстояние, то он и должен был начать отход первым и быстро провести его.

Отданные сообразно этому распоряжения сводятся, в основном, к следующему.

1. Движение 3-й и 2-й армий должно совершаться поэшелонно, начиная с левого фланга.

2. Оно будет прикрываться системой арьергардов, которые задерживаются, до получения соответствующего распоряжения, на рубеже Челлина, Казаре, Тальяменто, а затем — на последовательных рубежах р. Ливенцы и р. Монтикано.

Арьергард, отходящий вдоль подножия гор, должен иметь особенно сильный состав.

Обеспечение движения возлагалось на командующего 3-й армией, которому подчинялись все арьергарды, а также кавалерийский корпус.

3. Те корпуса 3-й армии, которые должны занять участок от Приульского моста до Понте-ди-Пиаве, обгоняют 2-ю армию на этом участке фронта. Точно так же в район Видора намечалось заблаговременно отправить группу самокатчиков, чтобы удерживать его до прибытия 4-й армии.

4. Связь обеспечивалась:

— между 2-й и 3-й армиями — по линии мост Дэлиция, Понте-ди-Пиаве (вкл. для 3-й армии).

— между 2-й и 4-й армиями — по линии водораздела Карнийских Альп, т. е. по линии: Рацце, гора Кридола, гора Дураннo, проход Нудо, гора Кавалло, Витторио Венето, Сан-Пиетро-ди-Филетто, Нервеза; поддержание соприкосновения между правым флангом 4-й армии и левым флангом 2-й возлагалось на 4-ю армию.

В этом отношении было указано, что хотя удержание перевала Мауриа и других второстепенных перевалов в принципе входит в задачу 2-й армии, пока 4-я армия не отойдет за Пиеве-ди-Кадоре (согласно директиве от 3 ноября), тем не менее ввиду тяжелого положения, в котором находится 12-й корпус, 4-я армия должна принять на своем правом фланге все необходимые меры обеспечения в восточном направлении. 4-я армия не должна была очищать дефиле в Понте-нелле-Альпи, пока арьергарды 2-й армии не отойдут за меридиан Витторио Венето.

Наконец, было предписано, что расписание движений отдельных армий вдоль указанных выше линий стыка должно быть

установлено по непосредственной договоренности между 2-й и 3-й армиями, с одной стороны, 2-й и 4-й армиями — с другой.

Все эти подготовительные и исполнительные распоряжения, отданные итальянским главным командованием для отхода на Пиаве, свидетельствуют о тактическом чутье и предусмотрительности генерала Кадорны. В смысле их ширины охвата и объективности они выгодно отличаются от всей совокупности мер, принимавшихся в течение последних недель, до 24 октября.

Однако даже в отношении периода отступления Кадорне ставят в упрек, например, то, что он без достаточных оснований удерживал предмостную позицию на левом берегу Тальяменто у Рагоньи и, таким образом, пожертвовал отличной бригадой, которая могла принести больше пользы, непосредственно обороняя переправы. Особенно же ему ставят в вину его колебания и слишком продолжительную остановку на Тальяменто.

Не подлежит сомнению, что затяжка остановки на Тальяменто имела роковые последствия для 12-го корпуса и правофланговой группы 4-й армии. Но основной целью Кадорны, целью, ради которой он, по его собственным словам, готов был всем пожертвовать, было прежде всего обеспечить организацию обороны на Пиаве. Для этого он должен был сначала восстановить порядок в группировке, осуществить эшелонирование соединений, увести в тыл обозы и имущество, разгрузить дороги, одним словом, выиграть время.

Эти доводы представляются неоспоримыми. В действительности же печальные условия, в которых оказалась оборона на Тальяменто, в значительной степени вытекали из другого, более раннего решения, принятого также Кадорной, а именно: из прискорбной отсрочки до 27 октября отдачи приказа об общем отступлении.

С другой стороны, иногда утверждают, что действительным автором плана обороны за Пиаве был не Кадорна, а Фош. Чтобы опровергнуть это утверждение, достаточно напомнить о том, как Кадорна лично интересовался позицией на Пиаве и до вступления Италии в войну и после начала военных действий, или хотя бы вспомнить его директивы, начиная с 25 октября, об отходе тяжелой артиллерии за эту реку.

Что прибытие французских подкреплений и приезд Фоша в итальянскую главную квартиру в Тревизо 30 октября оказали большое моральное влияние на итальянское общественное мнение и командование, не подлежит никакому сомнению. Но надо также сказать, что Кадорна и сам нашел бы в себе силу справиться с трагической обстановкой, создавшейся в результате внезапного удара под Капоретто.

Именно Кадорна выбрал Пиаве в качестве рубежа сопротивления, и этот выбор вполне оправдался, как показали сражение в июне 1918 г. и даже наступательное сражение в октябре 1918 г.

Кадорна же своевременно организовал оборону на этой линии и затем сумел занять ее войсками, отведя на нее свои расстроенные армии.

Австро-германский маневр после переправы через Тальяменто

Ввиду неудачи фронтальных атак на мосты Тальяменто (1 и 2 ноября) генерал Белов подумывал о том, чтобы захватить оборонительную линию, организовав на западном берегу реки маневр, направленный в тыл этой линии.

С этой целью он уже приказал генералу Краусу, который, видимо, спешил выйти из гор на равнину, наоборот, продвинуться в северном направлении, если нужно, до Тольмеццо. Кроме того, он предполагал предоставить в распоряжение австрийской 10-й армии штаб генерала Крауса с группой из двух дивизий, которые должны были наступать в общем направлении Лонгароне, Пиаве.

Когда 3 ноября Белов узнал, что 55-я дивизия внезапно захватила переправу у Корнино, он отказался от намерения действовать через Тольмеццо и решил немедленно предпринять организованное преследование противника, исходя из существующей группировки, чтобы не потерять ни минуты времени. Он только что захватил участок стыка между равниной и горами, нанося главный удар на своем правом фланге. Теперь он наметил сильной правофланговой же группой преодолеть следующие речные преграды и охватить последовательные арьергардные позиции, которые противник мог занять на равнине. Поэтому он немедленно указал в качестве ближайшего рубежа наступления линию Лонгароне, Витторио, Тецце — первый рубеж, на котором итальянцы могли бы возобновить сопротивление.

Кроме того, он установил следующую новую группировку и границы для своих соединений:

Корпус Крауса — 55-я, 50-я, егерская и 22-я дивизии. Полоса наступления — между линиями гора Феста, гора Читта и Пинцано, Витторио (дивизия «Эдельвайс» была передана в юго-восточную армию).

Корпус Штайна — 12-я и 13-я дивизии, «Альпийский корпус». Левая граница — линия Пинцано, Конельяно.

Корпус Хофакера — 17-я и 26-я дивизии. Левая граница — линия Бонцикко, Тецце.

Корпус Скотти — 1, 4, 33, 200 и 5-я дивизии — во втором эшелоне.

Таким образом, он имел треть своих сил в горной местности, треть на равнине и треть в резерве.

Но, по его мысли, главная роль возлагалась на группу Крауса. Этот корпус должен был наступать в общем направлении на Беллюно, правым флангом на Лонгароне и возможно быстрее продвигаться на запад.

Тем временем в течение 4 ноября 55-я и 50-я дивизии взяли последовательно Палюдэа и Травезио, а егерская дивизия двинулась к горе Корно, прямо на итальянский 12-й корпус, который оттягивался туда. Южнее корпус Штайна переправился через Тальяменто, в котором вода спала. Таким образом, можно

было возобновить преследование противника по всему фронту. Учтя это, австрийское командование юго-западным фронтом расширило свой план развития успеха. Оно даже решило попытаться покончить с итальянцами до прибытия подкреплений от Антанты. Теперь объектом наступления становился Адидже или по крайней мере Брента.

Австрийцы знали, что итальянские силы состоят из двух групп: одной, которая была разбита на Изонцо (2-я и 3-я армии), другой, севернее, которая не была разбита (4-я армия и правое крыло 1-й армии), но была вынуждена отходить. Чтобы добиться своей цели, надо было помешать этим двум группам снова тесно соединиться и устроиться для обороны за Пиаве. Фронтальное преследование не могло быстро привести к решительному результату ввиду наличия такой крупной естественной преграды, как р. Пиаве. Поэтому надо было постараться переправиться через Пиаве в самом узком месте, т. е. в верхнем течении. Одновременно надо было попытаться обогнать итальянские части, отходившие из Кадоре на равнину. С этой целью командование юго-западным фронтом отдало следующие общие директивы.

14-й армии — быстро продвинуться вперед в полосе, ограниченной с севера линией Медуна, Понте-нелле-Альпи, левый берег Пиаве, а с юга — линией Сачиле, Конельяно. Постараться во время преследования преградить итальянской 4-й армии все дороги, ведущие из Беллюно и Фельтре в долину Бренты.

Группе армий Бороевича — наступать по равнине в направлении на Пиаве. Кроме того, изучить возможность высадки десанта с моря, к западу от Пиаве, и занять Венецию.

10-й армии — наступать, держа левым флангом на Трамонти, Лонгароне, через Пиаве, Беллюно, Фельтре, на р. Примолано, в направлении на плато Семи Общин.

Группа армий Конрада должна была в тесном взаимодействии с остальными силами 10 ноября начать пятью дивизиями наступление на Азиаго.

По настоянию генерала Белова, эти директивы были изменены в двух пунктах, касавшихся отношений между 14-й и 10-й армиями.

Главная роль в намеченной операции принадлежала, бесспорно, 14-й армии. Но ее полоса наступления была первоначально ограничена левым берегом Пиаве. Таким образом, при своем наступлении она наталкивалась на линию Беллюно, Витторио, а так как этот рубеж был особенно удобен для обороны, то вся 14-я армия рисковала оказаться задержанной на нем. Чтобы получить свободу движений, ей было безусловно необходимо располагать правым берегом Пиаве.

Белову удалось тем легче настоять на своем, что 10-я армия, оснащенная только для позиционной войны и совершенно не способная к быстрым передвижениям, очень отстала от 14-й. Белов добился разрешения переправиться на правый берег Пиаве, как только он сможет это сделать.

Кроме того, одновременное присутствие 14-й и 10-й армий в районе Фельтре привело бы не только к скучиванию дивизий в тесном пространстве, но и к двойственности командования в районе, имевшем решающее значение. Белов добился того, что 10-й армии было приказано возможно скорее свернуть в более северном направлении на поддержку группы армий Конрада.

В итоге австро-германское командование вело преследование тремя группами:

— в общем направлении на Беллюно — настолько сильной группой, насколько позволяли особенности этого района;

— вдоль края гор по оси Сачиле, Конельяно;

— третьей группой — по равнине.

Этим распределением сил прежде всего преследовалась цель захватить последовательные оборонительные рубежи, атакуя их через гористый район, окаймляющий равнину. Этим же очень удачно подготовлялся последующий маневр на левом берегу Пиаве, который должен был привести к падению всей оборонительной линии на Пиаве, что являлось главной целью этой новой фазы операций.

Однако оно представляло тот недостаток, что из-за пустого вопроса о престиже двух союзников как раз в самом чувствительном районе — долине Верхнего Пиаве — было два командующих, а именно: командующие 14-й и 10-й армиями.

Операции с 4 по 10 ноября

Отступление главных сил армии итальянцев с 4 по 9 ноября проходило в удовлетворительных условиях благодаря планомерным распоряжениям Кадорны (схема 1, 12 и 14).

Однако 12-му корпусу и 4-й армии пришлось столкнуться с величайшими затруднениями. Эти затруднения объясняются в первую очередь тем, что упомянутые войсковые соединения оказались выдвинутыми вперед, в сердце горного района. Трудности еще усугублялись последствиями неправильного распоряжения, содержавшегося в приказе об отступлении, и искусным маневрированием противника.

Итальянское командование предоставило 2-й и 4-й армиям договариваться непосредственно между собой относительно расписания движения вдоль общей границы отведенных им полос. А это значило — недостаточно учитывать влияние возможного нажима противника и итти навстречу неизбежным неувязкам.

Следует рассмотреть отдельно действия 12-го корпуса и 4-й армии в горном районе, а затем отход главных сил 2-й армии по Венецианской низменности.

Получив сведения о движении австрийцев на Палюдэа, командующий итальянской 2-й армии приказал 12-му корпусу 3 ноября вечером начать отход.

63-я дивизия должна была отойти через долину Арцино, а затем занять дефиле Палюдэа и Клаузетто до прибытия корпуса особого назначения.

36-я дивизия должна была отойти в район к северу от Клаузетто и занять его.

Часть 26-й дивизии, развернутая к северу от Тальяменто, отходила через перевал Мауриа и, соединившись с 1-м корпусом 4-й армии, должна была прикрывать правый фланг этой армии.

Часть 26-й дивизии, развернутая к югу от реки, отходила на долину р. Медуна. Оттуда один отряд (группа Данизе) должен занять проход Клаутана, открывающий доступ в долину Верхней Челлины и Лонгароне. Другим отрядом она должна была занять проход Баццциану, прикрывающий также долину Верхней Челлины. Эти два отряда должны были оставаться на позиции, пока 4-я армия не пройдет к югу от Лонгароне. Тогда Клаутанский отряд должен был в свою очередь спуститься в Лонгароне, а Баццианский — отходить по долине.

Казалось, все было в порядке. Однако не учли действий противника, которому принадлежала инициатива. Он был уже сосредоточен, тогда как итальянские соединения были широко разбросаны, и, кроме того, проходя больше по равнинам, противник имел преимущество в быстроте движений.

4 ноября итальянские 63-я и 36-я дивизии [1] сосредоточились в районе Сан-Франческо и вошли в соприкосновение с егерской дивизией противника, которая была выдвинута на гору Корно. Свои обозы дивизии отослали через Сан-Винцент на Трамонти. 5-го они весь день вели сильные бои в районе Форно, но им не удалось пробиться. 6 ноября и шоссе, ведущее из Трамонти на юг, было прегражденo австро-венгерской 22-й дивизией. Вечером 63-я и 36-я дивизии, израсходовавшие все свои огнеприпасы и совершенно выбившиеся из сил, были почти целиком взяты в плен. Исключение составила группа в несколько сот человек под командованием генерала Рокка, которая попала в плен только 9-го в районе Медуны.

Что же касается частей 26-й дивизии, отошедших на южный берег Тальяменто и занявших Клаутанский и Баццианский проходы, то они вскоре ввязались в бой с австро-венгерскими 22-й и 55-й дивизиями. 5 ноября 55-я дивизия захватила Баццианский проход, 6 ноября она, получив приказ двигаться на Лонгароне, направила одну из своих бригад через Кьеволис на Клаутанский перевал с дальнейшим направлением на Чимолаис, а другую — через Баццциану, Барчис, высоту 2127 — на Понте-нелле-Альпи.

Таким образом, с вечера 6 ноября для австро-германцев была открыта дорога на Лонгароне через долину Верхней Челлины. Правый фланг итальянской 4-й армии теперь не имел никакого прикрытия.

Итальянская 4-я армия, развернувшаяся целиком в высокогорной местности, состояла, считая с запада на восток, из 18, 9 и 1-го корпусов.

---

[1] 36-я дивизия выделила в форт Феста гарнизон, который сдался только 6 ноября, взорвав форт после того, как действительно задержал на некоторое время продвижение противника.

Чтобы уяснить себе причины гибели ее правофланговых соединений, необходимо проследить за развитием важнейших событий. Как мы помним, генерал Кадорна еще 27 октября отдал 4-й армии приказ в тот же день начать отход на главный оборонительный рубеж, так называемую «желтую линию».

29-го командующий 4-й армией, генерал ди-Рибилант, глубоко огорченный тем, что ему, может быть, придется очистить провинцию Кадоре, лично представил Кадорне свои возражения. По его мнению, это расположение на «желтой линии» было бы невыгодным и могло бы только вызвать нежелательную задержку, в случае если бы в один прекрасный день пришлось отходить дальше в тыл.

Но на другой день генерал Кадорна подтвердил свои распоряжения и, кроме того, приказал разработать план отхода с самой «желтой линии», согласовав его «с отходом северного фланга 2-й армии вдоль гребня Карнийских Альп, по линии гора Дуранно, перевал Нудо, гора Кавалло, Витторио Венето». Он указал далее, что 12-й корпус должен преграждать проходы между Предальпами и Пиаве, пока 4-я армия не отойдет за Лонгароне. Со своей стороны, 4-я армия не должна была очищать Понте-делле-Альпи, пока арьергарды 2-й армии не отойдут за Витторио.

В данный момент эти распоряжения отвечали обстановке. Но противник вскоре опрокинул все предположения.

С 31 октября Кадорна начал выражаться более категорически. «Так как положение на Тальяменто ухудшается,— писал он,— 4-я армия рискует быть отрезанной; поэтому она должна ускорить свой отход, бросить перегружающее ее имущество и позаботиться прежде всего о том, чтобы вывести войска и легкую артиллерию». «Так как 2-я армия с каждым днем все больше рассыпается,— добавлял он,— 4-й армии придется самой обеспечивать себя в направлении на восток».

На это генерал ди-Рибилант послал несколько подразделений, силой от роты до батальона, занять проходы Сан-Освальдо, Фадальто, Убальдо, а главные силы 26-й дивизии должны были удерживать перевал Мауриа, к северу от них. Он отдал также распоряжения об отходе артиллерии и занятии некоторыми силами «желтой линии» (силами, как раз достаточными для прикрытия отхода остальных войск).

Когда ему предложили объясниться по поводу этого последнего распоряжения, он доложил генералу Кадорне, что «желтая линия» завалена снегом глубиной в 1 *м* и, кроме пулеметных блиндажей, не имеет ни закрытий, ни какого бы то ни было оборудования для войск; что занятие этой линии на продолжительный срок очень отрицательно отзовется на моральном состоянии бойцов; что сопротивление армии на всякой другой линии представляется невозможным, так как артиллерия средних калибров уже отослана на Пиаве; что к тому же оставление 4-й армии на теперешнем ее фронте не вызовет никакой задержки в ее отходе ввиду незначительности расстояния между этим фронтом и «желтой линией».

Но главное командование не удовлетворилось этими объяснениями. Оно считало, что не может быть и речи о том, чтобы действовать, как в нормальном случае, когда фактор времени имел бы второстепенное значение. Важно было помешать противнику отрезать отступление 4-й армии, если фронт 2-й армии будет прорван, а самое главное — спасти войска и легкую материальную часть. Поэтому 2 ноября вечером Кадорна выразил сожаление по поводу того, что «желтая линия» еще не занята войсками, и приказал на другой же день провести эшелонирование корпусов за вышеуказанной линией.

В итоге генерал ди-Рибилант удержал оборону на первой линии, отвел в тыл самую подвижную артиллерию и собрал свои колонны у верховьев долин в готовности к отходу, но не занял «желтую линию» значительными силами. Таким образом, он не обеспечил буквального выполнения полученного приказа.

Владело ди-Рибилантом желание целиком отстоять вверенную ему территорию или на него произвела впечатление невыясненность обстановки в то время — остается неизвестным. Но не подлежит сомнению, что методическое отступление 4-й армии, развернутой целиком в высокогорной местности и вынужденной в конце концов проходить по единственной дороге вдоль Пиаве (и это после двух лет позиционной войны), представляло величайшие трудности. Даже занятия «желтой линии» было бы недостаточно, чтобы устранить эти затруднения, так как времени на это нехватило.

* * *

Таким образом, общий отход 4-й армии начался только 3 ноября, когда линия Тальяменто была уже прорвана. А события развивались с такой быстротой, что эта армия оказалась под двойной угрозой. С одной стороны, ей грозило то, что противник, быстро продвинувшись вдоль подножия гор, опередит ее у выхода р. Пиаве на равнину у Вальдоббиадене и отрежет те части армии, которые должны были оборонять участок Видор, Приульский мост. Если бы это случилось, 4-й армии пришлось бы пройти длинным и трудным кружным путем через Фельтре, Примолано и долину Бренты. Этой опасности удалось избежать благодаря мерам, принятым генералом Кадорной, который, не довольствуясь распоряжением о немедленном занятии горы Монтелло, с 6 ноября передал 4-й армии (впредь до прибытия соединений, органически входивших в ее состав) 2-й и 24-й корпуса, т. е. самые боеспособные соединения 2-й армии.

С другой стороны, 4-я армия рисковала оказаться отрезанной и в случае наступления противника через горы, в направлении на фронт Лонгароне, Фельтре. Предотвратить эту угрозу оказалось гораздо труднее.

В то время как левофланговый корпус 4-й армии (18-й корпус) безболезненно отошел назад, чтобы занять гору Граппа, а в центре 9-й корпус, спускавшийся с гор по долине Кордеволе, без помехи отошел на фронт между горой Томба и Видором, правофланговый 1-й корпус оказался в опасном положении.

Предполагалось (директивы от 30 октября и приказ от 4 ноября), что связь между 1-м корпусом и 2-й армией во время отхода будет поддерживаться, по договоренности штабов, на водораздельной линии Карнийских Предальп. Но каким образом можно было установить эту договоренность? Знал ли 1-й корпус 4-го вечером, что в это время 12-й корпус не был уже в состоянии пробиться?

Правда, ди-Рибилант еще 31 октября выслал на свой правый фланг несколько подразделений, в том числе один батальон на Сан-Освальдо, и что, согласно приказу от 4 ноября, 1-й корпус должен был прикрывать 4-ю армию в восточном направлении в случае несостоятельности 2-й армии. Но в это самое время группа Крауса, как мы видели, получила задачу быстро двинуться на запад, правым флангом на Лонгароне. Этим движением она предупредила или расстроила меры, принимавшиеся итальянским 1-м корпусом.

5 ноября итальянский 1-й корпус не успел еще дойти до Пиеве ди Кадоре, как австро-венгерская 55-я дивизия уже заняла Баццианский проход и даже отбросила с берегов р. Челлины на р. Ливенцу левое крыло 2-й армии, потрепанное в боях, происходивших накануне. Путь через долину Верхней Челлины, ведущую на Лонгароне, был теперь открыт для противника.

Здесь надо отметить, что генерал Краус не вполне воспринял замысел генерала Белова, заключавшийся в том, чтобы итти на Пиаве прямо через горы. Он склонился в тому, чтобы сперва выйти в район Витторио по равнине. Этим объясняется, что 44-я дивизия, находившаяся 5-го вечером на р. Челлине, была направлена к югу, вместо того чтобы немедленно двигаться на Барчис, Лонгароне.

Как бы то ни было, итальянский 1-й корпус потратил день 6 ноября на то, чтобы усилить свои боковые отряды в Сан-Освальдо и Фальто и организовать свой отход. Он наметил передвижение войск тремя эшелонами — на грузовиках, по железной дороге и походным порядком. Кроме того, он оставил на линии Мае, Оспитале, фронтом к австрийской 10-й армии, сильный арьергард, который должен был удержаться на месте, пока не отойдут все тыльные и боковые отряды. Это вызвало неизбежную задержку на 48 часов, которая и привела 11 ноября этот арьергард к гибели. На другой день, 7 ноября, австро-венгерская 22-я дивизия овладела Клаутанским проходом и двинулась на Чимолаис и на Барчис.

Так как итальянская оборонительная линия на Ливенце также была прорвана, генерал Краус на этот раз открыто выразил намерение двигаться на Пиаве не через Барчис и горный район, а через Витторио. Но генерал Белов, имея в виду последующий выход на Фельтре, попрежнему был убежден в том, что необходимо действовать через долину Верхнего Пиаве, и приказал корпусу Крауса держаться правым флангом ранее установленного направления.

8 ноября 54-я дивизия, прибывшая в Витторио, была направлена на Беллюно. Корпус генерала Крауса получил приказ переправиться через Пиаве, опередить 10-ю армию и двигаться по правому берегу на Фельтре, чтобы поддержать с этого берега фронтальное наступление, которое вели по левому берегу австро-германские силы.

Корпуса Скотти и Штайна наступали на Вальдоббиадэн и выше по течению реки.

Со своей стороны, итальянская 4-я армия ввиду угрозы ее правому флангу усилила оборону горных проходов между Фадальто и Сан-Вито.

9 ноября 22-я дивизия и дивизия «Эдельвайс», подошедшая также через Клаутанский перевал [1], опрокинули итальянский боковой отряд в Сан-Освальдо, вышли на Пиаве у Лонгароне и, найдя мост разрушенным, двинулись на север — на Оспитале, отрезав, таким образом, отступление арьергарду итальянской 4-й армии. Части этого арьергарда удалось уйти на запад — через долину Мае. Другая же часть была взята в плен 11 ноября (противнику досталось 10 000 пленных и 100 орудий).

Но 55-й дивизии не удалось переправиться через Пиаве, так как все мосты между Беллюно и Фельтре были разрушены; наступление 14-й армии оказалось задержанным на два дня. Ниже по течению реки, на фронте корпусов Скотти и Штайна, мосты также были разрушены. Последний корпус подошел к реке у Нервезы и в ночь с 9-го на 10-е предпринял атаку, которая окончилась неудачей.

11 ноября вечером 4-я армия закончила свое движение и ушла от противника. Но с 6 по 10 ноября ее правый фланг оставался обнаженным, и вследствие этого она подвергалась грозной опасности.

Можно ли определить, кто несет ответственность за этот риск?

Нет сомнения, что приказ генерала Кадорны, согласно которому 4-я армия должна была отходить в связи с левофланговой группой 2-й армии, не был выполнен буквально. Но, с другой стороны, также несомненно, что в 4-й армии не могли предвидеть такого из ряда вон выходящего случая, как взятие в плен целиком всего 12-го корпуса.

В итоге 4-я армия счастливо вышла из тяжелого положения благодаря хорошо планированным в техническом отношении движениям, благодаря трудностям, на которые натолкнулся противник, плохо оснащенный для преследования по труднопроходимой местности, наконец, благодаря удачному разрушению мостов через Пиаве, задержавшему на несколько дней наступление австро-германцев.

Отход по Венецианской равнине протекал не в таких критических условиях, как в горах. Движение итальянских армий было

---

[1] По распределению полос, установленному 4 ноября, дорога Клаутан, Лонгароне была отведена 10-й армии, но 14-я армия уже опередила на ней 10-ю.

заблаговременно урегулировано до мельчайших подробностей. Самая тяжелая материальная часть была уже отведена в тыл. Дороги были очищены. Строгими дисциплинарными мерами был восстановлен порядок. Помощь, присланная союзниками, благоприятно отозвалась на моральном состоянии войск. Начала восстанавливаться вера в свои силы. К тому же у наступавших австро-германцев не было ни конницы, ни переправочно-мостового имущества, ни средств, приспособленных для ведения преследования, и они задержались при переправе через Тальяменто.

В итальянской 2-й армии были назначены для отхода главных сил три последовательных рубежа: Челлина, Ливенца, Пиаве. 3-я армия, которой предстояло отойти не на 60, а на 40 *км*, должна была сделать только два скачка. Отход начался 4 ноября в 18 часов во 2-й армии, в 22 часа — в 3-й армии.

Каждый корпус прикрывался своим собственным арьергардом. Общий арьергард состоял из частных арьергардов 2-й и 3-й армий и из кавалерийского корпуса (в составе трех кавалерийских дивизий, дивизиона конной артиллерии, 24 бронеавтомобилей и восьми самокатных батальонов). Приказами был установлен порядок движения этого арьергарда по отношению к главным силам. Главное сопротивление предполагалось оказать по линии, проходящей вдоль подножия гор. По этой же линии генерал Белов решил, как мы видели, производить главный нажим во время преследования.

С германской стороны правофланговая группа 14-й армии продвинулась 4 ноября на Палюдэа и Травезио, тогда как южнее, в корпусе Хофакера и в группе армий Боросвича, работали над восстановлением мостов через Тальяменто.

С итальянской стороны главные силы 2-й и 3-й армий отошли за ночь на большой переход. 5 ноября эти главные силы были на Ливенце. Но корпус особого назначения, на который теперь была возложена задача одновременно прикрывать 4-ю армию вместо гибнущего 12-го корпуса и служить арьергардом 2-й армии, был в этот день вытеснен из долины р. Челлины и отходил на Ливенцу. Ему было приказано любой ценой удержаться на этом рубеже, чтобы не только прикрыть шоссе из Витторио в Беллюно, но, главным образом, чтобы дать возможность 3-й армии занять в полном порядке линию Пиаве.

6 ноября итальянским арьергардам действительно удалось удержаться на Ливенце, а главные силы отошли от Ливенцы на Пиаве, через который они и переправились 7 ноября. Но 7 ноября линии арьергардов были окончательно прорваны между Сачиле и Полученго и ниже по течению реки. Они отошли на Монтикано.

8-го арьергарды в интересах 4-й армии целый день удерживали район между Конельяно и долиной Санта-Марина.

9-го утром они переправились через Пиаве. Так как для поддержания материального и морального состояния итальянской армии необходимо было противопоставить противнику пассивное препятствие, то мосты через Пиаве были взорваны.

В это же время Кадорна передал командование генералу Диаца. 10 ноября армии Бороевича в свою очередь подошли к берегу Пиаве.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД — АВСТРО-ГЕРМАНСКАЯ ПОПЫТКА ПРОРЫВА НА ГОРЕ ГРАППА И ОТРАЖЕНИЕ ЕЕ ИТАЛЬЯНЦАМИ (11—26 ноября)

(Схема 15)

В то время как итальянцы устраивались для обороны на линии: правый берег Пиаве, гора Граппа, австро-германцы безостановочно продолжали свое наступление для развития успеха. Они предприняли маневр, направленный от Фельтре на юг, чтобы выйти на равнину к югу от горы Граппа. Этот маневр сопровождался наступлением группы армий Конрада на Азиаго и наступлением на Нижнем Пиаве. Все эти попытки австро-германцев потерпели неудачу ввиду сопротивления, оказанного итальянскими войсками. Так, 26 ноября закончилось развитие прорыва, осуществленного 24, 25 и 26 октября.

Не все согласны с тем, что операции, происходившие с 11 по 26 ноября, находятся в связи с операцией под Капоретто. «Военные писатели, — пишет маршал Кавилья [1], — обычно рассматривают эти операции как продолжение Капоретто. Это — ошибка с точки зрения военного искусства, техники и политики».

Нет сомнения, что после 10 ноября положение итальянской армии совершенно изменилось в стратетическом, тактическом и моральном отношениях. Поэтому можно сказать, что с этого дня начался новый период войны.

Однако нельзя не признать, что сражение с целью остановить противника на Пиаве было задумано Кадорной еще во время отступления от Капоретто. Следовательно, мы не можем разделять их. Если стать на австро-германскую точку зрения, маневр, начатый армиями центральных держав для развития успеха, достигнутого 24 октября, продолжался без перерыва и после 10 ноября; таким образом, и с этой точки зрения необходимо рассмотреть его до конца.

Мы не можем в рамках настоящего труда изучить во всей их ширине операции, постепенно захватившие и фронт в Трентино. Но мы изложим развитие австро-германского маневра, имевшего целью охват противника, до окончательного провала этого маневра (26 ноября) и покажем, почему решительная победа ускользнула от наступающего.

Итальянский план и исходная группировка

Позиции итальянских армий после отхода были выбраны очень разумно.

[1] Маршал Кавилья, Три сражения на Изонцо.

До наступления противника итальянский фронт имел в районе наступления форму эллипсиса и протяжение в 300 *км*. После отхода на 100 *км* он превратился в прямую линию длиной всего в 120 *км*. Таким образом, стратегическое положение итальянцев в общем значительно улучшилось. Обе части новой позиции — участок р. Пиаве и горный массив Граппа — являются сильными естественными препятствиями. Пиаве — широкая, многоводная река. В нижнем течении она окаймлена болотами и делится на много рукавов. Массив Граппа — обрывист, лишен путей сообщения и имеет довольно сложную структуру. Он делится на две части глубоким оврагом Стиццоне, тянущимся к северу, в направлении на Фельтре. По обе стороны р. Стиццоне поднимаются два хребта с крутыми скатами:

— с запада, между Брентой и Стиццоне,— цепь с горами Граппа и Пертика, седловиной Прай, горами Цалоппа, Чисмон, Ронконе высотой от 1 773 до 1 164 *м*;

— с востока, между Стиццоне и Пиаве,— цепь с горами Граппа, Фонтана Секка, Пеурна, Томатико (1 598 *м*).

От второй цепи отходит в восточном направлении гребень: гора Паллоне, гора Томба, к северу от которой находится небольшая котловина Куэро.

Этот массив окаймлен следующими долинами: с востока долиной Пиаве, которую перегораживает гора Томба и по которой проходит несколько дорог; с запада — долиной Бренты, которая течет между крутыми скатами, выходит на равнину у Бассано и к правому берегу которой круто обрывается плато Семи Общин. Из долины Верхнего Пиаве, по впадине Фельтре, Фонцазо, овраг Чисмон, можно попасть прямо на Бренту.

Массив горы Граппа, в сущности говоря, не укреплен. Однако в долине Бренты, у горы Чисмон, имеется несколько пулеметных гнезд в скалистом грунте. Гора Граппа имеет несколько артиллерийских позиций, канатную дорогу, а главное — шоссе, поднимающееся на нее из Бассано. Зато нет ни одной дороги, которая вела бы прямо из района Фельтре на гору Граппа.

В общем единственной слабостью этой позиции, с точки зрения итальянцев, является незначительная глубина горного массива, составляющая всего около 15 *км*. Преодолев это расстояние, наступающий противник выходит в тыл как позиций в Трентино, так и линии Пиаве.

План нового начальника итальянского генерального штаба генерала Диаца [1] отличался своей простотой. Он задался целью оказать сопротивление противнику на месте и тем выиграть время, необходимое для материального и морального восстановления армии [2]. «Вопрос о существовании Италии, как сказал еще Кадорна, решается именно на Пиаве».

---

[1] Диац выбрал себе в помощники генералов Джердино и Бадолье.

[2] Из некоторых документов, полученных Фошем с 10 по 19 ноября, можно сделать заключение, что итальянское командование подумывало, по крайней мере в виде предосторожности, об отходе на Адидже после 10-дневного сопро-

11 ноября итальянские силы были распределены следующим образом:

— от моря до Нервезы — 3-я армия (восемь дивизий);

— от Нервезы до Бренты — 4-я армия (семь дивизий);

— от Бренты до озера Гарда — 1-я армия (двенадцать дивизий);

— от озера Гарда до горы Стэльвио — 3-й корпус (две дивизии);

— непосредственно в тылу, между Бассано и Падуей — резерв из четырех дивизий.

Всего было 33 дивизии, из которых 19 были обеспечены путями отхода. Это составляло примерно половину всей итальянской армии, имевшейся накануне, 24 октября. Таким образом, на всем фронте, от устья Пиаве до горы Граппа, имелось, считая и резервы, только по 3 бойца на каждый погонный метр фронта.

Дальше в тылу, между Адидже и Брентой, спешно собирали и приводили в порядок массу разбежавшихся. Кроме того, убыль в личном составе намечено было пополнить контингентом 1899 г. рождения (180 000 человек), который вскоре должен был прибыть на фронт. Наконец, по обе стороны р. Минчо собирались французские и английские соединения [1].

Главный удар противника предстояло выдержать 4-й армии. Она развернулась следующим образом:

— от Бренты (в районе Чисмона) до (иск.) горы Томба — 18-й корпус;

тивления на Пиаве. Возможно, такой вариант решения задачи возник по совету некоторых представителей итальянского правительства, побывавших в главной квартире, может быть также и потому, что итальянское главное командование в то время еще не знало в точности, во что выльется помощь франко-английской армии. Известно, что Фош и Робертсон с первого же дня сговаривались не принимать (своими войсками) участия в сражении на Пиаве, пока они не соберут все свои силы (на что ушел весь ноябрь) и пока не рассеятся все опасения относительно Трентино.

Только 21 ноября, когда Фош готовился передать командование генералу Файолю, чтобы вернуться в Париж к исполнению своих обязанностей начальника генерального штаба, было принято совершенно иное решение: франко-английская армия впредь будет оказывать итальянцам непосредственную помощь, «либо участвуя в сражении, либо сменяя итальянские части на оборонительной линии».

[1] Здесь нет места для дискуссии по поводу вышеуказанного решения, принятого Фошем и Робертсоном и остававшегося в силе до 21 октября.

Некоторые итальянские военные критики сожалеют о том, что франко-английская армия не была сразу же брошена в сражение.

Наоборот, меры, принятые Фошем, вполне одобряются немецкими военными критиками, в частности бывшим начальником штаба 14-й армии генералом Крафтом Дельмензинген, который в своем труде посвящает этому вопросу целую главу («Прорыв на Изонцо». «Правильное использование франко-английской вспомогательной армии», том II, стр. 257—260).

Как бы то ни было, франко-английские подкрепления были выдвинуты на фронт только в первые дни декабря и заняли на нем четырьмя дивизиями — двумя французскими и двумя английскими — участок протяжением около 30 *км* между Нервезой и горой Томба. Следовательно, противник был задержан на Пиаве силами одних итальянских войск.

Помощь же союзников имела значение главным образом как моральная поддержка.

— от горы Томба до Видора на Пиаве — 9-й корпус;
— от Видора до Нервезы — части 8-го и 9-го корпусов;
— в резерве — одна дивизия 1-го корпуса к югу от Монтелло (другая дивизия этого корпуса еще отходила).

Фронт от Бренты до Пиаве был разделен на четыре участка:

участок	Азолоне	—	8	батальонов,	8	горных	батарей,	10	батарей	среднего	калибра
»	Граппа	—	6	»	6	»	»	10	»	»	»
»	Спиноича	—	7	»	8	»	»	10	»	»	»
»	горы Томба	—	22	»	18	»	»	20	»	»	»

Схема 15. Наступление на массив горы Граппа 13—26 ноября.

Всего, следовательно, было 43 батальона и 90 батарей с незначительным запасом огнеприпасов у тех и других. Сильнее укреплен был участок горы Томба, на берегу Пиаве. На этом фронте, между Пиаве и Брентой, должен был наносить удар корпус Крауса (четыре дивизии) при косвенной поддержке с востока, со стороны корпусов Скотти и Штайна, и во взаимодействии с 20-м корпусом (из группы армий Конрада) с запада.

Следует подчеркнуть, что 13 ноября, когда началось наступление корпуса Крауса, значительная часть войск итальянского 18-го корпуса еще не заняла назначенных ей позиций. Однако передовая линия, проходившая через горы Томатико и Ронконе, была уже занята войсками.

Эта полоса была занята, по личному настоянию Фоша перед итальянским главным командованием, с целью увеличить глубину оборонительного расположения, т. е. для выигрыша времени [1].

Итак, 13 ноября итальянцы имели на передовой линии:

— 3 батальона и 1 батарею — на горе Ронконе;

— 2 батальона — на горах Пеурна и Томатико;

— 2 батальона фронтом на запад — на перевалах Байо и Прай;

— 2 батальона — на марше на Прассолан и на перевал Орсо;

— 1 батальон в резерве — на горе Граппа.

Австро-германский план и исходная группировка

К 8—9 ноября австро-германское командование получило сведения об отправке на фронт крупных франко-антлийских подкреплений. В этих сведениях говорилось о двух десятках пехотных дивизий и мощной артиллерии.

Но австро-германское командование рассчитывало, что ввиду низкой пропускной способности железных дорог, ведущих из Франции в Италию, до конца месяца на фронт успеют прибыть самое большее около десяти дивизий. При таких условиях оно полагало, что еще успеет до прибытия всех этих подкреплений покончить с итальянской армией или во всяком случае оттеснить ее до Адидже. Поэтому для него важно было не допустить восстановления итальянских сил на Пиаве.

Чтобы провести наступление в наивыгоднейших условиях и по тщательно разработанному во всех подробностях плану, надо было прежде всего смело продолжать начатый маневр и сломить сопротивление, встреченное в верхнем течении Пиаве. Группа генерала Крауса была очень удачно нацелена для выполнения этой задачи.

В то же время, как было намечено, фельдмаршал Конрад должен был предпринять сильное наступление на плато Семи Общин, в направлении на Бренту. Наконец, было решено попытаться форсировать Пиаве в нескольких пунктах нижнего течения реки.

Крупнейшее затруднение заключалось в недостатке тяжелой артиллерии и скудости запаса огнеприпасов; последних могло хва-

---

[1] Некоторые итальянские писатели критикуют это вмешательство Фоша и утверждают, что лучше было бы использовать все имевшиеся в распоряжении силы для обороны главной позиции, а не выдвигать около трети их в боевое охранение.

Эта критика представляется нам необоснованной.

В данной обстановке надо было прежде всего выиграть время, необходимое для занятия и оборудования позиции, а следовательно, иметь достаточно крепкую передовую линию. Войска, занимавшие эту линию, отнюдь не приносились в жертву, так как легко было организовать их отход по гребням.

Кроме того, так как противник имел очень ограниченный запас огнеприпасов, можно было предвидеть, что ему придется израсходовать этот запас против полосы боевого охранения и для сильной атаки главной позиции ему уже нехватит средств. Это фактически и случилось.

Боевое охранение продержалось с 12 по 16 ноября и тем самым обеспечило около 4 суток времени для устройства войск на главной позиции.

гить как раз на один день крупного сражения. Но эти соображения должны были отступить на второй план перед необходимостью атаковать немедленно, чтобы не дать времени противнику оправиться.

К 11 ноября группировка австро-германских сил представляется в следующем виде:

— от моря до Приульского моста — группа армий Бороевича, девятнадцать дивизий против восьми дивизий итальянской 3-й армии;

— от Приульского моста до Бренты — 14-я армия в составе пятнадцати дивизий (Крауса — четыре дивизии, Штайна — четыре дивизии, Хофакера — четыре дивизии, Скотти (в резерве) — три дивизии) против семи дивизий итальянской 4-й армии;

— от Бренты до озера Гарда — 11-я армия в составе четырнадцати дивизий против двенадцати дивизий итальянской 1-й армии;

— от Ривы до горы Стэльвио — 10-я армия в составе трех дивизий против двух дивизий итальянского 3-го корпуса.

Всего 51 [1] дивизия против 33 итальянских дивизий (считая и 4 дивизии резерва), или 1 000 000 бойцов с 4 500 орудий против 500 000 бойцов с 3 000 орудий.

Несмотря на это численное превосходство на всем фронте, австро-германское наступление не имело успеха по следующим причинам:

— с одной стороны, вследствие недостаточной подготовки атаки, естественных препятствий, непогоды и ошибочного маневра корпуса Крауса;

— с другой стороны, вследствие морального состояния и начавшегося подъема сопротивляемости итальянских войск.

Неудача наступления группы Крауса по долинам

Операции, развернувшиеся между 11 и 26 ноября и имевшие целью прорыв итальянского фронта, происходили в трех районах, отделенных друг от друга горными преградами: на западе — на плато Азиаго, на востоке — на Пиаве, в центре — в районе между Пиаве и Брентой.

На западе фельдмаршал Конрад силами в пять дивизий предпринял с 10 по 13 ноября наступление на плато Семи Общин (в направлении с запада на восток) на Азиаго и долину Бренты. С 16 по 20 ноября он возобновил свои атаки, перенеся ось наступления с северо-запада на юго-восток. 22 ноября в присутствии императора Карла он предпринял новое крупное наступление, на этот раз с севера на юг.

Все эти наступления принесли некоторые успехи, в числе которых надо отметить взятие Азиаго и захват отрогов гор Малетты. Но в общем фельдмаршалу Конраду, наступление которого было слишком поспешно подготовлено, предпринято недостаточными си-

[1] В оригинале: «53» дивизии. — *Ред.*

лами и плохо согласовано с действиями 14-й армии, не удалось достигнуть Бренты.

На востоке армии генерала Бороевича пытались форсировать Пиаве через лабиринт болотистых берегов рукавов реки. Им удалось захватить только рукав Цансон.

В центре операции, развивавшиеся в гористом районе между Брентой и Пиаве, по лесам и обрывам, представляют особый интерес. 11 ноября главные силы корпуса Крауса, задержанного разрушением мостов на Пиаве, были еще эшелонированы в долине до линии Беллюно. Слева от него корпус Штайна, выдвинутый дальше на юг, тщетно пытался захватить переправу в излучине реки. Всякая внезапная атака оказалась невозможной. Корпусам Штайна и Скотти пришлось ограничиться огневой поддержкой атак корпуса Крауса.

12-го австро-германцы установили соприкосновение с противником по всему фронту. В тот же день Белов приказал Краусу двинуться с фронта Фельтре, Фонцазо на гору Граппа.

Генерал Краус тотчас же понял всю трудность операции. Горный район был совершенно лишен путей сообщения и, повидимому, увенчан оборонительными сооружениями. Краус же располагал чрезвычайно ограниченными силами: дивизия «Эдельвайс» насчитывала только 4 000 человек и имела всего по 50 патронов на винтовку и по 20—30 выстрелов на орудие. Поэтому он считал, что может добиться успеха только внезапностью и большой скоростью движения.

Помня об успехе, который он одержал 24 октября, наступая по котловине Плеццо, он решил вести атаку не по горам, а по долинам. Этим объясняется следующий отданный им приказ на 14 ноября.

1. Корпус делится на две группы:

а) западную группу из дивизии «Эдельвайс» и половины 22-й дивизии под командованием генерала Видэна; эта группа наступает на Бассано по долинам Чисмона и Бренты; она прикрывается отрядом, следующим по гребню Ронконе, Граппа, Азолоне;

б) восточную группу из 55-й и егерской дивизий под командованием генерала Шварценберга; эта группа наступает прямо по долине Пиаве на Педдэроббу, прикрываясь с правого фланга.

2. Половина 22-й дивизии временно удерживается в корпусном резерве.

В общем две трети сил были направлены по долинам, одна шестая — по горам и одна шестая осталась в резерве.

Такая группировка, несомненно, оправдала бы себя по отношению к противнику, не способному оказать сопротивление. Но здесь дело обстояло иначе.

14 ноября дивизия «Эдельвайс» двинулась по узкой долине Чисмона, но вскоре была задержана пулеметным огнем. Так как генерал Видэн не располагал тяжелой артиллерией, чтобы пробиться силой, он решил на следующий день усилить нажим по водораздельной линии, в направлении на горы Пертика, Азолоне, а затем выйти на равнину через Вальстанью.

15-го утром отряд, наступавший по гребню, очистил район Ронконе, взял несколько сот пленных, а после полудня занял гору Цалоппа. Но колонна, наступавшая по долине, была снова остановлена на берегу Бренты заградительным огнем с высот.

В общем за два дня наступающий очень незначительно продвинулся по долине, но зато в горах прошел 8 *км*.

16 ноября продвижение в этом последнем направлении продолжалось с еще большим успехом. Отряд из двух батальонов, поддержанных тремя горными батареями, после краткой артиллерийской подготовки занял гору Прассолан и Кампиньолу, где захватил 600 пленных. Одна из рот даже штурмовала без всякой артиллерийской поддержки гору Пертика, после чего командир этой роты продвинулся вперед и донес, что видит неподалеку нескольких итальянцев на подступах к горе Граппа. Однако начальство сочло, что он выдвинулся в слишком опасное положение, и приказало ему отойти со своей ротой.

Между тем, судя по воспоминаниям итальянского генерала Ассума, оборонявшего гору Граппа, в это время во всем районе Граппа имелся в пределах досягаемости всего только один батальон, развернутый на широком фронте. Ближайший батальон поддержки мог прибыть только вечером. Таким образом, австрийцы упустили возможность занять гору Граппа ценой ничтожных потерь. Вторично такая возможность не представилась.

С 17 по 20 ноября группа Видэна продолжала вести атаки то в долине, против пробитой в скале галлереи у Тэрмине, то в горах, сперва на перевал Берретта, затем на гору Пертика, которая до семи раз переходила из рук в руки, наконец, на гору Граппа. Сколько-нибудь значительных успехов не было достигнуто.

Группа Шварценберга в это время продвигалась по правому берегу Пиаве, где движение вначале облегчалось тем, что левый берег реки уже находился в руках 14-й армии. Подойдя затем к котловине Куэро, Шварценберг организовал 16 ноября планомерную атаку на гору Корнелло, командующую над входом в котловину.

Краус не советовал предпринимать эту операцию, которая, по его мнению, вела только к потере времени. Он предпочел бы, чтобы 55-я дивизия двигалась прямо на Алано, егерская дивизия — на гору Томба, а бригада резерва немедленно следовала за ними на Педдэроббу. Проникнутый исключительно стремлением двигаться вперед как можно скорее, он приказал Шварценбергу немедленно же, в ночь с 16-го на 17-е, двинуться на Куэро, а 17-го утром атаковать гору Томба. Но итальянцы располагали артиллерией на горе Паллоне. Так как ввиду слишком большой дистанции эта артиллерия была не досягаема для германских контрбатарей, расположенных на левом берегу Пиаве, она поражала действительным огнем всю котловину Куэро и 17-го остановила продвижение атакующего противника.

Тогда вмешался сам генерал Белов. Все попытки форсировать Пиаве у Сан-Вито и Нервезы окончились неудачей. Атака на гору Томба была задержана. Следовательно, заключил он, необходимо

прежде всего овладеть районом командующих высот. Поэтому он отдал приказ генералу Краусу сперва взять, с одной стороны, гору Граппа, с другой — перевал Орсо и гору Паллоне. Корпус Скотти должен был поддерживать огнем своей артиллерии атаки, ведущиеся на правом берегу реки до линии горы Корнелло, Пассаньо.

За приказом Белова в течение нескольких дней длилось затишье, вызванное перегруппировкой сил.

Закончив перегруппировку, корпус Крауса с 22 ноября предпринял новые ожесточенные атаки.

На горе Граппа эти атаки, как мы видели, не дали решающих результатов. Восточнее они, благодаря массовому применению огнеметов, привели к захвату горы Томба. Но из-за огня итальянской артиллерии, расположенной для фланкирования на горе Паллоне, австро-германцам ни разу не удалось перевалить через гребень на южный скат.

23, 24 и 25 ноября атаки велись с удвоенной силой на всем фронте от Бренты до Пиаве. Но было уже слишком поздно. Весь горный участок был готов к обороне. Повсюду атакующий был задержан.

В общем корпус Крауса смог продвинуться только на 9 *км* из 12, которые он должен был пройти. Это было провалом маневра Крауса по долинам.

О тактическом значении этого маневра много спорили. Краус горько жалуется на своих командиров дивизий, обвиняя их в том, что они недостаточно верили в успех и медлили, вместо того чтобы без малейших колебаний итти вперед.

Генералы Видэн и Шварценберг заявляют, что сам генерал Краус был неправ, рассуждая 14 ноября на Бренте так же, как 24 октября перед котловиной Плеццо, тогда как обстановка была совсем другая. С одной стороны, внезапный удар, так хорошо удавшийся 24 октября, был невозможен 14 ноября. С другой стороны, долина Бренты чрезвычайно узка, тогда как котловина Плеццо имеет в ширину 1 *км*. Нанося 14 ноября главный удар по долинам, генерал Краус подверг себя всем неудобствам, вытекающим из того, что фронт наступления сузился, так сказать, до размеров горлышка бутылки. Кроме того, он сознательно пренебрег огневыми средствами, которые противник расположил на гребнях для ведения заградительного огня по долинам, и недостаточно позаботился о подавлении этих огневых точек. Энергично атакуя по высотам, Краус, несомненно, сумел бы ценой небольших потерь обойти очаги сопротивления, преградившие ему путь в долинах.

Как бы то ни было, генерал Краус потерпел неудачу. Эта неудача доказала австро-германцам, что им безусловно пора прекратить преследование противника. Действительно, к итальянцам непрерывно прибывали подкрепления, союзники готовились вывести на фронт свои войска, и оборонительная позиция с каждым днем усиливалась.

Атакующие понесли тяготы и потери, совершенно несоразмерные с достигнутыми результатами: так, например, дивизия «Эдельвайс» насчитывала не более 2 000 штыков; некоторые батальоны

егерской дивизии имели по 200 человек. Энергия бойцов истощилась. Стало ясно, что операцию прорыва можно повторить только после подвоза большого количества огнеприпасов.

Между тем с огнеприпасами дело обстояло следующим образом. Конечная станция железной дороги была перенесена 15 ноября из Тольмино в Удине, 20 ноября — в Кодроипо, а склады огнеприпасов оставались в Санта-Лючии, т. е. в 200 *км*.

С другой стороны, 14-я армия имела лишь небольшое число грузовиков, находившихся к тому же в плохом состоянии. Она смогла выделить для подвоза огнеприпасов только 25 автогрузовых взводов общей грузоподъемностью в 750 *т*.

Так как суточная норма расхода огнеприпасов по одной этой армии составляла 3 600 *т*, так как надо было из предосторожности обеспечить запас на трое суток сражения и так как продолжительность кругооборота грузовиков достигала 3—4 суток, то для создания запаса, необходимого для продолжения операции, потребовался бы срок примерно в полтора месяца.

Что же касается австрийских армий, то они были снабжены еще хуже. При таких условиях главное командование могло только прекратить операцию.

В декабре оно предприняло еще несколько кровопролитных атак: с 5 по 7 декабря — к востоку от Азиаго; 12-го — на перевал Берретта и гору Азолоне, между Брентой и горой Граппа. Хотя на короткое время они и встревожили итальянское командование и генерала Файоля, но атаки эти были предприятиями с ограниченной целью[1].

Австро-германское наступление удалось возобновить летом, когда оно было расширено в сторону Трентино. Центральные державы рассчитывали, что до того времени произойдет решительное наступление на Западном фронте. Вот почему, начиная с половины декабря, германские войска стали постепенно покидать Венецианскую область.

Причины остановки австро-германского преследования

Таким образом, предпринятое австро-германцами после небывалых в истории успехов преследование итальянцев было задержано последними 26 ноября 1917 г., так сказать, у самой цели.

Неудача австро-германцев объясняется многими причинами материального и технического порядка. Во-первых, итальянцы провели свой отход в удовлетворительных условиях. «Итальянская армия, — заявил Фош, передавая 23 ноября командование генералу

---

[1] 30 декабря была захвачена обратно гора Томба, обладание которой обеспечивало противнику очень неприятную для итальянцев возможность наблюдения за тылами всей линии Пиаве.

Эта контратака, отлично подготовленная и проведенная, была блестящим успехом для французской 47-й дивизии, которая в несколько часов захватила все намеченные объекты с минимальными потерями (54 убитых, 205 раненых) и взяла 1 500 пленных, 8 орудий, 63 пулемета.

Файолю, — очень хорошо провела отход на фронт от Пиаве до горы Граппа. Я хотел высказать вам это, зная по собственному опыту, как трудно остановить отступление, возобновить сопротивление победоносному противнику и справиться с ним. Вы дали итальянской армии полную возможность энергично оборонять территорию страны». Отступив, итальянцы создали четкий и твердый план обороны. Фронт, который предстояло удерживать, не был слишком растянутым для имевшихся сил. Стратегическая группировка была лучше, чем на 24 октября.

С другой стороны, австро-германцы были истощены. Сил и средств у них было недостаточно. Особенно плохо дело обстояло с боевым питанием. Одним словом, атакующие выбились из сил.

Неудача объясняется также причинами морального порядка. Итальянские армии оправились. Поставленные теперь в нормальные условия для обороны, войска снова обрели способность к сопротивлению. А сопротивление, которое они вновь смогли оказать, в свою очередь восстановило их веру в свои силы и укрепило их боеспособность.

Что же касается итальянского народа, то разразившаяся катастрофа заставила его, наконец, понять, что дело идет о жизни и смерти. Несчастье привело к моральному единству. «Итальянцы,— пишет генерал Краус, — могут гордиться тем, что они удержали гору Граппа, несмотря на все усилия лучших австро-германских войск».

«Казалось невозможным, — пишет также бывший начальник штаба эрцгерцога Евгения, — чтобы после такой катастрофы, как под Капоретто, армия могла так быстро оправиться».

С 11 по 26 ноября итальянцы на импровизированной позиции отразили противника, которому успех придал смелости. Для них эти дни принадлежат, может быть, к самым славным за всю войну.

Замечания и выводы

По своей скорости, блеску и размаху прорыв под Капоретто принадлежит к самым плодотворным и самым замечательным во всей истории наступлениям.

Мы видели, чем объясняются такие крупные результаты.

В военном искусстве клубок следствий и причин всегда очень запутан. В нем ни один из многочисленных факторов успеха или неудачи никогда не бывает простым, а каждый окружен рядом элементов, иногда видимых, а иногда и невидимых.

Так, при объяснении причин итальянской катастрофы под Капоретто приходится одновременно учитывать: со стороны центральных империй — высокие качества атакующих германских войск, превосходство плана наступления, силу внезапной атаки, маневроспособность атакующей пехоты; с итальянской стороны — исключительное стечение обстоятельств и сочетание самых разнообразных факторов слабости. Даже чисто случайные факторы были против итальянцев: плохая погода с начала октября, а особенно 24 октября, мешавшая наземному и воздушному наблюдению; болезнь командующего 2-й армией с 15 по 25 октября — в самые критические дни.

С итальянской точки зрения, события под Капоретто представляют все характерные черты военного поражения, причины которого можно отнести к двум основным категориям:

— военные причины профессионального и технического порядка;

— военные причины морального характера.

И те и другие по существу вытекают из слабости сил и несовершенства методов действия. Как было показано во вступительной главе, к ним присоединились причины политического порядка.

Рассмотрение этих различных причин выявляет уроки, которые следует извлечь из катастрофы. Ниже мы, став исключительно на дидактическую точку зрения, приведем некоторые вытекающие из этой катастрофы замечания и выводы [1].

[1] Было бы, конечно, очень интересно рассмотреть, какое развитие получили бы события при наличии армий, оснащенных всей современной нам военной техникой: мощной бомбардировочной авиацией, быстроходными танками, моторизованными частями. Однако такое исследование выходит из рамок настоящего труда.

ПРИЧИНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Самое главное — командование и организация, — писал около 1900 г. генерал Бональ, делая вывод из самого высокого урока, который, с его точки зрения, оставила нам военная история от Наполеона до фельдмаршала Мольтке.

Командование

Мы уже указывали, что командиры некоторых итальянских крупных войсковых соединений — дивизий или корпусов — заслужили упреки за свои действия во время операции. Однако было бы очень трудно точно сформулировать эти упреки, так как в данном случае ошибки и промахи вытекали главным образом из общей обстановки.

Напомним для примера только один случай: мы видели, какие случайности и какое роковое стечение обстоятельств, подчас совершенно не зависящих от самих людей, привели к тому, что командиры итальянских 4, 27 и 7-го корпусов не сумели накануне 24 октября обеспечить взаимодействие между собой как раз на самых уязвимых участках фронта, а во время сражения не смогли выполнить своей задачи так, как они сами намечали.

Сам командующий 2-й армией, несомненно, заслуживает упрека в том, что проявил недостаток дисциплины, не выполнив буквально полученных им приказов. Но надо также сказать в его оправдание, что, когда он, наконец, получил от начальника генерального штаба директиву, не допускающую двоякого толкования, это распоряжение пришло уже слишком поздно.

Приемы командования генерала Кадорны, безусловно, имели недостатки. Повидимому, главнокомандующий держался слишком далеко от командующих крупными войсковыми соединениями и, запершись в главной квартире, как в «башне», недостаточно заботился о поддержании моральной связи с войсками. Но нельзя сказать, что он проявил недостаток воли, решимости, хладнокровия или стойкости. Переживая крушение всех своих надежд, он оставался невозмутимым и пошел на все жертвы, лишь бы спасти армию. Он обладал тем качеством, которое является выражением уравновешенности ума и характера, а именно — твердостью духа.

Тем не менее итальянское главное командование несет ответственность за целый ряд явных промахов в отношении организации армии, ведения сражения и руководства операциями.

Организация

Организация позволяет осуществлять на практике согласование усилий, требуемых задачей: на низших ступенях командования она лежит в основе применения оружия, на высших ступенях позволяет проводить экономию сил. Чем сложнее материальная часть,

чем больше численный состав войск, чем труднее задача командования, тем более решающую роль играет организация. Область организации является одной из тех, слабости которой нельзя исправить во время операции.

В итальянской военной организации имелись серьезные недостатки и прежде всего в организации главного командования. Так, «в главной квартире» главнокомандующий работал непосредственно и исключительно со своей канцелярией [1]. Правда, он имел помощника начальника генерального штаба, но последний, ведавший в числе прочих своих функций и разведывательной службой, не имел никакого касательства к операциям.

Из этого вытекала одновременно и чрезмерная централизация вокруг главнокомандующего, отсутствие облеченного властью лица, которое могло бы снять с него часть его тяжелых обязанностей, и, наконец, очень нежелательная отчужденность между органами, которые во Франции называются «вторым» и «третьим бюро» [2].

Одному командующему подчинялось 9 армейских корпусов, или 25 дивизий из 60, имевшихся в итальянской армии. Эта огромная группировка находилась под командованием генерала, преисполненного энергии, честолюбия, самостоятельности. Такое положение слишком благоприятствовало умалению роли главного командования. Оно неизбежно должно было привести к конфликту между главнокомандующим и командующим армией.

Отсутствовала та гибкость, которую придало бы организации командования наличие такой промежуточной командной инстанции, как командование «группой армий», особенно во время отступления (с 25 по 30 октября).

Нехватало также разумной организации «общего резерва». Последний, вместо того чтобы состоять из крупных соединений, располагающих всеми своими штатными средствами, слишком часто дробился на части в ущерб спаянности.

Но самой серьезной ошибкой было отсутствие «дивизий» как крупного соединения из всех родов войск. Отсюда вытекали органическое отсутствие взаимодействия между пехотой и артиллерией и связанные с этим тактические прорехи.

Ведение сражения

Сражение под Капоретто с итальянской стороны не соответствовало правильным принципам обороны. Главные силы 2-й армии были совершенно несвоевременно скучены на плато Байнзицца. Это прямо противоречило разумной экономии сил. На большинстве участков линия главного сопротивления была вынесена слишком далеко вперед; а так как начальники всех степеней очень боялись потери хотя бы нескольких квадратных метров пространства, то в передовой линии войска были расположены слишком густо.

---

1 Так называемый «Секретариат начальника генерального штаба».
2 То-есть разведывательным и оперативным отделами штаба.— *Ред.*

Наступающий сразу оказался в соприкосновении не с прикрытием, а с главными силами. Отсутствовало эшелонирование в глубину, единственно способное обеспечить командованию свободу действий.

Сражение велось без всякого действенного маневрирования: то армейские резервы, как 7-й корпус, вводились в бой 24 и 25 октября без собственных наблюдательных пунктов и без огневой поддержки, то общие резервы использовались 25 и 26 октября в виде подвижных волн, вместо того чтобы образовывать преграды на ответственных участках. Следует отметить, что итальянские пехотные части, вследствие своей недостаточной боевой подготовки, были очень мало способны к маневрированию [1]. Вот почему мы видим, что во время отступления они постоянно старались образовывать непрерывные фронты, а когда им не удавалось построиться в линию, они инстинктивно отходили.

Одним словом, оборонительным сражением никто не руководил: в нем просто подчинялись воле противника.

Надо, однако, сказать, что допускавшиеся нарушения принципов обороны в значительной степени объясняются внезапностью и исходной стратегической обстановкой, что уже относится к общему руководству операциями.

Прорыв под Капоретто прежде всего выявляет несомненное превосходство наступления, которое одно может «давать решающие результаты». Он показывает также, что для перехода в наступление нет необходимости обладать абсолютным численным превосходством, так как в октябре 1917 г. австрийцы в общем отнюдь не имели перевеса в силах над противником. Однако необходимо во что бы то ни стало добиваться этого превосходства в избранном районе наступления. Вот почему австро-германцы сосредоточили в районе прорыва очень крупные силы.

Этим объясняется также характер их наступления, которое они вели стремительно и без оглядки, оперев один фланг о море, а другой о горы, причем ударная армия ввела в дело в первом эшелоне двенадцать дивизий из пятнадцати.

Чтобы усилить свое превосходство на избранном участке, германское командование сумело извлечь выгоду из двух существенных факторов: внезапности и оперативной конъюнктуры.

Внезапность

С 1915 г. до лета 1917 г. всякое готовившееся наступление крупного масштаба всегда обнаруживалось противником ввиду

---

[1] Справедливость требует отметить, что эта пехота знала только позиционную войну, так как за неимением свободных войск для производства смен она не могла время от времени уходить в тыл для совершенствования своей подготовки в маневренной войне.

Позволительно задать себе вопрос, какова была бы способность к сопротивлению у французской пехоты во время прорыва в марте 1918 г., если бы, благодаря предусмотрительности главнокомандующего и во исполнение общей директивы главной квартиры от 31 декабря 1917 г., она в течение всей зимы не проводила учебно-тактической тренировки на необорудованной местности, чтобы тем самым возродить свою маневренность.

огромных приготовлений, необходимых при позиционной войне. Поэтому обороняющемуся всегда удавалось во-время ликвидировать прорыв. На этот раз австро-германцы применили против итальянцев новые, усовершенствованные приемы наступления, впервые, за несколько недель до того, с большим успехом испробованные германской армией под Ригой. Итальянцы же еще не успели приноровить свои оборонительные приемы к новому методу наступления. В частности, они не осуществляли принципа упругой обороны, а продолжали сидеть за своими проволочными заграждениями в обманчивом сознании безопасности.

Внезапность, выражающаяся в применении новых средств борьбы или в неожиданном маневре, от пращи Давида до танка генерала Этьена, от ложного отступления Горация до замаскированного отхода французской 4-й армии в июле 1918 г., внезапность, которая не только не уменьшает значения человека, а наоборот, возвышает его, так как является творением его ума, всегда остается одним из основных факторов побед. И в данном случае она сыграла в борьбе решающую роль. А это лишний раз доказывает, что необходимой предпосылкой подготовки успеха является разведка.

Существует школа, которая считает заботу о добывании сведений своего рода тенденцией к подчинению воле противника и осуждает, как слабость, стремление к правильному учету сил противника.

Но в главной квартире Наполеона из трех отделений его походной канцелярии не было ли важнейшим, несомненно, разведывательное отделение? Если кампания 1806 г. считается законченным образцом наполеоновской стратегии, то не потому ли, что она представляет картину группировки сил, всегда уравновешенной, но продвигающейся вперед именно на основе добытых сведений, так как «развитие маневра является лишь продолжением разведки»?

Разве в наше время не благодаря добытым своевременно сведениям оказались возможными победоносное контрнаступление на Марне в сентябре 1914 г. и победа в Шампани 15 июля 1918 г.? И наоборот, разве не роковое отсутствие сведений привело к катастрофам в приграничном сражении во Франции, на Шмен-де-Дам, и под Капоретто?

Разведывательный отдел играет роль первостепенной важности.

Почему же эта роль так плохо исполнялась в итальянской армии в октябре 1917 г.?

Пробел в этом отношении объясняется прежде всего уже упомянутым организационным пороком, создавшим перегородку между оперативным отделом и разведывательной службой.

С другой стороны, подлежит сомнению, что личный состав итальянской разведывательной службы обладал надлежащей профессиональной квалификацией; быть может, ему нехватало технических знаний, так как, сообщая о подготовке, проводимой противником, он не мог ясно различить, указывают ли замеченные признаки на оборону или на наступление; может быть, ему недоставало общих знаний, так как от него ускользнуло происшедше

летом 1917 г. внезапное изменение стратегической обстановки в Европе в пользу центральных держав; может быть, ему нехватало методичности мышления, так как ему случалось принимать за достоверное то, что являлось лишь предположением.

Обязанности начальника разведывательного отдела требуют совершенно особых качеств. Оперативный отдел требует скорее профессионалов военного дела, техников, обладающих широкой военной культурой и одаренных способностью повторять и расширять простую идею, наподобие композитора, пишущего партитуру. Разведывательный же отдел, кроме широкой военной культуры, требует от своих работников воображения, пытливого ума, а самое главное — той способности к синтезу и обобщению, благодаря которой уму удается определять относительную ценность достоверного и недостоверного.

Следует также отметить ошибочную идею, повидимому, лежавшую в то время в основе работы разведывательного отдела итальянского штаба: вместо того чтобы представлять командованию предположения, итальянский разведывательный отдел подсказывал ему выводы; вместо того чтобы ограничиваться составлением сводок о возможностях противника, он произвольно толкует намерения противника и даже представляет командованию категорические «заключения». Между тем представление заключений не должно входить в компетенцию разведывательного отдела. Когда на высших ступенях командования главное командование возлагает на начальника разведывательного отдела обязанность представлять ему заключения, это путает роли и смещает ответственность.

13 октября 1806 г. утром в главную квартиру в г. Гера поступают различные сведения и донесения. Наполеон с лихорадочной поспешностью знакомится с ними. «Наконец, пелена разорвана», — заключает император. Можно ли представить себе, чтобы право сделать это заключение было предоставлено какому-либо подчиненному или даже самому начальнику штаба, маршалу Бертье?

«Заключение» имеет важнейшее значение, и всякая ошибка в этом отношении может оказаться непоправимой: когда в апреле 1796 г. австрийцы и сардинцы разделились, как предчувствовал Наполеон, — последовал молниеносный марш на Лоди; когда 18 июля 1815 г. пруссаки и англичане соединились, вопреки предположениям Наполеона, — последовало Ватерлоо.

Составить себе суждение о комплексе сведений и вывести из них заключение — вот, быть может, самая трудная умственная задача, которую приходится разрешать военному. Для этого нужна способность, которую в просторечии называют интуицией и которая по существу является приобретенной способностью, рефлексом высокого интеллекта, долгой тренировкой выработавшего в себе привычку отыскивать причинную связь между явлениями.

Таким образом, никто другой, как сам ответственный начальник, должен со всей умственной энергией лично заниматься изучением синтеза добытых сведений.

Стратегическая (оперативная) конъюнктура

Эта неблагоприятная для итальянцев конъюнктура тоже была искусно использована австро-германцами.

С самого начала войны стратегическая (оперативная) обстановка на всем австро-итальянском фронте сложилась не в пользу итальянцев вследствие давления, которое оказывал австрийский Трентино на их территории, а также ввиду чрезмерной длины пограничной линии по отношению к числу имевшихся у них дивизий (35 дивизий в 1915 г., самое большее 65 дивизий в 1917 г. на 600 *км* границы).

Если в 1915 г. итальянское командование не проявило в определенный момент достаточной стремительности, если позднее, особенно накануне Капоретто, оно испытало мучительные колебания, то это объясняется все той же угрозой, висевшей над его тылами.

Если в 1918 г. итальянская армия не могла производить планомерной смены частей на фронте и не располагала достаточным числом свежих дивизий, то это происходило от диспропорции между протяжением фронта и численностью сил.

В октябре 1917 г. это положение было еще более критическим, чем когда-нибудь: так как две трети итальянских сил увязли к западу от Тальяменто, то тактическое поражение на фронте в Трентино грозило повлечь за собой крушение всей итальянской военной мощи. Действительно, наступление противника в направлении на Средний Тальяменто немедленно поставило бы под угрозу всю массу 2-й и 3-й армий. Разбита была только 2-я армия, но стратегическая (оперативная) обстановка потребовала общего отхода 1 400 000 человек, считая в том числе и 4-ю армию, втянутую в отход несколько позднее. Таков был груз, которым стратегия обременила военные действия итальянской армии.

Наоборот, используя эту конъюнктуру и проведя искусную операцию, австро-германскому командованию удалось добиться крупных результатов. Угрозой со стороны Трентино оно встревожило итальянское командование и вызвало в нем нерешительность. Предприняв наступление на Джемону, оно выбрало направление, которое могло обеспечить наилучшие результаты стратегического (оперативного) развития успеха. Конечно, оно остерегалось «заниматься стратегией в пустоте» (faire de la stratégie dans le vide), не заботясь о тактических препятствиях. Считая, что «самая лучшая стратегия ничего не стоит, если тактике не удается разбить противника», оно, наоборот, пустило в ход все средства — внезапность и мощные силы, чтобы сперва победить на поле сражения и, таким образом, создать необходимые предпосылки для стратегического маневра.

Но таких огромных результатов, притом сравнительно слабыми силами и с относительно небольшими потерями, оно смогло достигнуть именно благодаря своему стратегическому маневру. В этом отношении операция под Капоретто не так далека от операций под Монтенотто или под Ульмом. Дело в том, что стратегия

(оперативное искусство) является, несомненно, высоким искусством. Однако часто забывают подчеркнуть, что это высокое искусство, заключающееся по существу в выборе общих направлений, само основано на породившей его науке — географии. Действительно, рассматриваемая в пространстве война представляет собой географическое явление. Если выбор направлений ударов составляет высший элемент стратегии (оперативного искусства), то эти направления определяются географией. Если тактическое боевое действие дает стратегические (оперативные) результаты, то это потому, что географические условия повышают его значение.

27 мая 1918 г. французская армия была атакована на Шменде-Дам с такой внезапностью и стремительностью, которые напоминают наступление под Капоретто. В первый день противник продвинулся на 10 *км*, переправился через Эну, достиг р. Вель. За третий и четвертый дни он прошел вперед 60 *км* и вышел на берег Марны от Дормана до Шато-Тьери.

Под Капоретто австро-германцы в первый день даже не продвинулись на такую глубину, а через 6 дней глубина их продвижения составила только 40 *км*.

Почему же эти два прорыва, которые в некоторых отношениях допускают сравнение, имели далеко не одинаковые последствия?

Это, несомненно, объясняется причинами стратегического характера. Так как на французском фронте остались непоколебленными два оплота обороны — Реймс и лес Виллер-Котрэ, германцы не могли добиться никакого стратегического результата. Наоборот, на итальянском фронте уже на третий день сражения весь фронт на Изонцо был непоправимо обойден. В том и в другом случае возможности маневра для развития успеха сложились по-разному вследствие различной конфигурации театров военных действий.

География оказывает на стратегию (оперативное искусство) существенное влияние. География для стратегии имеет такое же значение, как топография для тактики.

Пренебрежение географической основой привело к самым спорным положениям французского плана № XVII [1] и к развертыванию Кадорны на Нижнем Изонцо.

С развитием мото-механизированных соединений влияние географического фактора на будущие сражения, имеющие целью уничтожение противника, станет еще более заметным.

ПРИЧИНЫ МОРАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Помимо причин технического порядка, оказавших влияние на материальные силы, поражение итальянцев, несомненно, объясняется и причинами психологического и морального порядка. На эти причины откровенно указывают сами итальянские авторы.

[1] План, по которому происходило развертывание французских армий в начале первой мировой империалистической войны в 1914 г.

Чрезмерная централизация, вытекавшая из систематического недоверия; ошибки в системе командования, выразившиеся в безудержном смещении командиров, что привело к дезорганизации частей и падению доверия к командному составу; жестокий и непоследовательный дисциплинарный режим с вытекающими из этого ошибками административного характера; отсутствие заботы о материальном, бытовом и культурном обслуживании войск; даже тот дух независимости и небрежности по отношению к своим обязанностям, который иногда наблюдался среди офицеров военного времени, — все эти недостатки происходили в конце концов от одной основной причины — низкого качества строевого командного состава. Значительная часть кадровых офицеров была перебита в начале войны. Главная масса офицеров запаса не прошла подготовки в мирное время. Основа всего военного здания имела трещину.

Таким образом, учитывая крепкие природные качества итальянского солдата, восторженного, выносливого, непритязательного, работоспособного, мы склонны подписаться под словами генерала Кавачокки в показаниях перед следственной комиссией. Напомнив о поведении своего 4-го корпуса 24 октября, об упорной борьбе бригады «Этна» к западу от горы Нэро, о стойкости 50-й дивизии, один из полков которой — 87-й пехотный — почти 11 часов отражал атаки противника, о сопротивлении, оказанном 46-й пехотной дивизией, после того как она была разрезана на две части взрывом минного поля, — Кавачокки сказал, что «всюду, где командиры хорошо командовали, солдаты держали себя хорошо».

Всем известен следующий тезис наполеоновской доктрины: «В сражениях дело обстоит так же, как с осадами. Надо нанести удар в одном пункте. Когда брешь пробита, равновесие нарушается. Все остальное становится ненужным». Это значит, что с образованием бреши разрушается материальная сила противника. Но в то же время зачастую как следствие нарушается и его моральное равновесие.

Действительно, тактическое поражение, вызванное внезапностью или сокрушительным ударом превосходных сил, неизменно приносит всегда одни и те же неблагоприятные плоды. Тактическое поражение, разрывая организационные связи, разрушая взаимное доверие между войсками и командованием, очень быстро распространяет вокруг себя свое губительное влияние. Подобно тому, как совершенно здоровый организм может погибнуть в несколько дней от любой инфекции, если только она перейдет в общую инфекцию, так разбитая армия подвергается опасности скатиться по наклонной плоскости поражения до полного развала.

24 октября итальянская армия испытала на себе действие материального превосходства противника в решающем пункте. С 24 по 27 октября она вся была постепенно вовлечена в водоворот. Ее материальная дезорганизация повлекла за собой ослабление моральной устойчивости. Если за эти дни некоторые соединения этой самой армии, в частности 24-й корпус, продолжали очень стойко держаться против австрийцев на плато Байнзицца, то это объясняется тем, что они не находились в тесном соприкосновении

с районом, на который распространялось болезнетворное влияние поражения.

Чтобы уяснить себе размеры катастрофы, остается определить относительное значение моральных причин, предшествовавших сражению, и моральных причин, вытекающих из него.

Оценка эта очень трудна, так как патология армий слагается из слишком изменчивых и трудно поддающихся измерению элементов. Но совершенно бесспорно, что здесь приходится учитывать психологию коллектива.

Подобно тому, как в общественной жизни отдельные личности, подвергшиеся его влиянию, действуют не по своей воле, а по воле окружающего коллектива, так в боевой обстановке, где организационные связи разорваны, массы бойцов имеют тенденцию вместе реагировать на события в направлении наименьшего усилия. Чувство индивидуальной ответственности стирается.

Во всякой войне отмечаются случаи повального смятения, вызывающего панику. Такие случаи нередко имели место и во время мировой войны.

«22 марта 1918 г., — пишет Фош, — английская 5-я армия отступала на Сомму. Непонятный и необъяснимый факт, который мог быть вызван только заразительностью смущения и смятения, охвативших войска, сильно атакованные в первой линии, — Сомма, находившаяся в нескольких километрах в тылу, была захвачена, можно сказать, почти без выстрела».

Аналогичное состояние пережила французская армия в мае 1918 г. на Шмен-де-Дам, когда целые полки, бригады, дивизии исчезали в водовороте, а соединения, присланные на поддержку, превращались в пыль.

Описывая поражение германцев 8 августа 1918 г., Гинденбург сообщает: «Внезапно по всему нашему боевому расположению распространились тревожные слухи. Утверждали, что массы английской конницы уже у нас в тылу. Бойцы потеряли мужество. Самые прочные позиции были брошены. Воображение рисовало самые ужасные картины и заставляло принимать их за реальную опасность».

В своих воспоминаниях о первом сражении на Марне германский полковник Бауэр в том же духе рассказывает о панике, царившей в один из вечеров (в сентябре 1914 г.) в тылу германских правофланговых армий.

Обычно паника распространяется в армиях, когда самые кровопролитные усилия оказались тщетными. Тогда-то и «появляется... призрак разгрома, великан с растерянным лицом». Паника увлекла дивизию Леграна и саксонцев с поля сражения под Ваграмом, а под Ватерлоо, после последних бесплодных атак, — остатки Великой армии. Совершенно то же было в боях древности, когда за ударом, имевшим целью расстроить противника, следовала действительно смертельная схватка, за регулярным боем (proelium) — избиение (coedes).

Под Капоретто итальянская армия вечером, после проигрыша сражения, также испытала на себе явление паники. И, как в древ-

ности сигнал к бегству подавали воины, находившиеся в последних рядах фаланги, так здесь первыми дрогнули люди, принадлежавшие к составу разных служб или рассыпавшиеся по долинам, тогда как настоящие бойцы удерживали высоты. Таким образом вокруг командных пунктов и среди подкреплений была посеяна деморализация. А затем упадок боевого духа передался всей массе людей.

Существуют ли средства против упадка боевого духа у целых больших соединений?

Не всегда можно помешать возникновению такого явления. Однако можно захватить его источники, ослабить его проявление, ограничить его влияние. Из средств, которыми можно противодействовать разложению войсковых соединений, операция под Капоретто выявила значение строгого поддержания порядка в тылу, роль которого еще вырастет в будущем — с развитием авиации, бронесил и средств химического поражения; необходимость особенно тщательно заботиться о поддержании здорового морального состояния войск, находящихся в резерве; большое значение хорошей организации и высоких качеств строевого командного состава. Но самой сильной гарантией спайки, несомненно, является чувство доверия войск к командованию.

Высокое моральное состояние на войне можно уподобить кредиту в финансах. То и другое по существу основано на доверии. Всем известна знаменитая аксиома: «Дайте мне хорошую политику, и я дам вам хорошие финансы». Ее можно бы перефразировать так: «Дайте мне хорошее командование, хорошую тактику, и вы будете иметь высокое моральное состояние в армии».

Моральные силы являются своего рода кредитом. Это — кредит, который массы бойцов предоставляют командованию.

Таким образом, командование обязано прежде всего создать и оправдать доверие, затем должно поддерживать его, главным образом боевыми успехами (вот почему продолжительное бездействие или оборона всегда так разрушительно влияют на моральное состояние войск). Но для этого нужно с самого же начала нечто большее.

Описывая сражение на Шмен-де-Дам, генерал Мордак [1] выражается следующим образом: «Чтобы командование было уверено в своих войсках, оно должно добиться у них и у штабов доверия и любви — этих двух рычагов, необходимых для того, чтобы дать начальнику уверенность в том, что ему будут повиноваться и пойдут за ним. Во французской 5-й армии этого не было».

Со своей стороны, Уинстон Черчил [2] пишет о командующем английской 5-й армией, которая развалилась в марте 1918 г.: «Его репутация была такова, что войскам и командирам было неприятно входить в состав 5-й армии, так как там господствовало убеждение в том, что наступления ее подготовляются недостаточно тщательно».

---

1 Генерал Мордак, Министерство Клемансо, том II.
2 У. Черчил, Мировой кризис, том III.

Что же касается командующего итальянской 2-й армией на фронте Капоретто, то, «судя по некоторым итальянским свидетельствам, он своей природной жестокостью и грубостью возбуждал в массе чувства, близкие к ненависти, несмотря на привлекательные качества высокого ума[1]».

Такое любопытное совпадение может служить доказательством того, что для командования недостаточно обладать необходимыми умственными способностями. Оно должно также уметь привлекать к себе сердца[2].

ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Хотя непосредственными причинами поражения были причины военного порядка, однако катастрофа под Капоретто объясняется и другими причинами, лежавшими вне армии, более отдаленными и более глубокими, относящимися даже к периоду, предшествовавшему войне, а также к области политики. Дело в том, что, в конечном счете, все слабости как материального, так и морального порядка вытекают из образа действий правительства и из принципов, лежащих в основе политики.

Слабости материального порядка, имевшиеся в итальянской армии до войны и так затруднившие впоследствии ведение операций, — недостаток вооружения, организационные недочеты, низкие качества командного состава, неподготовленность во всех областях — очевидно, являются последствием неверного направления общей политики.

Политические власти не исполнили своего важнейшего долга, заключающегося в подготовке материальных сил страны — живой силы, вооружения, запасов. Из-за недостаточности подготовки к войне итальянцам пришлось три года топтаться на месте, прежде чем они добились существенных успехов.

Не возвращаясь к войне 1870 г., можно сопоставить этот результат с тем, во что обошлась Франции относительная слабость ее материальных сил в 1914 г. Со 2 августа по 1 октября 1914 г. французы потеряли, считая только потери в людях, 450 000 бойцов, а немцы на французском фронте — не более 300 000. Ценой ассигнования 100 млн. золотых франков французская артиллерия имела бы по 3 000 выстрелов на 75-*мм* пушку вместо 1 500; впоследствии, ввиду затяжки войны, пришлось затратить на вооружение более 25 млрд. золотых франков.

---

[1] Доклад итальянской следственной комиссии, том II.

[2] Конечно, все эти рассуждения о «любви» к командованию относятся к буржуазным армиям, в которых командный состав принадлежит к господствующему классу угнетателей. В армии пролетарского государства взаимоотношения между командованием и войсками определяются совершенно иными факторами: принадлежностью командиров и рядовых бойцов к народу, не знающему классовых противоречий, высокой политической сознательностью масс, общей уверенностью в том, что все борются за свое общее дело, а не в интересах кучки капиталистов. — *Ред.*

Только долгая методическая подготовка приводит к быстрой победе. «Судьба страны зависит иногда от одного дня»,—писал Наполеон на острове Св. Елены. — Но, чтобы подготовить этот день, обычно требуются долгие годы».

Эта долгая подготовка во всей ее ширине — дело политики. Итальянская политическая власть не исполнила своего долга в отношении подготовки и поддержки моральных сил страны.

Во вступительной главе было указано, что во время войны среди итальянского народа вели свою работу и пацифисты с ложными идеями и пропагандисты противника. Недостаточно бдительные власти внутри страны не сумели во-время положить этому конец, так что Италия казалась разделенной на две области, в одной из которых расстреливали солдата, проворчавшего: «Пусть кончится война, пусть наступит мир», тогда как в другой можно было безнаказанно кричать на улицах: «Долой войну, да здравствует мир!» Правительство было само повинно в своей собственной слабости.

Следует также указать на достойное осуждения политическое и социальное положение, которое слишком легко мирилось, особенно во время войны, с несправедливым распределением тягот и многочисленными исключениями из закона о всеобщем равенстве, так что живые силы части народа оказались погруженными в спячку, а его национальное сознание было ослаблено.

Исследуя причины поражения, генерал Кадорна раскрыл со своей стороны еще другую сторону этого вопроса. В своих «Мемуарах» он прямо причисляет к ним известную демагогическую тенденцию, наблюдавшуюся еще до войны во всех сферах национальной деятельности: дух неповиновения отдельной личности государству, особенно губительно проявлявшийся даже в государственных учреждениях, а главное — некоторый общий недостаток моральной дисциплины, вытекавший, по мнению Кадорны, из отсутствия системы национального воспитания.

В итоге все эти соображения приводят к тому, что мы должны возложить часть ответственности за поражение на недостаточную силу «общественного духа» в Италии.

Действительно, в военном потенциале государства сознание национального единства является элементом величайшего значения, особенно со времени появления всенародных армий. В этом отношении история дает нам чрезвычайно поучительные примеры.

Разве разгром Пруссии в 1806 г. не объясняли отсутствием сознания национального единства в конце XVIII в.? Анализируя причины катастрофы, Гольц [1] подчеркивает отсутствие солидарности и единства между прусскими общественными классами того времени, странно космополитический дух берлинского дворянства, сентиментализм в духе XVIII в., которым было проникнуто это дворянство (тогда как Франция, долго отдававшая дань этому сентиментализму, избавилась от него, пережив правительство тер-

[1] Фон-дер-Гольц, Росбах и Иена.

рора); в заключение Гольц пишет: «Дух времени был главной причиной гибели прусского могущества».

Точно так же неудачи русских армий отчасти объясняются упадком чувства национального единства при таких министрах, как Протопопов и Штюрмер. Во Франции этим же объясняется развитие военного кризиса в 1917 г. и т. д.

В будущем моральное состояние нации, ведущей войну, будет, несомненно, еще более уязвимым, чем в прошлом [1].

Способность наций к сопротивлению всегда будет находиться в тесной зависимости от качества правительства. «О человеке говорят: он проявил мужество в такой-то день. О нации надо бы говорить, — писал еще Вольтер [2], — что она была такой-то при таком-то правительстве, в таком-то году».

Наконец, в числе причин, влиявших на моральное состояние итальянцев, следует упомянуть и об общем направлении итальянской внешней политики. В этом отношении следует напомнить, что до своего вступления в войну на стороне Антанты Италия в течение нескольких десятилетий была членом Тройственного союза. Поэтому в течение всей войны у Италии не было популярной и решительной цели войны, так что, хотя военные силы ее были мобилизованы, разделенное и сбитое с толку общественное мнение не было мобилизовано. Этот разлад можно непосредственно отнести на счет направления внешней политики.

В общем, если в течение целой фазы войны Италия была слабее своего противника, то, каковы бы ни были прочие причины слабости — материальная и моральная неподготовленность, внешние влияния, в основе этой слабости лежала некоторая слабость государственной политики.

Дело в том, что современная война отнюдь не сводится к столкновению между армиями обоих противников, а является выражением борьбы между всей совокупностью их сил — военных, экономических, моральных и политических.

Таким образом можно утверждать, что война фатальным образом разыгрывается еще в мирное время.

Поэтому полная ответственность за исход борьбы ложится далеко не на одно только военное командование в собственном смысле слова. На кого же она падает? На всю нацию, т. е. практически на орган, облеченный властью. За правильное использование всех сил нации непосредственно отвечает политическая власть.

Величайшие военные катастрофы, определявшие собой судьбы народов, неизменно имели в своей основе политические предпосылки: внутренние раздоры, авантюристическое правительство или недостаточную твердость власти.

Хотя события войны настолько сложны, что они, повидимому, не поддаются логическому анализу, задача победы сводится в ос-

---

[1] Читай: капиталистическим правительствам будет не так легко обманывать массы трудящихся. — *Ред.*

[2] «История Карла XII» (предисловие).

новном к общему приложению правильных принципов правления, к обществам и нациям, к вопросу искусства политики. Высшая предпосылка победы относится к области политики.

УРОКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ГОРНОЙ ВОЙНЕ

Операция под Капоретто особенно поучительна с точки зрения горной войны. И для обороны и для наступления она дает полезные указания в отношении ведения военных действий в горной местности.

Что касается обороны, известно, что в горах рельеф местности оказывает на нее тиранническое влияние. Так как упругая оборона возможна не везде, то всегда имеются пункты, потеря которых влечет за собой крушение всей обороны. Так, развал итальянской оборонительной системы был вызван потерей горы Еза. На Пиаве произошло бы то же в случае падения горы Граппа.

При обороне в горной местности резервы следует держать в ближайшем тылу; действительно, ни части итальянского 7-го корпуса, ни подкрепления, посланные Кадорной в сторону Карнии, не прибыли на место во-время.

Надо также опасаться, даже в горах, районов, считающихся непроходимыми. Подобно тому, как были взяты Ландграфенберг (14 октября 1806 г.) и Доброполье (15 сентября 1918 г.), считавшиеся неприступными, так 24 октября 1917 г. вершина Заградана (выс. 1114) и 26 октября гора Маддалессена были взяты штурмом по скату, считавшемуся непроходимым.

Что же касается наступления, то часто бывает очень важно, чтобы сбор сил происходил по заранее установленному плану, так как резервы либо оказываются не в состоянии продвинуться вперед (27 октября три дивизии резерва 14-й армии еще не смогли продвинуться ни на шаг), либо не успевают во-время подойти к критическим пунктам (так случилось в корпусе Крауса при атаке горы Граппа).

Военные действия в горах требуют разумной экономии сил, применяемой безоговорочно:

— сосредоточения превосходных сил на решающих участках: таковой была массовая атака на горе Еза;

— сочетания различных направлений и децентрализации управления войсками: пример этого дает в германском плане наступления роль корпуса Крауса на правом фланге 14-й армии;

— выбора направлений наступления, выводящих в тыл противника: таковым было в период прорыва наступление в направлении на Джемону, а в период развития успеха — наступление сперва на Лонгароне, а затем по оси Фельтре, Бассано.

По вопросу о том, следует ли отдавать предпочтение наступлению по долинам или по высотам, операция под Капоретто дает нам противоречивые примеры: с одной стороны, мы имеем бои под Плеццо и Тольмино, в которых наступление по долине увен-

чалось успехом, с другой же — пример корпуса Крауса, наступление которого по долинам с обеих сторон горы Граппа окончилось полной неудачей.

Под Плеццо и Тольмино наступление по долине увенчалось успехом потому, что плохая погода ограничила видимость, а следовательно, уменьшила действительность огня, направленного с высот по долинам; тем самым обороняющийся был уже с самого начала поставлен в неблагоприятное положение.

Наоборот, на Пиаве и Бренте наступление по долинам окончилось неудачей именно потому, что за отсутствием эффекта внезапности атакующему не удалось подавить огонь, направленный по долинам.

Таким образом, выбор для наступления высот или долин определяется обстановкой в каждом отдельном случае. При этом основной целью неизменно является открытие доступа в долины. Но чаще всего приходится начинать с захвата командующих над долиной высот, с которых она поражается огнем. Так, 25 и 26 октября австро-германцы считали существенно важными объектами горы Стол, Матаюр и Маджоре, командующие соответственно над входами в долины Уччеа, Натизоне и Торре.

Довольно часто можно найти в долинах участки, удобные для движения значительных войсковых масс; но наступающий располагает в них только одним направлением наступления. Наоборот, на высотах можно действовать только ограниченными силами, и «насыщение» живой силой достигается там очень скоро; но зато там возможно маневрировать.

В итоге решение следует принципиально искать там, где либо ввиду наличия необстреливаемого сектора (мертвого пространства), либо благодаря внезапности противник кажется более слабым:

— против неустойчивых войск наступление по долинам имеет большие шансы на успех;

— однако, как правило, приходится вести наступление по высотам, так как высоты господствуют над путями сообщения и командуют над выходами на равнину.

Эти положения, освященные историей, нашли себе полное подтверждение в событиях под Капоретто.

Наконец, операция под Капоретто самым разительным образом освещает превосходство маневра в горах.

Так как ликвидация прорыва фронта в горной местности представляет особые трудности, преимущество в ней принадлежит тому из противников, который удерживает инициативу и умеет выбирать для наступления самые выгодные направления.

Вследствие того, что горная местность разделена на естественные узкие коридоры, она благоприятствует действиям небольших армий. Приводя к охвату и обходу, маневр в горах может дать сокрушительные результаты.

Примерами таких маневров являются операции под Монтенетто (апрель 1796 г.), под Примолано, Бассано (сентябрь 1796 г.), Зурдрукская на румынском фронте в 1917 г., Салоникская в 1918 г.;

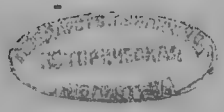
во время последней 15 октября был взят г. Доброполье, 20-го авангарды союзников достигли р. Вардара, а 29-го они вошли в Ускюб, через который должна проходить разгромленная и отступавшая правофланговая группа противника.

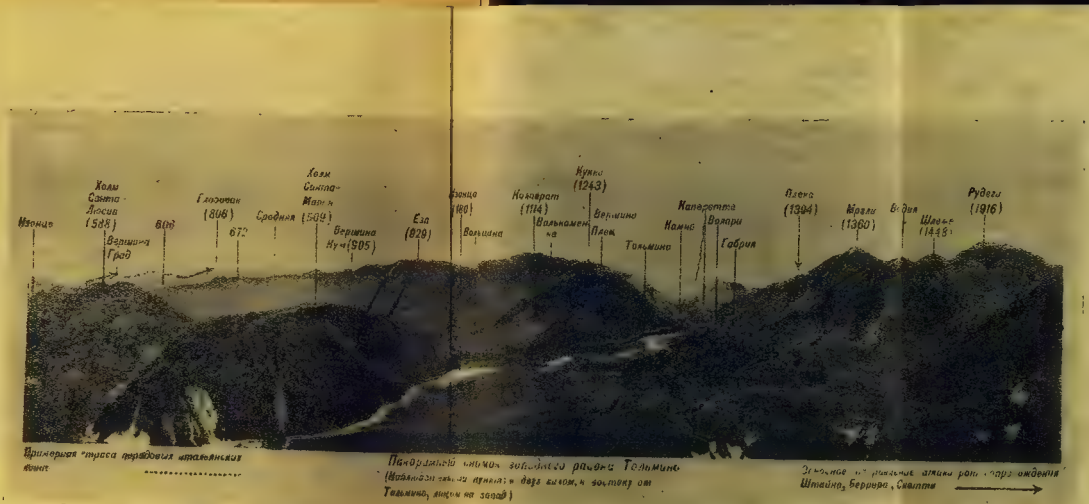
Именно ввиду горного характера театра поражение под Капоретто приняло форму разгрома.

* * *

В настоящем труде мы старались не прикрашивать истину. Ведь поражение — ничто, если побежденный, который казался окончательно разбитым, но чья воля не была сломлена, в конце концов торжествовал над своим противником.

С другой стороны, подобно тому, как при сейсмической катастрофе действующие физические силы обладают на первый взгляд самыми разнообразными чертами, а на самом деле порождены строгим приложением законов тяготения, так и разгром, аналогичный разгрому под Капоретто, объясняется самыми разнообразными причинами разложения — материальными, политическими, моральными, военными и техническими.





Панорама поля сражения под Капоретто.

во время последней 15 октября был взят г. Доброполье, 20-го авангарды союзников достигли р. Вардара, а 29-го они вошли в Ускюб, через который должна проходить разгромленная и отступавшая правофланговая группа противника.

Именно ввиду горного характера театра поражение под Капоретто приняло форму разгрома.

ПЕРЕЧЕНЬ СХЕМ

1. Схема австро-итальянского театра военных действий.
2. Главные изменения австро-итальянского фронта с 24 мая 1915 г. по 26 ноября 1917 г.
3. Главные изменения фронта на Нижнем Изонцо с 24 мая 1915 г. по 1 сентября 1917 г.
4. Общее распределение сил на австро-итальянском фронте на 24 октября 1917 г.
5. Общее распределение сил на фронте Изонцо 24 октября 1917 г.
6. Поле сражения под Капоретто. Обстановка на 24 октября 1917 г.
7. Профиль поля сражения под Капоретто.
8. Распределение резервов на фронте Изонцо согласно приказу (невыполненному) итальянского главного командования от 3 октября 1917 г.
9. Район горы Еза и атаки на фронте итальянской 19-й дивизии.
10. Последовательные рубежи сопротивления, намеченные Кадорной для 2-й армии.
11. Обстановка 27 октября в полночь.
12. Развитие успеха австро-германцами (27 октября—26 ноября).
13. Обстановка на левом берегу Тальяменто 13 октября утром.
14. Район прорыва оборонительной линии на Тальяменто. Обстановка 4 октября вечером.
15. Наступление на массив горы Граппа. 13—26 ноября.

Панорама поля сражения под Капоретто.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От издательства	3
Вступительная часть	7
Военная обстановка и военные факторы	—
Несколько замечаний о технических качествах армий	19
Политическая обстановка в воюющих странах	23
Часть I. Подготовка сражения (8 сентября — 23 октября)	30
Оборонительные планы и исходное положение итальянцев	32
План наступательных операций и исходная группировка австро-германцев	61
Часть II. Поражение итальянцев (сражение 24, 25, 26 октября)	75
Завершение прорыва	97
Часть III. Развитие успеха, достигнутого в сражении	103
Первый период — до Тальяменто (27—31 октября)	—
Второй период — от Тальяменто до Пиаве (1—10 ноября)	131
Третий период — австро-германская попытка прорыва на горе Граппа и отражение ее итальянцами (11—26 ноября)	151
Замечания и выводы	162
Причины профессионального и технического порядка	163
Причины морального порядка	169
Причины политического порядка	173
Уроки, относящиеся к горной войне	176
Перечень схем	179

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присылать отзывы на эту книгу по адресу: Москва, Орликов пер., 3. Воениздат.

20

22233